

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Санктпетербургъ, Ноября 21 дня 1836 года.

Цензоръ П. Корсаковъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

3

I.

ИСТОРИЯ.

I. ХАРАКТЕРЪ СИКСТА V-го

(Изъ Исторіи Филиппа II-го, Короля Испанскаго, соч. Григорія Лети. Амстердамъ 1734.)

I.

Въ 1586-мъ году случилось въ Римъ происшествіе, показывающее характеръ жестокій и чрезвычайную строгость Сикста V-го. Однажды, въ сопровожденіи кардиналовъ, онъ шествовалъ присуществовать при отправленіи службы Божіей. На сихъ выходахъ люди несутъ папу торжественнымъ образомъ на плечахъ, и какъ погда бываешь всегда чрезмѣрно великое стеченіе народа, шлохранители должны подаваться впередъ съ большимъ трудомъ, а въ этой процессіи шествіе ихъ было особенно затруднительно опъ многолюдства гораздо большаго нежели когда либо прежде. Къ несчастію, въ толпы народныя вмѣшался одинъ Испанецъ, недавно прибывшій въ Римъ, знатной фамиліи, родной племянникъ генералъ-инквизишора Испанскаго, находившійся кавалеромъ посольства при Графѣ Оливаресѣ. Еще не ознакомившись съ обычаями земли, кавалеръ вышелъ изъ дому рано поутру, и спалъ на дворцовой лѣстницѣ, чтобы видѣть шествіе первосвященника государя. Какъ пріѣзжій всемѣрно спарался пропускиваться въ передніе ряды, то Швейцарцы, кричащіе съемъ посторониться, насильно

хотѣли подасть его назадъ; впрочемъ въ подобныхъ случаяхъ они поступаютъ такъ со всѣми безъ изьятія, не смотря ни на видъ, ни на достоинство особы. Но Испанецъ держался твердо и еще сильнѣе прежняго пѣснился между народомъ, подаваясь впередъ, такимъ образомъ, чтобы никто не мѣшалъ ему видѣть шествіе изъ самой близи. Тогда одинъ изъ гвардейцевъ случайно задѣлъ его шупымъ концемъ или древкомъ своей алебарды, но пріѣзжій, думая что Швейцарецъ съ намѣреніемъ пронулъ его, и шѣмъ нарушилъ должное къ нему уваженіе, которое, полагалъ онъ, слѣдовало оказывать такому почтенному лицу, какъ онъ, воспыпалъ гнѣвомъ, и грызя опъ злобы палецъ, сказалъ грубому: *«Богъ свидѣтель, я тебѣ за это отплачу.»*

Скоро предсѣдился ему самый удобный случай, чтобы излить свое мщеніе. Однажды, за раннею обѣдею въ церкви Св. Пепра, Испанецъ встрѣтилъ самаго того Швейцарца, который, углубляясь въ молитву, ни мало не помышлялъ о несчастіи, которое его ожидало. Надобно знать, что самъ шѣлохранишель палы, полкнувши древкомъ своей алебарды кавалера, ни сколько не замѣшилъ, чтобы онъ нанесъ ему ударъ, ни того, что эпошъ человекъ грозилъ ему пальцемъ. Но не такъ чувствовалъ шощъ, кто считалъ себя обиженнымъ: во время процессіи онъ съ такимъ вниманіемъ всмогрѣлся въ лице Швейцарца, что его черты глубоко впечатлѣлись въ его памяти, и ему было невозможно не узнать его. И такъ, при первомъ взглядѣ на

молящагося на колѣняхъ, Испанецъ вспомнилъ его обиду, и что теперь наступила удобная минута смыть ее кровію несчастнаго, не размышляя ни о священномъ мѣспѣ, въ коемъ они находились, ни о прѣбуемомъ къ оному уваженіи, сполько онъ былъ ослѣпленъ своего спраснію! Лишь только кавалеръ увидѣлъ врага своего, какъ схватилъ съ бѣшенствомъ сучковатую проспѣ съ круглымъ набалдашникомъ, какія поспѣшъ поклонники, и копорая, къ сожалѣнію, случилась у спѣсны, и поднявши ее, сказалъ гвардейцу: *«шпы меня билъ палкою, а я шебя убью палкою жъ.»* Онъ ударилъ его по головѣ такъ сильно, что несчастный, не имѣвшій минушы исповѣдашь свои грѣхи, палъ мерпвымъ на шомъ же мѣспѣ.... Убійца бросился бѣжать во дворецъ посланника, но за нимъ погнались два другіе Швейцарца, въ церкви бывшіе, не дали ему времени скрышья, поймали его и задержали.

Сикспъ скоро узналъ объ эпомъ происшествіи. Онъ обыкновенно вставалъ очень рано, и въ эпо время именно, нерѣдко находилъ удовольствіе глядѣшь въ окно. Онъ увидѣлъ, что два Швейцарца не выпускаютъ изъ своихъ рукъ Испанца, не зная шому причины. Но когда узналъ о случаѣ и подробностяхъ злодѣянія: *«Какъ! вскричалъ онъ съ гнѣвомъ, какъ! въ правленіе Сикспа, скажутъ всъ, такія убійства свершаются въ Римѣ? уже ли свѣпъ не знаешъ спрогости нашего правосудія? Хорошо! мы немедленно явимъ при-мѣръ шому предъ лицемъ вселенной. Да! съ сей минушы мы ясно докажемъ, сколь неумолима спро-*

«Господь нашего правосудія въ карѣ злодѣевъ!!» Онъ немедленно потребовалъ къ себѣ Римскаго губернатора. Градоначальникъ, зная уже о чрезвычайномъ убійствѣ, совершенномъ въ такомъ мѣстѣ, которое содѣлывало оное еще ужаснѣйшимъ преступленіемъ, свершеннымъ на виду верховнаго первосвященника, и первосвященника папскаго, каковъ былъ Сикспъ, по первому донесенію о томъ, явился въ церковь, не давши себѣ времени одѣться какъ слѣдовало. И такъ ему не прудно было догадаться, въ чемъ могла заключаться повелѣніе папы, тѣмъ болѣе, что Сикспъ, въ неперпѣнн видѣнь его, разослалъ за губернаторомъ почти всѣхъ своихъ гайдуковъ, одного за другимъ. Душа папы споль сильно волновалась, что безмѣрный гнѣвъ обнаружился во всѣхъ его членахъ: онъ спучалъ руками и ногами, и въ спремещельности спраспей своихъ, даже вышелъ самъ на дворцовую лѣспницу, негодуя на мѣшканносн посланныхъ и на лѣнь губернатора. Но еще издали увидѣвши его, вскричалъ грознымъ голосомъ: «Какъ, господиъ губернаторъ! и при нашемъ правленіи умерщвляюшъ людей? Справедливо ли, что убійство шоль ужасное свершено въ присутствіи Бога и предъ глазами нашими? Теперь быспрымъ и спрогимъ правосудіемъ вамъ предспошъ смѣшъ безславіе споль омерзительнаго преступления, которое гнуснымъ образомъ оскорбляешъ и славу Бога, и власъ его викарія.»

Губернаторъ, смущенный и спрешущій, опвѣчалъ, что прежде, нежели онъ поднялся на двор-

цовую лѣспницу, онъ, какъ должно распорядился о производспвѣ нужныхъ спросовъ свидѣтелей, чтобы сообразно ихъ показаніямъ и уликамъ, дѣло было можно внеспи въ ближайшій срокъ на рѣшеніе уголовного суда: «Какъ! возразилъ Сикспъ въ запальчивости еще сильнѣйшаго гнѣва: какъ! сполько формъ, сполько формъ суда!! Я самъ вамъ говорю, что въ подобномъ случаѣ, допросы свидѣпельскіе и приказные обряды вовсе излишни.» Губернаторъ убѣждалъ въ прежнемъ, и со всевозможною покорностію далъ почувствовашъ папѣ, что чинъ преступника, какъ кавалера поспольства Его Каполическаго Величества и племянника генераль-инквизитора Испанскаго, налагаюшъ непремѣнный долгъ слѣдовашъ правиламъ, судопроизводству указаннымъ: «Дѣлайте какіе вамъ хочешся допросы, опвѣчалъ Сикспъ бѣшенный и вышедшій изъ себя, а я говорю, что виноватый будетъ повѣшенъ прежде моего объда, а я желаю сегодня съспъ за споль рано, пошому что имѣю добрый аппетишъ.» Споль рѣшипельное повелѣніе дало уразумѣшъ губернатору, что исчезла вся возможность медлшъ долѣе, и что слѣдуетъ удовлетворити суроваго и жестокосердаго папу. Градоначальникъ удалился и поспѣшилъ распорядишъ о нужныхъ приуготовленіяхъ къ экзекуціи, о соспавленіи розыска и самаго приговора къ наказанію, вкрашцѣ, сколько позволяло немногое время, указанное безусловнымъ и неопмѣняемымъ указомъ государя. И шочно, Сикспъ дошого явилъ свое неперпѣніе, что вслѣдъ зашѣмъ, какъ губернаторъ вышелъ изъ дворца, онъ

послалъ одного изъ комнашныхъ придворныхъ, сказать ему, чшобы онъ помнилъ, что Его Свяшгй-шество голоденъ, но что онъ сядетъ кушашъ не прежде, пока не увидитъ убійцы на висълицѣ. Спустия минушу, онъ опсправилъ другаго изъ своимъ служилелей, объявивъ губернатору, чшобы онъ посшавилъ висълицу на шакомъ мѣспгъ, опкуда па-па удобно могъ бы видѣть экзекуцію.

Изъ сихъ повшоряемыхъ повелѣній, губернашоръ ясно видѣлъ, что рѣшеніе папы слишкомъ опредѣлишельно, и что нельзя медлить исполненіемъ его во всѣхъ часпяхъ. И пошому, ни сколько не откладывая, онъ приказалъ воздвигнушъ висълицу на площади Св. Петра передъ Вапиканомъ, насупротивъ аппариаментовъ папы, чего еще дошоль никогда не видали въ Римѣ. Обспоятельство это подало поводъ кардиналу д'Эспу, тогда во дворцѣ находившемуся, кошорый видѣлъ какъ спшавили висълицу на мѣспгъ шoliko священномъ, уважаемомъ и доспочшимомъ кашоликами, проситъ папу о перемѣнѣ сего распоряженія, изъ опасенія, чшобы подобное зрѣлище не ослабило религиозныхъ чувствованій, внушаемыхъ свяшпсію перваго храма міра Христіанскаго. Сикспъ съ своею обыкновенною непоколебимоспію возразилъ кардиналу: »Я не знаю во вселенной мѣспа священнѣйшаго шого, на кошоромъ караютъ смершопубійцы.« Тогда какъ уштраивали висълицу, губернаторъ производилъ надъ Испанскимъ кавалеромъ слѣдспвіе: онъ незамедлительшо былъ приговоренъ къ смершпой казни, хопя судъ не размашривалъ всѣхъ уликъ или доказательствъ

убійспва, и для защищенія виновнаго, не былъ данъ, какъ водилсѣ обыкновенно, адвокатъ; шловомъ, между свершеніемъ убійспва и опредѣленіемъ сенспенціи о смершпой казни, прошекло шолько чешыре часа съ половиною! Не взирая на шакую скороспъ, Сикспъ былъ неперпѣливъ до шакой спшени, что во все это время, опшавивъ дѣла прохаживалсѣ большими шагами по комнашъ; шловами, изъвляющими чрезмѣрноспъ гнѣва его, повшорялъ горькія жалобы, шопалъ ногами и всякую минушу выглядывалъ въ окно, чшобы видѣшъ, что на площади дѣлаешсѣ.

Между шѣмъ, какъ все пригошовлялось для казни злополучнаго, Испанскій посланникъ съ кардиналами, своимъ сошпечеспвенниками, кошхъ въ крашкоспи времени могъ собрать къ себѣ, поспѣшилъ во дворецъ. Онъ прибылъ не для испрошенія помилованія преспшупнику, ибо зналъ всю невозможноспъ возбудитъ состраданіе папы шакого характера, каковъ былъ Сикспъ, обыкновенно опвѣчавшаго, когда испрашивали у него подобной милосши: »Я прибылъ неспи не миръ и крошоспъ, но брань, мечъ и огонь прошиву злодѣевъ.« Графъ предспалъ проситъ у неумолимаго государя одной милосши, подкрѣпляя свои усерднѣйшія убѣжденія именемъ Его Величеспва Короля Каполическаго, перемѣнитъ родъ казни, позволитъ, чшобы преспшупнику была опшрублена голова, какъ дворянину, дабы не обезчеспитъ всего дома его, націи Испанской, самой особы и сана его, посланника, подлымъ наказаніемъ висълицы. Но Сикспъ, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ неумолимый, опшвѣчалъ, что

подобное убійство заслуживаетъ не меча, а веревки; что являясь въ такомъ случаѣ милость пресупнику, поругавшемуся надъ величіемъ Божиимъ и надъ викаріемъ Иисусъ-Христовымъ, значило бы одобрять на посягательство противу величія Бога, Церкви и верховныхъ владыкъ; но что за всѣмъ пѣмъ, желая всевозможнымъ образомъ уважить ходатайство министра поль великаго государя, и членовъ Священной Коллегіи, онъ, папа, обещаешь облагородить смерть убійцы, приказавъ предать его смерти предъ своими глазами.» И точно Сикстъ находился у окна, доколѣ Испанецъ не погибъ на висѣлицѣ. Тогда, обратясь къ придворнымъ: »Теперь прикажите, сказалъ онъ, подавай на столъ; я увѣренъ, что опобѣдаю хорошо; эта казнь, которою я долженъ правдолюбю, есть для меня соусъ, пріятно щиплющій за языкъ; онъ возбудишь мой вкусъ и усилишь мой аппетитъ.»

Между пѣмъ, какъ накрывали на столъ, папа, по обыкновению своему, вступилъ въ разговоры съ своими ближайшими о формахъ экзекуции. Онъ опзывался съ внутреннимъ удовольствіемъ, какая принадлежитъ ему хвала и честь, какое всеобщее одобреніе заслуживаетъ онъ столъ неопложнымъ и столъ презрѣннымъ наказаніемъ убійцы. Папа потребовалъ къ столу хоръ пѣвчихъ, и особенно замѣчательно, что онъ повпорялъ громгласно и съ неописанною радостію псалмы, ими пѣшые (обстоятельствено чрезъ его домашнихъ въ послѣдствіи содѣлавшеся извѣстнымъ) подъ музыкальный напѣвъ, до невѣроятности живо и свободно. Это было пѣмъ изу-

мительнѣе для прочихъ, что столъ особенная веселость ему не была свойственна: доказательствомъ очевидное, что явивъ спрашный примѣръ спросности своего правдолюбія, душа его плавала въ радости. Когда столъ кончился, папа самъ совершилъ молитву и съ восторгомъ произнесъ: »Да будетъ слава тебѣ, Господеви! мы сегодня кушали съ большимъ аппетитомъ, потому что явили прензачное и строгое правосудіе.«

Есть обыкновеніе въ Римѣ, всепародно представляешь замысловатыя шушки или паскинады, обо всемъ томъ, что случится, и что преимущественно пригодно для крипики. Назавтра, въ рукахъ Паскино явился въ рукахъ кузовъ, наполненный пешлями, колесами, шопорами, цѣпями и другими подобными орудіями. »Куда идешь съ такою посудою?« спрашивалъ его Марфоріо. »Несу въ Вапиканъ соусъ, пріятно щиплющій за языкъ,« отвѣчалъ Паскино, »дабы дать пожирающій аппетитъ священнѣйшему опцу.« »Повершывай оглобли, возразилъ Марфоріо, этошь рагу опнеси бѣдняжкѣ покойнику; имъ некташи подчивашъ живаго Сикспа, который, пожалуй, съѣстъ всѣ подобные соусы, какіе только съшуся на блѣомъ свѣшъ.«

СМЕРТЬ СИКСТА V.

Въ 1589 году Сикстъ V развѣшилъ печатаніе Библіи на Италіянскомъ языкѣ. Сначала дѣло сіе было покрыто непроницаемою тайною, но въ послѣдствіи, папа говорилъ публично, что новое изданіе Св. Писанія выдѣтъ въ свѣтъ, покровительствуемое буллою. Болѣе этого не требовалось, дабы огорчить большое число кардиналовъ, твердо увѣренныхъ, что ни какое зло не могло бытъ предосудительнѣе, какъ для благочинія, шакъ и для исповѣданія Римской Церкви, какъ уничтоженіе закона, повелѣвающаго чтеніе Св. Писанія, инаиначе какъ на языкѣ Латинскомъ. Кардиналы, побужденные усердіемъ пастырей Церкви, испуганные при видѣ опасности, грозившей религіи, сначала роптали, но изъ нихъ никто не дерзалъ прошивуръчитьъ запальчивому первосвященнику; впрочемъ, думая, что почешный санъ государственнаго министра можетъ поправить дѣло, они обратились къ посланнику Короля Испанскаго. Графъ Оливаресъ охотно принялъ на себя посредничество въ семъ случаѣ, и даже съ жалобами своими общалъ лично обратившя къ папѣ. Между шѣмъ, многие кардиналы, узнавъ, что печатаніе Библіи продолжается, прибѣгли къ Филиппу II, убѣждая его письмами употребить все вліаніе, которое онъ имѣлъ надъ папою, дабы онъ оставилъ свое намѣреніе. Убѣжденный споль сильными представленіями, Король, впрочемъ всегда ревновашій оказы-

вать на опытѣ великость своего усердія къ вѣрѣ, написалъ пошчасъ въ Римъ своему посланнику, повелѣвая ему приложитъ всевозможное спраніе и ходатайствовашъ у Его Свяштьшества, да воспрепятствуетъ изданіе новой Библіи, причемъ министру были доставлены нѣкопорыя меморіи, составленныя богословами, кои указывали, какой соблазнъ новизна, толико пагубная, причинитъ въ Церкви Римской.

Графъ Оливаресъ, получивъ опъ Двора сіи лепени, и убѣжденіями кардиналовъ оппозиціонныхъ, и въ особености кардинала Толеды пріуготовленный къ дѣйствіямъ, на кои уполномочивалъ его санъ посланника, не упустилъ испросить аудіенціи у папы. Онъ былъ снабженъ всеми доводами, особенно приличными предмету, о коемъ располагалъ шрактиковашъ, и точно, онъ употребилъ самыя сильныя выраженія; весьма прогашельно выставилъ побудительныя причины; преувеличилъ зло, котораго надлежало опасашься; словомъ, со всею пылкостью, со всевозможнымъ мужешвеннымъ краснорѣчіемъ, употребилъ все, что могло, какъ полагалъ онъ, дать его переговорамъ успѣхъ благопріятный. Было особенно замѣчашельно, что министръ-ораторъ, входилъ шѣмъ въ большую запальчивость, шѣмъ самонадѣяннѣе дозволялъ себѣ нѣкопорыя вольныя и смѣлыя пріемы, или попеременно переходилъ къ угрозамъ, чѣмъ болѣе усмашривалъ, что Сикстъ былъ расположенъ выслушивашъ его, не прерывая, шакимъ образомъ, что говорилъ шлишкомъ полчасъ съ вольностью весьма неспорожною.

Ни сколько не колебался, и приведенный въ заблужденіе шѣмъ, что папа все неподвижно устремлялъ на него свои взоры, посланникъ напо- слѣдокъ сказалъ ему: »Святѣйшій отче! вы храните глубокое молчаніе, не удостоивъ сообщить мнѣ, о чемъ Ваше Святѣйшество думаете?« ... Сикстъ никогда не былъ расположенъ шербтъ, чтобы кто осмѣливался угрожать ему въ его прису- ствіи, и чтобы говорили съ нимъ иначе, какъ съ науглубочайшимъ уваженіемъ, попрясъ головою и вращая глаза, исполненные гнѣва: »Я думаю, опривистно опвѣчалъ графу, я думаю, что намѣренъ вельшь васъ пошчасъ выкинуть въ окно, дабы научишь, какъ должно говорить съ папою!!« Бѣд- ный Оливаресъ, совершенно знавшій характеръ Сикста, весьма способнаго выполнишь на дѣлъ свою угрозу, не ждалъ болѣе, но съ шрепетомъ ускользнулъ опъ шого, опвѣсивъ самой унижен- ный поклонъ. Опходя, онъ замѣчалъ, что разъярен- ный Сикстъ ни сколько не сводилъ съ него глазъ, и это еще сильнѣе довершало его ужасъ до шого, что проходя чрезъ залы, онъ или взорами измѣрять высоту оконъ, или каждую минушу думалъ, что папскіе служители и придворные его схватяшь и выбросяшь изъ дворца. Посланникъ, возвратив- шись въ свой дворець, кинулся въ кровать, вскри- чавъ: »Сегодня я счастливо опдѣлался!!«

Тисненіе Библии продолжалось, и хопя послѣ кончины Сикста V спарались опобратъ всѣ экзем- пляры ея, но и понынѣ опо издание можно видѣшь въ библиотекахъ Великаго Герцога Тосканскаго, въ

Амвросіанской Миланской, и еще въ нѣкоторыхъ другихъ. Кардиналь Толедо, одинъ изъ пламен- нѣйшихъ непріятелей Ишаліанской Библии, уз- навъ, что Сикстъ не внялъ ходапайспву послан- ника Короля Испанскаго по сему дѣлу, и настоя- тельно говорилъ, что эша книга должна бышь обще- народною, сказалъ: »Или Богъ оспавилъ свою Цер- ковь, или эшоптъ злой папа скоро умреть!« По- слѣднее предвѣщаніе скоро сбылось, и Филиппъ II не можеть смѣшь съ себя пашна безславія, по- дозрѣваемый въ ускореніи смерти первосвящен- нику, спарцу высокому, запальчивому, спро- гому, но великому изъ государей Рима Христіан- скаго.

Филиппъ, получивъ донесеніе объ оскорбленіи на- несенномъ посланнику Графу Оливаресу, и узнавъ, что папа, вопреки желаній всего Каполическаго духо- венства, вопреки его, Короля, шребованій и убѣжде- ній, непременно положилъ обнародовать Библию, собралъ свой шайный совѣтъ, и пошребовалъ въ сихъ обшояпельствахъ его мнѣнія. Совѣтъ по- лагалъ, что Его Величество совершенно уполномо- чень и обязанъ, по долгу совѣспи, пригласишь на соборъ всѣхъ епископовъ своего государства, кои займуща общимъ совѣщаніемъ, чтобы объявишь о томъ папѣ, и пригласишь его самого принашь на себя посредство въ предшоящемъ дѣлѣ; что, въ случаѣ опказа или настойчивости въ его закорен- ѣломъ мнѣнии, должно предашь пошупокъ папы размошрѣнію верховнаго духовнаго совѣща, ко- торый, какъ полагали, не запруднишь изыскашь доказательства, что избраніе Сикста въ папы, до-

лве не можетъ быть дѣйствительнымъ. Правда, что мѣра столь чрезвычайная, угрожала Церкви расколомъ, но сія крайность извинялась полипикою скрышнаго Филиппа, копорый теперь являлъ изъ себя поборника Вѣры не изъ усердія, какъ думали, но копорый зналъ, что смѣлый и рѣшительный Сикстъ, помышляя пріобщить къ шіаръ Неаполитанскую корону, гошовитъ сильную экспедицію, чпобъ завоевать у Испаніи сіе королевство.

Филиппъ, уже личнымъ образомъ негодовавший на Сикста, сверхъ того подспрекаемый письмами кардиналовъ, въ Римъ пребывавшихъ, ихъ безпрерывными просьбами и убѣжденіями, въ особенноти кардиналомъ Толедою, копорого онъ болѣе другихъ чшилъ, какъ прелаша примѣрнаго благочестія, въ эпомъ расположеніи духа, внялъ мнѣнію своего шайнаго совѣша. Онъ написалъ скоро послѣ шого Оливаресу, чпобы графъ спарался выбрать какой либо шоржесшвенный день, гдѣ будетъ личное присушсшвіе папы, и здѣсь объявилъ ему, что Король располагаетъ сосшавить верховный соборъ изъ всѣхъ епископовъ своихъ владѣній, въ Севильѣ. На министрѣ возлагалось именно объяснить, чпю сіе чрезвычайное собраніе будетъ имѣть предметомъ сосшавленіе законовъ на пользу Римской Церкви, какіе будутъ нужны, поелику Его Свяшѣшесшво, по непосшжимому своенравію, упорсшвуенъ совершилъ шакое дѣло, копорое своими послѣдсшвіями будетъ предосудительнo Вѣрѣ Капoлической. Хотя же посланникъ имѣлъ прискорбіе на опышъ печальномъ испышашъ, къ сшдыу своему, суровость

Сикста, но, уполномоченный повелѣніями своего государя, долгомъ поставилъ исполнить ихъ, и для исполненія сего дѣла, щекопливаго и опаснаго, избралъ праздникъ Вознесенія Господня, въ копорый день, папа, какъ обыкновенно, долженъ отправиться съ великимъ шоржесшвомъ на литургію въ церковь Св. Іоанна Лашранскаго.

Сикстъ повсюду имѣлъ шпіоновъ. Очень поздно вечеромъ, дали ему знать о намѣреніи Испанскаго посланника, и въ шощъ же часъ онъ пошребовалъ къ себѣ Римскаго губернатора. Получивъ донесеніе его, чпю все въ гошовности для завпрашняго шесшвія, папа сказалъ градоначальнику: »Намъ желательнo перемѣнить приняшой порядокъ кавалькады; вы пойдете передъ нашей особою; напередъ васъ пойдуть двѣши сбировъ, а впереди сбировъ палачъ съ пешлею въ рукахъ. На случай, если кто приблизится подашь мнѣ бумагу, велише шущъ же на мѣсшъ удавить его, не смощра, ни на лице, ни на чинъ.«

Сикстъ произнесъ сіи слова во всей запальчivosti гнѣва, копорый владѣлъ имъ, и при оппускѣ губернатора, снова подшвердилъ ихъ столь повелительнымъ голосомъ, чпю градоначальникъ никакъ не могъ выйти изъ изумленія, пошому болѣе, чпю ему не была извѣшна причина столь чрезвычайнаго въ своемъ родѣ распоряженія. Въ слѣдсшвіе эшого, рано пошпру онъ распорядился шочно шакъ, какъ ему было повелѣно. Зрители были поражены неописаннымъ удивленіемъ, видя шесшвіе, шoliko священное и шоржесшвен-

ное, уничиженное и оскверненное присутствіемъ гнусныхъ сбировъ и палача, кошорый выступалъ горделиво съ пеплею въ рукахъ, и ожидалъ приказа, надъ кѣмъ ему исполнишь свою должность. Самый эпопъ палачъ, по сіе число, уже удавилъ болѣе тысячи человекъ по повелѣнію того же папы.

Графъ Оливаресъ, собиравшійся уже ѣхать изъ своего дворца для врученія всенародно папъ бумаги, изъ Испаніи полученной, еще во время могъ узнать о семъ спрашномъ приказѣ; одна минуша спасла жизнь посланника, кошорый не только не явился къ торжественной процессіи, но былъ готовъ бѣжать изъ Рима, гдѣ онъ не полагалъ себя болѣе въ безопасности. Впрочемъ, обязанность поддержать свой санъ удержала его въ городѣ, но онъ прибѣгнулъ къ оборонительнымъ мѣрамъ, велѣлъ запереть свои дворцовыя ворота и поручилъ себя милосердію Бога, спрашась, чтобы грозный папа не просперъ своего мщенія и не приказалъ удавить его, въ его же домѣ. Назавтра Оливаресъ опсправилъ въ Мадридъ курьера, съ опчетомъ о своемъ поведеніи, и объяснивъ подробно дѣйствія Сикста во время торжественнаго шествія въ день Вознесенія Господня: »Вашему Величеству извѣстно, заключилъ посланникъ, что я дѣйствую въ Римѣ, гдѣ управляеть Сикстъ самовласно: эпопъ злопамятный папа не проспиптъ ни самому Христу. Но я, Государь, не былъ расположенъ пошерять жизнь, кошорую всю совершенно посвящаю на служеніе Вашему Величеству.« Впрочемъ, сознаемъ, что

споль твердая рѣшимость спасла Церковь Капюлическую отъ раскола, кошорый погрузилъ бы ее въ самый гибельный безпорядокъ.

Филиппъ, опчаявшись поразить своего противника формальнымъ осужденіемъ духовенства, оставилъ сей планъ, и долго размышляя, какимъ бы образомъ безъ огласки сжить Сикста, предпочелъ упопробить ядъ. Надобно знать, что когда Король насылалъ повелѣнія своимъ кровнымъ довѣреннымъ, указывая имъ жершву, ему перебующуюся, онъ обыкновенно ядъ, кошорый они должны были упопробить, означалъ шифрами *Requiescat in pace* (да почіеть въ мирѣ). Тонкій Сикстъ чрезъ своихъ шпионовъ при Мадридскомъ Дворѣ, умѣлъ однако же проникнуть въ настоящій смыслъ эшой рѣчи. Попомъ онъ не упустилъ далъ почувствовать Графу Оливаресу, что ему не неизвѣстны самыя сокровенныя тайны Короля, сказавъ графу однажды въ часной аудіенціи: »Господинъ посланникъ! вашъ государь намъ ничѣмъ не спрашенъ; мы только и боимся одного изъ его *Requiescat in pace!!!*« Оливаресъ, бывший въ секретѣ, услышавъ объ эпомъ опкрытіи, погрузился въ чрезвычайную печаль, опасаясь, чтобы Филиппъ, въ высочайшей степени недовѣрчивый, не обвинилъ его въ предательствѣ. При всемъ томъ, Сикстъ, совершенно увѣренный въ особенной къ себѣ ненависти Филиппа, а шакже будучи извѣстенъ о всѣхъ средствахъ и изворотахъ, къ коимъ прибѣгалъ сей государь, чтобы сжить людей пропивныхъ ему правилъ, не

могъ предохранить себя, какъ носился слухъ, ошъ
Requiescat in pace

Вдругъ папа почувствовалъ ужасную и нестерпимую головную боль, копорая не удерживала его ошъ заняшій дѣлами, но болѣзнь сія въ короткое время сократила его дни и испѣлила Филиппа ошъ червя, спрашнымъ образомъ почившаго его мозгъ: лишь только курьеръ привезъ сіе извѣстіе, исчезла его флегма, и ошъ не могъ удержать своей радости, вскричавъ съ восторгомъ: «Наконецъ миновалась и наша головная боль!!» И точно, не безъ причины: Сикстъ нанесъ великое опасеніе Филиппу II своимъ умомъ, твердостью и предприимчивостью, и если бы судьба продлила его жизнь прѣмя или чѣтырьмя годами, нѣтъ сомнѣнія, что сей папа нанесъ бы величайшій вредъ Испанской Монархіи.

Надобно чинить жизнь сего знаменипаго папшья Римской Церкви, чтобы видѣшь, до какой степени напура можетъ явиться чудесное въ своихъ произведеніяхъ, чтобы знашь, какая смѣсь причудливостей и спранныхи иногда бываетъ въ чловѣкѣ. Рожденіе Сикста, его начальное воспитаніе, средствва, коими ошъ возвысился, словомъ, всѣ обстоятельствва жизни его, представляющъ сцѣвленіе чрезвычайнаго. Всѣ поступки его имѣли цѣлію благородное честолюбіе достигнуть постепенно на вершину почестей, и исканіе его шѣмъ менѣе для прочихъ было опаснымъ, что мудрецъ эпошъ шель шихо, и что пружины, коими ошъ дѣйствовалъ для достиженія намѣренія своего, едва ли могли

двигать самую малую машину. Но скрипшностью и перпніемъ, Сикстъ побѣдилъ невозможное. Ошъ достигъ сана папы шакими пушями, кои никогда другимъ не удавались. Въ монашесствѣ боязливый и упрямый, облеченный въ достоинство кардинальское крошкѣй подобно ангелу, Сикстъ явился грознымъ, какъ яроспный левъ, съ шой минуты, какъ получилъ шіару. Эпошъ характеръ увлекалъ его до чрезмѣрной спростости, что и заставляло принимать какъ ширанию и безчеловѣчіе нѣкошорыхъ спростія наказанія, копорыхъ опредѣлялъ ошъ, ненавидя грабишельства и изъ любви своей къ самой почной справедливости. Ошъ кичился видѣшь нѣкошорыхъ государей, преклоняющихъ свои главы къ ногамъ его, и упошреблялъ все ошъ него зависящее, чтобы спяжалъ себя сію именитость. Алчный къ самовлашному управленію, никогда не перпѣлъ ошъ сопоставища въ своей влашпи. Никогда не признавалъ ошъ благости прощенія; сколь бы ни мала или ни слаба была вина, сколь бы ни сильны были зашупленія въ пользу виновнаго; одинъ разъ и навсегда ошъ имѣлъ главнымъ правиломъ наказывашъ безъ послабленія. Конечно, ошъ любилъ собирать богатштва, но никто не дерзнешъ укорить его въ шой алчности, копорой были доступны другіе папы, чтобы набогашашъ своихъ родшвенниковъ. Сикстъ имѣлъ единшвенное помышленіе жерпшвовашъ своими сокровищами на служеніе Церкви и на украшеніе своей столицы, въ копорой ошъ воздвигъ чрезвычайно пышныхъ зданій въ пять летъ болѣе, сколько было произ-

ведено его предшественниками въ продолженіе
трехъ сотъ лтъ! Однимъ словомъ, Сикспъ далъ
чувствовать всему свѣту удивительныя дѣй-
ствія своей спиритосфи въ правосудіи, ничѣмъ
непреклонной.

А. Мартосъ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ДИТЯ ПРИРОДЫ,

или

ОДИНЪ ДЕНЬ ВЪ ПРОВИНЦІАЛЬНОМЪ ГОРОДѢ.

БЫЛЬ.

La bêtise est le manque d'esprit, la sottise celui du savoir-vivre; mais lorsque le sot est encore bête, il devient plus qu'insupportable. *Pensées et maximes* 1834.

I.

Во время моего послѣдняго путешествія по южному краю, случилось и со мною, недалеко отъ города X., весьма нерѣдкое несчастіе: колесо сломалось. Я принужденъ былъ остановиться на нѣсколько дней въ городѣ, и не зная чѣмъ заняться, вздумалъ призвавъ Жида хозяина, и спрашивать его о жителяхъ.

— Кто у васъ считаются первыми по жилищью-бытшю? былъ мой вопросъ.

— «Кто у насъ первыми? Азь я сказу, есь гувернапоръ, азьезъ коменданшь, азь.»

— Коменданшь? повшорилъ я, кто здѣсь коменданшомъ?

«Кто коменданшомъ? Зей цась сказу я васему превысокоблагородію; есь коменданшь у насъ генераль, бозусь, цшо генераль, азе славнй шакій, шакій славнй.»

— Да я не о помъ спрашиваю! Ты мнѣ скажи, какъ зовушь его?

»Какъ зовушь его? Гершышу, какъ зовушь его? Азь я сказу пану офицеру. Зовушь его васа превосходительство,« отвѣчалъ Жидъ пресеріозно.

Я не зналъ, долженъ ли былъ сердиться, или смѣяться надъ такимъ отвѣтомъ. Наконецъ добился я, что Генераль-Маіоръ Лалыановъ, нѣкогда служилъ въ Л. Г***скомъ полку, и что подчиненные любящъ его.

Чтобы избавишься отъ скуки, надлежало познакомиться въ домахъ, а какъ я былъ въ дружбѣ съ полковникомъ Ландеромъ, вѣроятно, сослуживцемъ коменданта, но и рѣшился употребить маленькую хитрость, чтобы получишь входъ въ домъ его.

На другой день, часу въ двѣнадцатомъ, принарядившись и поправивъ усы, оспашки прежней военной службы, отправился я къ Генералу Салыанову, буди бы съ поклономъ отъ Ландера. Добрый воинъ повѣрилъ моимъ словамъ, былъ мнѣ чрезвычайно радъ, и просилъ бывать почаще въ его домъ, чѣмъ я охотно и воспользовался. Чрезъ него познакомился я еще съ другими жителями, и попому, вмѣсто восьми дней, которые я намѣревался оспашься, пробылъ я въ Х. болѣе восьми недѣль, и провелъ все время довольно пріятно.

Семейство Ивана Сидоровича Масшенки, достопочнаго помѣщика и тогдашняго предводителя дворянства, было изъ лучшихъ въ окрестностяхъ и въ самомъ городѣ. Умная жена, довольно молодая, извѣстная какъ любезная хозяйка и покровительница наукъ и художествъ, процвѣтающихъ даже въ Х., проницательная, очень хорошо воспи-

панная падчерица лѣтъ семнадцати, и нѣсколько еще маленькихъ дѣтей, вопшъ что составляло домашнее счастье добраго Масшенки, который любилъ принимать и подчиваешь гостей, жаль только, что часто безъ разбора!!!

Однажды, бивъ приглашенъ къ обѣду, встрѣтилъ я у него молодаго человека, болѣе нежели средняго роста, съ блѣдно-желтоватымъ лицомъ, съ черными, густыми волосами и шакики же бакенбардами. Въ его чертахъ изображались..... но всего нельзя преждевременно раскрываешь моимъ чашаелямъ; скажу только, что лице соотвѣтствовало его поспускамъ. Одышь онъ былъ изысканно, но безъ вкуса.

Когда я поклонился дамамъ, хозяйка съ улыбкою сказала мнѣ:

А! Конспаншинъ Львовичъ! Я вижу съ удовольствіемъ, что вы на дѣль не такъ спроги, какъ представляетесь, и что, при всей необходимости ѣхать, какъ вы хотѣли увѣришь, вы вѣрно еще на нѣсколько дней подарите насъ своимъ присушвіемъ.

— Привѣтствіе ваше, Татьяна Павловна, слишкомъ для меня лестно, и я долженъ признашься.

»Я угадываю, что вы хопите сказашь, превралъ меня fashionable съ черными бакенбардами на свѣтло-лошиновомъ лицѣ: нельзя оспавишь Х. безъ истиннаго сожалѣнія; я совершенно въ помѣ согласенъ съ вами, Monsieur Carlini! (Откуда узналъ онъ мое прозваніе?) Увѣряю васъ, милосивая государыня, продолжалъ онъ, что Monsieur Carlini слишкомъ обрадованъ масковымъ вашимъ пріемомъ,

чтобы такъ скоро захопѣвъ лишиться счастья быль у васъ. Не правда ли, Констаншинъ Львовичъ?»

— Не знаю, можете ли вы вообразить себѣ мое удивленіе при неожиданной предупредительности вовсе незнакомаго мнѣ человѣка; но не желая усмуждать его долѣ быль исполковашелемъ моихъ чувствъ, мыслей и поняшій, я поклонился и съелъ возлѣ старшей дочери достойнаго уваженія генерала Вилькина, въ домъ котораго введенъ былъ я комендантомъ, назадъ тому съ недѣлю.

— De grâces, Mademoiselle, началъ я, кшо эпомъ словоохотный и вершлявый господинъ?

— «Кшорый споминъ за шуломъ дочери хозяйки дома?»

— Тотъ самый.

«C'est un jeune homme de lettres!»

— Липерашоръ! воскликнулъ я. Какъ можно было не догадаться! На его челъ написано, что онъ bel esprit.

«Этого мало еще, продолжала Софья Васильевна Вилькина, если полагаешь на увѣренія Нашальи Александровны (падчерицы Масшенки), то онъ такъ же счастливейшій преемникъ Лафашера.»

— Возможно ли? Mais, c'est alors un prodige de son espèce.

«Vous l'avez dit!» отвѣчала любезная сосѣдка съ проницескою улыбкою.

Я съ большимъ любопытствомъ глядѣлъ на такога феникса. Спранно было обращеніе его съ Нашальею Александровною: оно было слишкомъ

вольное для посторонняго, слишкомъ безъ уваженія для близкаго къ ея семейству.

— Скажите, je vous en prie, Софья Васильевна, не родспвенникъ ли господинъ липерашоръ Ивану Сидоровичу?

«Ни мало!»

— Можешъ быль, надѣеся вспунить въ семейство?

«Ничего не слыхала, и даже не думаю, чтобы можно было.»

— Но, ради Бога! объясните жъ мнѣ почши дерзкое его обращеніе съ молодою дѣвушкою?

«Онъ говоритъ, что это bon ton!»

Примъшивъ, что разговоръ эпомъ спалъ неприятнымъ для Софьи Васильевны, я замолчалъ, но не переспалъ наблюдать за молодымъ Лафашеромъ дѣшняго bon ton.

Возлѣ Нашальи Александровны сидѣла другая дѣвица. Краснорѣчивый липерашоръ споялъ за ними, облокотившись, или лучше сказать, навалившись на спинки креселъ молодыхъ особъ, и рассказывалъ что-то. Желая блеснуть предъ дѣвицами, онъ употреблялъ всѣ усилія своего ума, для соспавленія такъ называемаго имъ: «bon mot!» не шадилъ ни рукъ, ни ногъ при рассказахъ, и соединялъ небо и адъ, людей и звѣрей, Шиллера и Ш. ова, лишь бы говорить: что нужды въ томъ, былъ ли смыслъ въ рассказъ или нѣтъ, онъ все покрывалъ своимъ необузданнымъ, повсюду раздающимся смѣхомъ. И, увы! милая Нашальи Александровна могла упѣшась его поклонствомъ! Она не примѣчала, что обхождение

его съ нею приводило въ негодованіе друзей ея семейства; но молодой, неопытной дѣвицѣ еще простибельна такая неразумительность: не зная свѣща, она часто можетъ почитать наглость за хорошій тонъ, дерзость за простиосердечіе и откровенность, а балаганныя шушки паясса за заманчивую любезность. Еще разъ говорю: молодой дѣвушкѣ можно простить такую ошибку; но опіцу? но машери? Мнѣ казалось непосижимымъ, какъ Ташьяна Павловна, женщина, повидимому, умная и образованная, могла позволять такія вольности въ обращеніи съ ея дочерью!

»Полно задумываться, брапецъ! сказалъ мнѣ комендантъ. Я взглянулъ: Софьи Васильевны уже не было возлѣ меня.

»Хозяинъ давно пригласилъ къ столу, продолжалъ генералъ; дамы пошли; пора бы и намъ опправиться въ споловую. Мы сидимъ вмѣстѣ, что ли?»

— Съ удовольствіемъ, ваше превосходительство! отвѣчалъ я, и послѣдовалъ за нимъ.

II.

Разговоръ между мужчинами сдѣлался давно уже громкимъ и подобнымъ хаосу для слуха посторонняго. Липерапоръ во все время, противъ общаго обыкновенія, простоялъ за шумомъ Нашальи Александровны, и шушилъ, по своему обыкновенію, громко, дерзко и часто непонятно.

»Василій Григорьевичъ, сказала дѣвушка, сидѣвшая, какъ и до объѣда, возлѣ хозяйской дочери, предощавяще себя, вѣсть Эдуардъ Густавовичъ не

вѣрять вашей способности предугадывать характеры людей по ихъ физиономіи!»

— »Какой вздоръ!« воскликнулъ съ презрительной улыбкой новый Лафатеръ. »Почему думаете вы, сударь, что это невозможно?« прибавилъ онъ, обратясь къ молодому челоуьку, сидѣвшему напротивъ ихъ, возлѣ Софьи Васильевны.

Я обратилъ вниманіе на него, любопытствуя слушать, что онъ спаненъ отвѣчать. Описывать его я не смѣю, потому что нынѣ въ большой съ нимъ дружбѣ, слѣдовательно не могу судить о немъ равнодушно: скажу только, что онъ былъ скромнень и вѣжливъ въ обхожденіи съ дамами, чему навѣрное никто не спаненъ противорѣчить.

Во-первыхъ, Г. Аншоновъ, отвѣчалъ молодой Роландъ, всякому предоставлено право вѣринь или не вѣринь чему нибудь; а во-вторыхъ, физиономика есть такая наука, для кошорой надобно именно родиться Лафатеромъ, и имѣть глубокія познанія челоуьческой жизни вообще, а для нашего круга, даже жизни свѣтской.»

Липерапоръ не понималъ колкой насмѣшки, и возразилъ: чтобы вамъ доказать, что я не понапрасну горжусь такимъ дарованіемъ, я вамъ выскажу начисто весь вашъ характеръ.

»И навѣрно ошибетесь; потому что не только я самъ, но и родной отецъ мой не постигалъ души моей, въ кошорой сливаются различныя, даже совсѣмъ противоположныя качества.»

— »Ба! вашего характера не узнашь, было бы даже спыдно для меня! Хопите, я начерчу его!«

«Вы меня обяжете!»

Весь умолкли при началѣ этого разговора, и стали прислушиваться.

«Съ вашимъ характеромъ началъ папепическимъ голосомъ Василій Григорьевичъ Антоновъ, вы ни къ чему опличному не способны!»

Громкій хохотъ, опъ кошораго и самъ Роландъ не могъ воздержаться, былъ опвъпомъ.

— *Quelle aimable ingénuité!* вскрикнула Ташьяна Павловна, *quel vrai enfant de la nature, que ce M-r Antonoff!*

Да, продолжалъ ораторъ, я всегда привыкъ говорить опкровенно: хлѣбъ ѣшь, а правду рѣжь, гласишь пословица.

«Не угодно ли вамъ буденъ продолжашъ мой прогноспиконъ? спросилъ Роландъ съ насмѣшкою.

Извольте! вы малый добрый!

— *Merci* за комплиментъ.»

«Нѣтъ, право! вы малый добрый; но часто смѣшны!»

— Новый хохотъ прервалъ Х-скаго Лафопера.

Роландъ покраснѣлъ на мигъ, но попомъ улыбнулся и сказала: «Я знаю, что здѣсь смѣюся надо мною, называя непоспижимое во мнѣ чувство надменностію и самолюбіемъ, но я подавишь его не въ силахъ, да, кажешся, этого и не очень нужно. Пусшь смѣешся, кшо меня не знаешь!»

«Нѣтъ, нѣтъ! не о помъ дѣло! самолюбивъ я самъ.»

«И очень, я согласенъ въ помъ! возразилъ другъ мой. Весь засмѣялись.

— «Вопъ комплименты, прошу покорно! вскричала, наподобіе разспроеннаго кларнета, одна пожилая дама, машь дѣвушки, сидѣвшей возлѣ Ташьяны Александровны.

— Да! я шаковъ! я просшо дитя природы, не умью припворяться. Вы Эдуардъ Гусшавовичъ, смѣшны, но довольно добры, и даже, если васъ кшо сумѣешь руководишь, вы, можете бышь, и въ соспояніи выполнишь со временемъ что нибудь порядочное! Но надбно, чтобы кшо нибудь шель впередъ!

«Какъ баранъ передъ апарою (*), примолвилъ смѣясь, добрый спарикъ Маспенко.

Да, да! опвѣчалъ Антоновъ.

Ну, если шакъ; по будыше вы бараномъ апары моихъ добродѣтелей, возразилъ Роландъ.

Всѣ захохошамы, и объдъ кончился при общемъ смѣхѣ.

Антоновъ что-то забормошалъ про козла, но шумъ опъ спульевъ заглушилъ слова его.

III.

Вопъ какова здѣшняя молодежь! думалъ я, опдыхая на диванъ въ моей комнашѣ, и вопъ каковы здѣшніе хозяева, позволяющіе какому нибудь наглецу насмѣхаться надъ своими же гощами, почши что ругашъ ихъ, одобряя его ле-

(*) Атарою называется въ степныхъ краяхъ стадо овецъ.

спными восклицаніями. Мнѣ очень жаль спало, что молодой Роландъ наконецъ началъ горячиться; но можно ли ему было равнодушно переносить такія глупости, видя при томъ, что хозяйка и дочь ея, (кошорую, между прочимъ, скромный Роландъ любилъ искренно), нашли удовольствіе въ полкахъ его безразсуднаго противника.

Въ восемь часовъ надлежало снова принарядиться: у коменданша былъ вечеръ въ честь рожденія его жены. Я имѣлъ надежду, что по крайней мѣрѣ, вечеромъ не будете досаждать никому наглець Анпоновъ, потому что супруга коменданша, доспояная названія военной дамы, по прямому, веселому ея характеру, объявила мнѣ, за три дня, что изъ спашскихъ, здѣшняго города никого не будете, разумеется кромѣ нѣсколькихъ опшавныхъ военныхъ.

Каково жъ было мое удивленіе, когда первый предметъ, которъи кинулся мнѣ въ глаза, былъ Х...скій Лафашеръ, увивавшійся предъ Нашаль-ею Александровною, и сосѣдкою ея, Анною Казимировною. И такъ ничто не могло быть натуральнѣе вопроса моего, иронически сдѣланнаго генеральшѣ Сальяновой, послѣ обыкновенныхъ привѣтствій:

»Развѣ Г. Анпоновъ былъ въ военной службѣ? «

— »Я васъ понимаю? но que faire? Вчера пошпру онъ нарочно прѣхалъ рекомендоваться, и вы согласились, что учивость пребовала.«

— Нѣтъ! я не соглашусь на это! кого не хочу, того не приглашу хоть десять разъ

являйся! Вошь какъ у насъ въ Пешербургъ. Припомъ же Г. Анпоновъ, кажешся, ужъ давно живешъ въ городѣ; слѣдовательно, познакомишь имѣлъ довольно времени и прежде, а теперь показалъ явно, что для одного прыганья, а не ради васъ, искалъ позволенія бытъ въ вашемъ домѣ.

Генеральша согласилась со мною, но прибавила: мы не въ Пешербургъ, а вы не знаете Х!..

Я подошелъ къ окну, чтобы положить свою шляпу, и опвѣчалъ вѣжливо поклонившемуся Роланду такимъ же привѣтствіемъ.

У окна сидѣлъ Анпоновъ.

»Bon soir, M-r Роландъ! сказалъ онъ, протягивая ему руку.

»Bon soir, Monsieur! « былъ крашкѣи, но холодный опвѣтъ, слѣдствіе не продолжительнаго, но совсѣмъ не дружескаго, спора, случившагося у Маспенки послѣ моего опбъишя.

Я узналъ о томъ въ послѣдствіи опъ самого Роланда. Вошь какимъ образомъ это происходило.

Когда я уѣхалъ опъ Маспенковыхъ, молодые люди и дѣвицы спали играть въ каршы. Между прочимъ, упомянули о пріѣшелъ Роланда, молодомъ офицерѣ, жившемъ прошлую зиму въ городѣ Х., которъи опмѣнно хорошо игралъ »въ дурачки, « игра, кошорую заняла была тогда вся молодежь.

Да, воскликнулъ орапоръ Анпоновъ, не мудроно, онъ же былъ такой игрокъ, что за каршами день и ночь просиживалъ.

— Позвольте спросить, Василій Григорьевичъ, были ли вы когда нибудь свидѣтелемъ этого?

Нѣтъ; но это извѣстно всѣмъ!

Такъ позволите же вамъ сказать, что это самое ложное извѣстіе; почему прощу васъ не говорить ни слова о Фердинандѣ, съ которымъ я въ тѣсной дружбѣ.»

Громкій, дикій хохотъ, и часто повторымыя слова: »Вошь ужасное педанство!« были отвѣтомъ, которымъ бы обидѣлъ и самаго философа. Роландъ сохранилъ равнодушіе, и спросилъ только: »Что шушь за педанство, и къ чему шушь смѣяться?«

— Вы, почтеннѣйшій, вѣрно хотѣли показать свое великодушіе, защищая другихъ?

»Нѣтъ! но я не люблю, когда про моихъ пріятелей говорятъ худо, и потому прощу васъ оставить разговоръ, который ни къ чему доброму вести не можетъ.«

Послѣ того мой другъ замолчалъ, хотя Напашля Александровна, мать ея, самъ Лафатеръ и нѣкоторые другіе еще долго смѣялись.

Ахъ! »возразилъ наконецъ дитя природы, какъ бы мнѣ хотѣлось имѣть дуэль! я бы пошѣвился тогда!«

Хотя Роландъ и намѣревался молчать, но въ этихъ словахъ заключалось столько много обиднаго для него, что онъ вдругъ вспыхнулъ.

»Вы ошибаетесь, сударь, если думаете, что достигнете цѣли неумѣстными придирками своими; дуэль, въ моихъ глазахъ, есть честь, которой я не всякаго удостоиваю.«

»Натурально, сказала Татьяна Павловна, дуэль должна имѣть причиною величайшую обиду.

»Я съ вами согласенъ, сударыня, подхватилъ ораторъ; но обидѣшь не трудно.«

»Только не вы въ состояніи обижать, и потому обиды съ вашей стороны для меня не существуютъ! возразилъ Эдуардъ Гуславовичъ.

Есть же жившныя, которыя ничѣмъ не обижаются, пробормоталъ другой.

Роландъ всмалъ, примѣшивъ злую насмѣшку на устахъ Напашли Александровны, и сказалъ хладнокровно: Милосливый государь! я участвовалъ въ сраженіяхъ и въ поединкахъ, слѣдовательно ваши слова никакъ не могутъ относиться ко мнѣ; но причина, почему вы не въ состояніи меня обидѣть, есть та, что подобнымъ вамъ мальчишкамъ я прощаю всю глупости.

Вскорѣ послѣ того, онъ оставилъ домъ, съ твердымъ намѣреніемъ избѣгать по возможности разговоровъ съ Анпоновымъ.

IV.

И такъ Роландъ холодно встрѣшилъ своего противника и отвернулся.

»М. Роландъ! М. Роландъ!« вскричалъ Анпоновъ.

Эдуардъ подошелъ къ нему, но съ угрюмымъ лицемъ. Что вамъ надобно?

— Я вамъ подаю руку, а вы пренебрегаете ею! это очень грубо! такъ возьмите же ногу! »И онъ поднялъ ее!«

Quelle ingénuité! quel vrai enfant de la nature! Эти слова госпожи Маспенки невольно пришли мнѣ на память, и я сожалѣлъ душевно о слѣпомъ ея энтузіасмѣ.

Роландъ посмотрѣлъ на него съ презритель-

нымъ сожалѣнiемъ, пожалъ плечами, и сказалъ: мнѣ ничего опъ васъ не надобно. Потомъ повернулся къ наглецу спиною, и началъ разговаривать со мною.

Вечеръ былъ довольно прiятный; но нельзя было не замѣтить, къ неудовольствiю всѣхъ разумныхъ людей, дерзкую вольность Г. липератора съ Напальей Александровною, и безразсудную безпечность дочери и матери при такомъ обхожденiи.

Роландъ горевалъ. Я подошелъ къ нему и спросилъ: не брать ли его служишь при графѣ К? пошому что я нашелъ сходство въ лицахъ, и когда онъ подтвердилъ мое мнѣнiе, а я ему разсказалъ о дружбѣ моей съ Александромъ Роландомъ, то намъ казалось, будто бы мы давнымъ давно знакомы. Я зналъ Эдуарда по письмамъ къ брату, зналъ его любовь, отгадалъ его горе.

«Не печальсь, другъ мой,» сказалъ я ему: «перемѣнчивость и легкомыслие, обыкновенный удѣлъ женщинъ, и малое только число изъ нихъ можетъ гордиться швердоснiю характера и поспоянствомъ.»

Я знаю, отвѣчалъ онъ, но не по меня пѣгошишь; хопя и больно видѣшь, что Напалья, копорую любилъ я опъ чистаго сердца и съ душевной преданноснiю, Напалья, въ обхожденiи съ копорую я никогда не забывалъ ни скромности, ни уваженiя, копорую я никогда не обидѣлъ наглоснiю или даже самую легкою вольноснiю, что эша Напалья, могла мнѣ предпочесть человека, въ

ошиошенiи къ ней безъ сомнѣнiя совсѣмъ проши-воположнаго; хопя эшо и очень больно, но не эшо причина моей горести. Меня пѣгошишь будущность самой ея. Скажишь, какой конецъ можешь бышь драмъ, разыгрываемой съ Анпоновымъ? Напалья пренебрегала моею любовiю; я не сержусь, но я желалъ бы ее видѣшь счастливою; она же не на шомъ пуши! Никшо не хочешь ей открьшь бездну, въ копорую ее влечетъ, къ сожалѣнiю, надобно сказать, безразсудно любящая ее мать. Если человекъ, какъ Анпоновъ, осмѣливаешся компрометирувать дѣвушку, не ужели вы думаете, что ее можно почестъ иначе, какъ не за кокетку? Однажды я намѣкалъ ей о помѣ, и съ пѣхъ поръ она смопришь на меня угрюмо. О, другъ моего брата! вы не въришь какъ меня перзаетъ мысль, что дѣвицею, копорую я обожалъ, со временемъ спанушь пренебрегать, пошому что не знавъ прекрасныхъ качествъ, шаящихся въ ея душѣ, будущъ судишь по одному ея обхожденiю съ подобными дѣшми природы! И при всемъ помѣ, эшо еще малѣйшее зло, копорое случишься можешь. Если она будетъ продолжатъ обходишья шакъ вольно съ Анпоновымъ, по я спашусь и подумаю, что изъ эшого можешь произойти! Опышями доказано, что невинная, но легкомысленная дѣвица, при такомъ вольномъ обхожденiи съ подобнымъ человекомъ, навсегда пошеряна! вошь что меня огорчаетъ, и чего я никогда не забуду!»

Громкiй споръ, въ кругу панцующихъ, между сыномъ природы и офицеромъ, сокращилъ нашъ

разговоръ; мы подошли, чптобы узнать причину шума.

Нашаля Александровна плакала. Офицеръ упрекъ дъвицу за явное презрвнiе къ нему въ честь дипяши природы. Я взглянулъ на Роланда: со слезами на глазахъ, онъ удалился.

Карло Карлини.

Ново-Россiя.

1834 года.

III.

ПОЛИТИКА.

ОБОЗРѢНІЕ ПОВѢЙШИХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ. РОССІЯ.

Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: по случаю кончины Его Величества, бывшаго Короля Французскаго Карла X, наложить на Высочайшемъ Дворѣ трауръ, на двадцать четыре дня, съ обыкновенными раздѣленіями, начавъ оный съ 13-го Ноября.

(А. В.)

— Высочайшимъ Приказомъ, 12-го Ноября, Товарищъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Его Императорскаго Величества Генераль-Адъютантъ, Генераль-Маіоръ Графъ Строгановъ 2-й, назначенъ Исправляющимъ должность Генераль Губернатора Черниговскаго, Полтавскаго и Харьковскаго, съ оставленіемъ въ званіи Генераль-Адъютанта. (Русск. Инв.)

— Состоящій въ должности Оберъ-Прокурора 1-го Отдѣленія 5-го Департамента Правительствующаго Сената, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Фонъ-Дезинъ, согласно прошенію его, Всемилостивѣйше уволенъ отъ службы, съ повелѣніемъ, на мѣсто его, Оберъ-Прокуроромъ сего Отдѣленія, быть Оберъ-Прокурору 3-го Отдѣленія того же Департамента, Бѣгичеву.

— Его Императорское Величество, по всеподданнѣйшему докладу Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: Академика, Доктора Медицины и Хиругiи, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Петра Загорскаго, утвердить Почетнымъ Членомъ Медицинскаго Совѣта.

— Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Экономiи и въ Общемъ Собраніи, разсмотрѣвъ представленіе

Управляющаго Военнымъ Министерствомъ, относительно вычета изъ жалованья чиновниковъ, остающихся за штатомъ, и признавая заключеніе Военнаго Совѣта правильнымъ и совершенно соответствующимъ той цѣли, съ которою послѣдней здѣсь законъ установленъ, положили: при выдачѣ единовременно годовыхъ окладовъ жалованья чиновникамъ, остающимся за штатомъ по случаю преобразования или упраздненія мѣстъ, въ коихъ они состояли на службѣ, производить вычетъ въ пенсіонный капиталъ, на точномъ основаніи 562 ст. Свода Устава о пошлинахъ (т. V) по одной, или по двѣ копейки съ рубля, сообразно съ размѣромъ выдаваемого оклада. Его Императорское Величество Милости сіе Высочайше утвердить соизволилъ, и повелѣлъ исполнить.

— Его Императорское Величество, по Положенію Комитета Гг. Министровъ, въ 13-й день минувшаго Октября, Высочайше повелѣть соизволилъ: пенсіи, определенныя малолѣтнимъ дѣтямъ, по 1,426 статьѣ Свода Законовъ т. 3 Устава о пенсіяхъ, при жизни матерей, не увеличивать по смерти сихъ послѣднихъ, на основаніи 1,433 ст. того же тома.

— По Положенію Комитета Гг. Министровъ, состоявшемуся 22 Сентября, Государь Императоръ, согласно мнѣнію Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: «Въ губерніяхъ, въ коихъ, по малочисленности помѣщичьихъ имѣній, не бываетъ дворянскихъ выборовъ, по всемъ мѣстамъ и должностямъ, занимаемымъ Губернскимъ Предводителемъ Дворянства, присутствовать Совѣстному Судь.» (С. В.)

ФРАНЦІЯ.

Во многихъ Парижскихъ церквахъ будутъ 17-го Ноября отслужены данихиды по случаю кончины Карла X.

— До сихъ поръ еще не извѣщали о смерти Карла X, ни въ Мониторъ, ни въ Chartre de 1830. Говорятъ, что третьяго дня вечеромъ, Министры собрались для совѣщанія о вопросѣ, должна ли Королевская фамилія наложить трауръ. Еще неизвѣстно рѣшеніе касательно сего предмета, но вообще полагаютъ, что она будетъ носить трауръ фамильный. — Легитимистскіе журналы выказываютъ своимъ наружнымъ видомъ отношеніе, въ которомъ находились къ Карлу X представляемая ими партія. Gazette de France, почитающая, со времени Июльской революціи, Генриха V законнымъ Королемъ Франціи, не приняла ни какого наружнаго знака траура. Quotidienne, защищающая права Карла X, вмѣстѣ съ правами Генриха V, выдала вчерашній номеръ съ черною рамкою на первой страницѣ. Журналъ France, не признающій отрѣченія въ Рамбулетъ, и называющій нынѣ Королемъ Герцога Ангулемскаго, окружилъ черною рамкою всѣ четыре страницы листа. Въ Messenger утверждаютъ, что Герцогъ Ангулемскій, немедленно послѣ смерти своего отца, призналъ Герцога Бордоскаго Королемъ Франціи и Наварры. Это обстоятельство соединить всѣ оттенки легитимистской партіи, и значительно умножить ея силу.

— Герцогъ Карлъ Брауншвейгскій прибылъ, 10-го Ноября, изъ Лондона въ Парижъ.

— 9-го Ноября, въ девять часовъ, прибылъ въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ курьеръ, съ отвѣтомъ Швейцарскаго Сейма. Президентъ Совѣта отправился немедленно въ Тюльерійскій дворецъ; вслѣдъ затѣмъ, всѣ Министры были приглашены вчера къ присутствію въ Совѣтъ. — Во вчерашнихъ министерскихъ газетахъ сообщаютъ отвѣтъ, утвержденный Бернскимъ Собраніемъ Сейма, но не говорятъ ничего о томъ, какъ сей отвѣтъ былъ принятъ Французскимъ Кабинетомъ. Только въ La Paix напечатана слѣдующая краткая статья: «Мы еще не знаемъ, на что рѣшится Совѣтъ; но удовлетвореніе,

предложенное Сеймомъ, намъ кажется достаточнымъ для национальной чести. Надвемся, что Правительство удовольствуется имъ, и возстановитъ наши торговые сношенія, коихъ пресѣченіе нанесло уже много вреда нашимъ восточнымъ департаментамъ.»

— Въ Алжирскомъ Монитерѣ напечатано въ началѣ листа, крупными буквами, слѣдующее: »Герцогъ Немурскій пріѣдетъ въ Бону 31-го Октября или 1-го Ноября, и будетъ участвовать въ экспедиціи въ Константиноу. Жители сей страны и войско порадуются сему новому доказательству довѣренности Е. В. — Генераль-Губернатора ожидаютъ въ Бонѣ, почти въ одно время съ Принцемъ.»

— Въ письмѣ изъ Боны, отъ 31-го Октября, сказано: »Третьяго дня вечеромъ пришелъ на нашъ рейдъ пароходъ Сфинксъ. Г. Шабанъ, адъютантъ Герцога Немурскаго, отправился къ Генералу Трезелю, и объявилъ ему, что Принцъ находится на семъ пароходѣ; неожиданная вѣсть сія произвела всеобщее удивленіе. Юсуфъ-Бей послалъ немедленно красиваго коня въ Лазаринъ, гдѣ Герцогъ вышелъ на берегъ. Всѣ жители находились въ движеніи, и молодой Принцъ принятъ былъ съ громкими изъявленіями радости. Герцогъ сдѣлалъ смотръ войскамъ, составляющимъ гарнизонъ города, и остановился въ домѣ Юсуфъ-Бея, котораго почитаютъ одною изъ опоръ Французскаго владычества въ сей странѣ. Сегодня прібылъ сюда, на пароходъ Раіп, изъ Алжира, Маршалъ Клозель, въ сопровожденіи большаго числа офицеровъ. Приготовленія къ экспедиціи производятся нынѣ съ величайшею дѣятельностію. Въ последнее время были здѣсь непрерывные дожди; нынѣ же погода, повидимому, перемѣняется къ лучшему.»

— Г. де Сенъ-При, бывший доннынъ Французскимъ Посланникомъ въ Лиссабонъ, прібылъ въ Парижъ.

— Г. де Шантелозъ, одинъ изъ бывшихъ министровъ

Карла X, прібылъ въ Монбризонъ, гдѣ онъ, повидимому, намѣренъ поселиться.

— 10-го Ноября взяли подъ стражу Графиню де Брю, въ ея жилищѣ, по требованію слѣдственнаго судьи, Г-на Легонидека. Полагаютъ, что арестациа сдѣлана по поводу Испанскихъ дѣлъ.

— Въ ночи съ 11-го на 12-е число прібылъ въ Парижъ Принцъ Лудовикъ Бонапарте, въ сопровожденіи двухъ жандармскихъ офицеровъ. Немедленно по пріѣздѣ, его отвезли къ Полицейскому Префекту, Г-ну Габріелю Делесеру, и извѣстили Министра Внутреннихъ Дѣлъ о его прібытіи. Въ три часа ночи, Г. Гаспаренъ прібылъ въ Префектуру Полиціи, и допросилъ Принца. Послѣ допроса подали завтракъ, въ которомъ участвовали Г. Делесеръ и Гаспаренъ, и ровно въ пять часовъ, Принцъ снова сѣлъ въ дорожную карету. Полагаютъ, что онъ поѣдетъ черезъ Вири, гдѣ живетъ его мать, въ Гавръ или Кале, и оттуда отправленъ будетъ въ Соединенные Штаты. Говорятъ, что предписаніе о перевезеніи Принца въ Парижъ было передано Страсбургскому начальству немедленно послѣ совѣщанія Г-жи Сальважъ съ Президентомъ Совѣта. Принцъ узналъ только въ Парижѣ, что Правительство намѣрено отправить его въ Соединенные Штаты Сѣверной Америки. Обрадованный симъ рѣшеніемъ, онъ написалъ Королю письмо, въ которомъ изъявляетъ признательность за оказанное ему снисхожденіе. Говорятъ, что Принцъ Лудовикъ далъ честное слово, до истеченія десяти лѣтъ, не выѣзжать изъ Соединенныхъ Штатовъ.

— Въ Страсбургскомъ министерскомъ журналѣ извѣщаютъ слѣдующимъ образомъ объ отъѣздѣ Принца Лудовика въ Парижъ: »Правительство приняло отнонительно Принца Лудовика Бонапарте рѣшеніе, котораго ожидали съ давняго времени. Имя Наполеона не могло быть передано ассизному суду. Правительство было обязано

слѣдовать пути, уже проложенному въ подобныхъ случаяхъ и утвержденному Палатами. Принцъ не былъ въ положеніи его соучастниковъ; по сему и должно было поступить съ нимъ иначе: 8-го числа прибылъ въ Страсбургъ эскадронный командиръ Парижской жандармеріи, въ сопровожденіи одного офицера и пяти жандармовъ, съ формальнымъ предписаніемъ Министровъ Военнаго и Внутреннихъ Дѣлъ къ Генераль-Лейтенанту Вуаролю, Главнокомандующему дивизією, и къ Префекту Нижне-Рейнскаго. Въ силу сего предписанія, сіи два чиновника должны были немедленно выдать Принца Людовика Бонапарте въ руки эскадроннаго командира. Предписаніе было немедленно приведено въ исполненіе, и Принцъ отправился еще въ тотъ же день вечеромъ, въ дорожной каретѣ, въ Парижъ.

— Герцогиня де Сенъ-Ле возвратилась въ Швейцарію, для приведенія въ порядокъ своихъ дѣлъ. Она намѣрена послѣ того послѣдовать за сыномъ, удаленнымъ навсегда отъ политическихъ интригъ; отдаленность и благодарность будутъ удерживать его отъ непріязненныхъ дѣйствій противъ Франціи.

— Въ Journal des Débats подтверждаютъ слухи, носившіяся въ Парижѣ, съ нѣкотораго времени, о происшедшей въ Португаліи контръ-революціи. «Правительство, сказано въ этомъ журналѣ, получило вчера (13-го числа) извѣстіе о переворотѣ, происшедшемъ на дняхъ въ Лиссабонѣ. Повидимому, Королева удалилась въ Белемскій замокъ съ Гг. Сальданью, Палмеллою и Карвалью, и издала тамъ объявленіе, что не признаетъ образа правленія 1820 г., и возстановляетъ харгію Дона Педра. Англійскій флотъ не трогался съ мѣста. Гг. Сальданья, Палмелла и Карвалью находятся въ главѣ новаго министерства. Не извѣстно, пытались ли жители Лиссабона произвести какое либо сопротивленіе.» — Въ журналѣ *Charte de 1830*, повторяютъ сіе извѣстіе, хотя не въ

столь положительныхъ выраженійхъ, и на счетъ носившихся съ нѣкотораго времени слуховъ, замѣчаютъ слѣдующее: «Сіи слухи, по нашему мнѣнію, основательны, если не въ подробностяхъ, то по крайней мѣрѣ, въ сущности дѣла. Бывшій нашъ Посланникъ въ Португаліи, находящійся съ нѣкотораго времени въ Парижѣ, выѣхалъ изъ Лиссабона за нѣсколько дней предъ упомянутымъ нами переломомъ, котораго все ожидали въ столицѣ Португаліи.»

— Въ Монитерѣ донынѣ еще не напечатано ничего о происшествіяхъ въ Лиссабонѣ, и въ *Journal des Débats* ограничиваются слѣдующими словами: «Депеша, полученная сегодня изъ Лиссабона, подтверждаетъ сообщенное нами извѣстіе о возстановленіи образа правленія Дона Педра. Намъ увѣдомляютъ, что сей переворотъ произошелъ 2-го Ноября.» — Въ *Journal du Commerce* сообщаютъ слѣдующія извѣстія, заимствованныя изъ письма изъ Бреста, отъ 12-го Ноября: «Корветъ Дилижантъ только что прибылъ въ нашъ портъ изъ Лиссабона; онъ совершилъ сіе плаваніе въ пять дней. На немъ привезено извѣстіе, что послѣ упорнаго и кровопролитнаго сраженія, былъ возстановленъ образъ правленія Дона Педра. Флотъ, начальствуемый Адмираломъ Гюгономъ, не могъ вступить въ Кадиксъ, но долженъ былъ сперва выдержать карантинъ. По этой причинѣ, или по предписанію Французскаго Правительства, онъ обратился къ берегамъ Португаліи, и вступилъ въ Таго. Такимъ образомъ находились, 4-го Ноября, передъ Лиссабономъ 10 линійныхъ кораблей Французскихъ и Англійскихъ. Вскорѣ показалось движеніе, враждебное послѣднему перевороту. Министры не могли убѣдить Королевы къ утвержденію мѣръ, необходимыхъ для обузданія жителей, опасавшихся намѣреній Англии. Нѣсколько баталіоновъ, предводительствуемыхъ Принцемъ Фердинандомъ Саксенъ-Кобургскимъ, выказали свое намѣреніе провозгласить образъ

правления Дона Педра. Национальная гвардія противилась тому два дня сряду; однако же, наконецъ, обезсиленная смертію Генерала Фрейра, она уступила. Принцъ Фердинандъ принялъ главное начальство; онъ пользуется королевскою властію. Говорятъ, что Инфанта Изабелла подкрѣпляла сію контръ-революцію. — Ремешидо небираетъ войска въ Алгарви.»

— Въ Страсбургскихъ газетахъ, 11-го Ноября, напечатано: »Министръ Внутреннихъ Дѣлъ извѣстилъ Государственнаго Совѣтника, Префекта Нижне-Рейнскаго, что, такъ какъ нотою Швейцарскаго Правительства къ Французскому, исполнено желаемое удовлетвореніе, то отнынѣ ничто не препятствуетъ возобновенію коммерческихъ сношеній, пресѣченныхъ на нѣкоторое время, и свободному проѣзду путешественниковъ. Въ слѣдствіе сего, отданы нужныя предписанія для прекращенія запретительныхъ мѣръ, установленныхъ на границѣ.»

— Прошедшій Октябрь мѣсяць былъ особенно богатъ новыми драматическими сочиненіями: всего представлено на Парижскихъ театрахъ тридцать новыхъ пьесъ.

— Въ Парижѣ замѣтили въ ночи съ 12-го на 13 число необыкновенное множество падающихъ звѣздъ. Съ четырехъ до семи часовъ утра ихъ насчитали отъ тридцати до сорока. — Въ другихъ мѣстахъ равномерно замѣчено сіе явленіе. Известно, что нѣкоторые астрономы утверждали, будто именно въ это время года падающія звѣзды являются въ необыкновенно большемъ числѣ (См. Сына От. № 2, 1836.)

— Въ ночи 11 Ноября взяты въ Сень-Жерменскомъ предмѣстіи подъ арестъ многія osoby по политическимъ причинамъ.

АНГЛІЯ.

Графъ де Сюрвилль (Юсифъ Бонапарте) возвратится изъ Англіи въ Соединенные Штаты будущю весною.

— Маркизь Ватерфордскій покупаетъ нынѣ въ Ирландіи собакъ настоящей породы бульдоговъ, для перевезенія ихъ въ будущемъ году въ Африку, гдѣ онъ намѣренъ заняться травлею львовъ.

— Въ одной Эдинбургской газетѣ напечатано письмо, писанное въ Глазговъ отъ одного офицера Британскаго легіона въ Испаніи къ своимъ родителямъ. Письмо это написано въ Корбанскомъ монастырѣ, 17-го Октября. Этотъ офицеръ жалуется на положеніе дѣлъ въ Испаніи, и говорятъ, что въ легіонѣ ихъ, состоявшемъ первоначально изъ 10,000 челов., нынѣ едва можно насчитать отъ двухъ до трехъ тысячъ солдатъ, способныхъ носить оружіе. Онъ не постигаетъ, какимъ образомъ Генералъ Эвансъ осмѣливается принять на свою отвѣтственность столь долгое пребываніе въ Испаніи, и угрожаетъ, по возвращеніи въ Англію, обнаружить поступки нѣкоторыхъ лицъ, и пристыдить ихъ всенародно.

— Англійское и Американское пароходное общество положило построить величайшій пароходъ, какой только когда либо существовалъ: это будетъ первый линійный пароходъ; онъ назначается для перевозовъ между Ливерпулемъ и Нью-Йоркомъ. Длина киля будетъ простирается до 220 футовъ, длина палубы въ 235 футовъ, и подводная часть будать имѣть 27 футовъ глубины; пароходъ сей будетъ имѣть три палубы, и помѣщать 1700 тоннъ. Въ движеніе будутъ его приводить двѣ машины, каждая силою въ 225 лошадей; все судно будетъ устроено такимъ образомъ, чтобы безъ труда можно было соединять выгоды паруснаго судна съ пароходомъ.

— Число переселенцевъ, прибывшихъ въ нынѣшнемъ году въ Канаду, вростирается до 15,000; число пробывшихъ тѣда кораблей почти равняется прошлогоднему.

— Въ Коммерческомъ Вѣстникѣ города Капа, 10-го Сентября, жалуются на многочисленныя переселенія цѣлыхъ семей изъ колоній во внутренность Африки; это

обстоятельство, въ странѣ мало населенной, должно быть почитаемо бѣдствіемъ, и требуетъ принятія мѣръ для улучшенія состоянія тамошнихъ жителей.

ИСПАНІЯ.

Французское Правительство обнародовало, 9-го Ноября, слѣдующую телеграфическую депешу: «Байонна, 7-го Ноября. Кантавіеха взята 30-го Октября. Въ семь городѣ найдены бригадиръ Лопесъ и пѣльные, взятые въ Кадракѣ. 1-го Ноября господствовало между жителями Мадрита большое безпокойство, изъ опасенія происшествій на театрѣ войны. Родиль находился, 30-го Сентября, у моста въ Арсобиспо, и не зналъ ничего о дальнѣйшихъ движеніяхъ Генераля Гомеса. Але перешелъ, 27-го Октября, черезъ Сьерру; Нарваесъ находился, 3-го Ноября, въ Аргандѣ, подлѣ самаго Мадрита.

— Въ Мониторѣ напечатаны слѣдующія извѣстія изъ Мадрита, отъ 2-го Ноября: «Правительство получило сію минуту подробное донесеніе о взятіи города Кантавіеха. Генераль Родиль, занятіемъ моста въ Арсобиспо, отрѣзалъ Гомесу переходъ черезъ Таго. Карлисты сдѣлали отступательное движеніе отъ Гаделупы въ Логросанъ, и вслѣдъ затѣмъ, пошли въ Трухилью. Генераль Але ожидалъ ихъ въ Кампанаріо.»

— Въ Indicateur bordelais, 7-го Ноября, напечатано: «Кабинетскій курьеръ, отправленный изъ Мадрита 3-го числа, привезъ извѣстіе, что Кортесы единогласно признали Марію Христину Правительницею. Генераль Родиль отрѣшенъ отъ должности, и на его мѣсто назначенъ Генераль Нарваесъ. Въ Португалетту прибыли 1,100 чел. свѣжихъ войскъ, въ числѣ которыхъ находятся многіе Англійскіе флотскіе артиллеристы. Нынѣ, они уже вѣроятно находятся въ Бильбао.»

— По извѣстіямъ изъ Кадикса, тамошняя коммерческая Юнта составила, 28-го Октября, на имя Королевы Хри-

стины, прошеніе, въ которомъ проситъ Ея Величество о предложеніи Кортесамъ признанія независимости владѣній Южной Америки.

АВСТРІЯ.

По случаю кончины Его Величества Короля Карла X, наложенъ при здѣшнемъ Дворѣ трауръ, съ нынѣшняго числа на двадцать дней. Сегодня закрыты театры.

— Въ Силезской газетѣ напечатано слѣдующее извѣстіе о смерти Карла X: «Престарѣлый Монархъ, узнавъ, что холера появилась на берегахъ Иллирія, отправился изъ Праги въ Герцъ, на границъ Богеміи, остановился въ Кирхбергъ, и возвратился въ свое прежнее мѣстопробываніе не за долго предъ симъ, по минованіи заразы; не смотря на то, утверждаютъ, что онъ имѣлъ передъ кончиною припадки, похожіе на холеру. 11-го Ноября вечеромъ и 12-го поутру были отелужены паннихиды по усопшемъ Королѣ въ придворной церкви въ Вѣнѣ, въ присутствіи Императора и Императрицы и всего Двора; въ траурѣ. — Графъ Луккези-Палли, супругъ Герцогини Беррійской, прибылъ, 11-го Ноября, изъ Герца въ Вѣну. Полагаютъ, что онъ прибылъ для принятія мѣръ къ погребенію своего Августѣйшаго родственника. Немедленно по полученіи извѣстія о смерти Карла X, Императоръ и Императрица отправили Князя Сайнъ-Витгенштейна къ Герцогинѣ Ангулемской, съ собственно-ручными письмами, въ которыхъ изъявляютъ ей искреннее свое соболезнованіе.»

ШВЕЙЦАРІЯ.

Въ осьмомъ и послѣднемъ своемъ засѣданіи, 7-го Ноября, Сеймъ слушалъ донесеніе комиссіи, наряженной для приведенія въ исполненіе рѣшенія касательно выходцевъ, и послѣ разсужденій, продолжавшихся не очень долго, предложенія комиссіи были утверждены двадца-

тью однимъ Кантономъ (Фрейбургъ не получалъ инструкцій). Чрезвычайное собраніе Сейма объявлено закрытымъ; присемь были произнесены обычныя изъявленія благодарности.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ одномъ Американскомъ журналѣ приводятъ удивительный примѣръ повышенія цѣны недвижимаго имущества, происходящей естественно отъ страсти къ спекуляціямъ. Нѣкто купилъ, за два года предъ симъ, имѣніе въ Сандускъ-Сити, за 3,000 доллоровъ, и продалъ его нынѣ за 100,000.

— Въ Allgemeine Zeitung напечатано письмо съ Италіанской границы, отъ 5-го Ноября; въ немъ извѣщаютъ, что арестациі, сдѣланныя незадолго предъ симъ въ Сардиніи, какъ говорятъ, исполнены по увѣдомленію Французскаго Правительства: нынѣ узнали, что былъ составленъ обширный заговоръ для возмущенія Франціи и Италіи. Объ этомъ узнали по показаніямъ одного духовнаго лица, замѣшаннаго въ семь дѣлъ. Два Англичанина, которыхъ видѣли до сего времени то въ Генувѣ, то въ Тиринѣ, но которыхъ донныя удавалось скрыться отъ всѣхъ поисковъ; съ взятіемъ ихъ подъ стражу откроется все устройство заговора въ Италіи. За открытіе ихъ убожища обѣщаны значительныя награды. Донныя полагаютъ, что они еще находятся въ предѣлахъ Италіи, и скрываются у одного изъ соучастниковъ. Сардинская жандармерія соединилась съ Французскою, и ни одинъ изъ заговорщиковъ не можетъ проникнуть во Францію, потому что всѣ путешественники подвергаются строгимъ обыскамъ полиціи. Удобвѣшимъ путемъ къ бѣгству можетъ быть Швейцарія, но и на ея границѣ приняты Сардинію строгія мѣры.

— Въ Allgemeine Zeitung напечатано слѣдующее письмо изъ Марсели, отъ 29-го Октября: »Вчера сталъ на

мель, недалеко отъ берега, при, такъ называемой, Резервѣ, прекрасный Тосканскій парохоль Леопольдъ II, при его отправленіи отсюда въ Италію. Спасены всѣ 108 пассажировъ, въ числѣ которыхъ находился Князь Радзивиль, Флигель-Адъютантъ Его Величества Императора Всероссийскаго, съ супругою; Англійскій Генеральный Консулъ въ С. Петербургѣ, съ своимъ многочисленнымъ семействомъ, и пр. Сей несчастный случай, могущій легко имѣть бѣдственные послѣдствія, долженъ быть приписанъ безразсудной отвагѣ капитана, Англійскаго уроженца, который, не смотря на всѣ представленія штурмана, хотѣлъ выйти изъ гавани, при сильнѣйшемъ сѣверо-западномъ вѣтрѣ. Около десяти человекъ, изъ числа тѣхъ, которые подавали помощь, болѣе или менѣе ушибены, потому что, одинъ за другимъ, порвались два каната, которыми старались стащить парохоль съ мели; этого достигли только подъ вечеръ. Сіе обстоятельство будетъ имѣть неблагопріятное вліяніе на довѣріе публики къ пароходу Леопольдъ, даже въ томъ случаѣ, если нынѣшняго капитана его, офицера, впрочемъ свѣдущаго, опредѣлятъ на другое судно. — Съ нѣкотораго времени, показалась здѣсь удивительно быстрая перемѣна температуры. Еще третьяго дня погода была ясная и теплая; вчера всѣ дрожали отъ холода; сегодня идетъ снѣгъ; всѣ горы вокругъ города бѣлы.»

М О Д Ы.

Décidément les bandeaux ont passé de mode, les cheveux bouclés à la Ninon, à la Sévigné, sont les seules coiffures que porteront cet hiver les femmes élégantes. Les cheveux plats seront seulement tolérés avec les bonnets, quoique les modistes en fassent dont la forme peut très bien s'adapter avec les coiffures nouvelles. Les cheveux s'arrangent très bas derrière la tête, en nattes; quelque fois de ces nattes ressortent des boucles qui descendent à la naissance de la nuque. On mettra beaucoup de coiffures en pierreries cette année; on fait des diadèmes et des couronnes dans le genre antique. On portera aussi beaucoup de plumes, d'aigrettes dans les cheveux; en général, les coiffures seront fort riches, ce qui ne peut être autrement avec le reste du costume qui semble, chaque jour, devenir plus somptueux.

— On voit des robes ouvertes dont les manches sont longues et plates dans toute la longueur; à l'intérieur du bras elles sont fendues, et on voit une manche de satin blanc; la manche de dessus est retenue par des rubans croisés en échelle.

— Les chapeaux semblent avoir un peu diminué depuis une semaine; les passes sont moins longues; on les fait un peu moins appliquées sur les joues, ce qui était absolument nécessité par les cheveux bouclés. Les fleurs les plus à la mode pour mettre sur les chapeaux sont les fleurs d'oranger et les fleurs en velours.

—

Гладкія прически рѣшительно вышли изъ моды; нынѣшнюю зиму всѣ щеголихи будутъ носить только при-

чески съ пуклями à la Ninon, à la Sévigné. Гладкіе волосы терпимы будутъ только съ чепчиками, хотя модистки приспособляютъ уже формы сихъ послѣднихъ къ нынѣшнимъ прическамъ. Сзади косы носятъ очень низко; иногда изъ косы висятъ пукли, падающія до самаго затылка. Въ этомъ году будутъ много носить головныхъ уборовъ изъ драгоценныхъ камней; дѣлаютъ много діадемъ и вѣнцовъ въ древнемъ вкусѣ. Также много будутъ носить въ волосахъ перья въ страусовыхъ и сдѣланныхъ изъ каменьевъ (aigrette); вообще, головные уборы будутъ чрезвычайно богаты, что и должно быть необходимо, для согласія съ остальною частью костюма, пышность котораго съ каждымъ днемъ, кажется, увеличивается.

— Дѣлаютъ открытыя платья съ рукавами длинными и совершенно плоскими; внутри руки рукава разрѣзаны, и изъ-подъ нихъ видны другіе бѣлые атласные; верхній рукавъ придерживается лентами, положенными накрестъ.

— Шляпки, съ недѣлю тому назадъ, начали уменьшаться; поля уже не столь длинны и менѣе прижаты къ лицу, чего непременно требовали нынѣшнія пукли. Самые модные цвѣты для украшенія шляпокъ суть бархатные и цвѣтки померанцовыхъ деревъ.

(Изъ Petit Courrier des Dames и Journal des Dames et des Modes,
10-го Полбрі.)

СЛОВЕСНОСТЬ.**МОНАСТЫРЬ Св. САВВЫ.**

Отрывокъ изъ романа: *Бедуника*, сочиненіе М.
Пужула (*).

Поэшь или романпикъ, желающій создать въ своемъ воображеніи мѣста печальныя и угрюмыя для прагматическихъ сценъ, никогда не будетъ въ состояніи представить ихъ въ такомъ совершенствѣ грознаго, въ столь мрачномъ и дикомъ видѣ, какой имѣютъ окрестности монастыря Св. Саввы, опстоющаго на юго-востокъ отъ Вилеема на чепыре часа. — Вы пройдете всѣ спраны Земнаго Шара, и не найдете ни одной изъ нихъ болѣе печальной, болѣе нагой; ни одна часпъ природы не явится вамъ съ наибольшими поржеспвующими ужасами: шаква юдоль плача. Эта спрана, подобна челоьку, когда рука смерти закрываетъ его глаза, кровь леденѣетъ въ жилахъ и могила зоветъ его къ себѣ; въ этой безжизненной долинь, среди общаго безмолвія и тишины, возвышается изъ глубины ущелій, почти до горной вершины, трехъ-башенная обшпель Св. Саввы, обнесенная высокими стѣнами и перассами, какъ волшебный замокъ, борющійся съ темными духами.

(* *Бедуника*, переводъ съ Французскаго, оканчивается печатаніемъ и скоро выйдетъ въ свѣтъ.

Августинъ и Бедуинка, послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія въ Виолеемъ, оспавили его въ послѣднихъ числахъ Октябрия, и пустились въ южныя спраны Палестины. — Упомянутые солнечнымъ зноемъ и шруднымъ пушемъ, они достигли Лавры Св. Саввы; у воротъ ея находился опрядъ Арабскихъ солдатъ, коихъ обязанностію было смотрѣть, чшобы ни одинъ Арабъ не искалъ госнепріимства или убѣжища въ жилищъ Христіанскихъ иноковъ. Спражи, обманушые одеждою Августина, видѣли въ немъ чловѣка, копорый долженъ бытъ удаленъ опъ монастыря, и объявили ему, чшобы онъ шелъ далѣе искашь прищанища.

— Я хаджи, изъ земли Франковъ, сказалъ Августинъ; посѣщаю съ моею женою всѣ мѣста этой спраны, и не думаю ничѣмъ вредить Греческимъ монахамъ! — Но спражи, не понимая, какъ могъ Франкъ носить Арабскую одежду и шакъ чшсно говорить ихъ языкомъ, не вѣрили словамъ Августина.

Монахъ, споявшій на спражѣ, извѣстилъ звономъ колокола о прибытіи спранниковъ, и самъ наспоашель поспѣшилъ выйти къ воротамъ. Августинъ, на Ипаліанскомъ языкѣ, просилъ у него госнепріимства. Тогда окованныя желѣзомъ ворота обштели опворились для пунниковъ, и вновь заскрипѣвъ на заржавленныхъ пешляхъ, быспро съ шумомъ захопнулись за ними; спокрашное эхо опдалось въ скалахъ. Наспоашель опшелъ имъ въ монастырскомъ зданіи комнашу, убранную по-восточному.

Въ этотъ день Лавра Св. Саввы была еще печальнѣе и мрачнѣе обычнаго: одинъ изъ братій монашесствующихъ перешель за предѣлы сего міра: спарость свела его въ могилу. Въ этомъ грозномъ и дикомъ пріюшѣ люди живутъ гораздо долѣе, нежели въ обществѣ, среди свѣтскихъ удовольствій. Августинъ и Бедуинка, спуштя два часа послѣ своего прибытія, находились уже посреди Греческихъ монаховъ, опправлявшихъ обрядъ погребенія. Покойника обернули кускомъ сѣраго полотна, положили въ гробъ, и послѣ молишвъ и пѣнія, по Греческому обряду, чешверо иноковъ вынесли его изъ церкви и поспавили въ подземелье, назначенное для послѣдняго и вѣчнаго ихъ жилища.

Видѣ дикаго мѣстоположенія этой спраны, угрюмое зданіе Лавры, печальныя лица монаховъ, навели на Августина глубокую маланхолію. Гелда, никогда не бывавшая въ монастыряхъ, чрезвычайно удивлялась всему встрѣчаемому ею, и тысячи вопросовъ гоповы были разрашишься надъ Августиномъ; но она боялась прервать его размышленія. При видѣ мершваго инока, погребеннаго передъ ея глазами, Бедуинка невольнo вздумала о смерти: эша мысль впервые еще посѣпила ея воображеніе, и поразивъ, опечалила взоры, разлила грусь по прелестному ея лицу.

Возвращаясь въ комнашу, они оба молчаливо, съ пасмурными лицами, сѣли на червленомъ диванѣ. Такъ прошло нѣсколько минушь. Августинъ очнулся, спряхнулъ съ себя оковы меланхоліи, и взоры его впшлись въ идеальную красому Бедуин-

ки. «Телла!» сказалъ онъ помнымъ голосомъ: «какъ ты прелесна въ этой степи, въ этомъ жилищѣ смерти!» Она взглянула на него: взоръ ея изображалъ любовь и безпокойство. Августинъ списнулъ въ своихъ рукахъ руки милой Теллы. «Дщерь Востока! въ швоемъ сердцѣ кроется что-то, которое бы ты хотѣла передать мнѣ; говори, говори, Телла! не долженъ ли я знать все тайны, все сокровѣннѣшя мечны швой?»

— Я печальна, мой милый Августинъ, отвѣчала Телла языкомъ непорочной души: мои мысли, все чувства волнуются съ шѣхъ поръ, какъ я увидѣла эти похороны, увидѣла челоуѣка, оставившаго жизнь и навѣкъ удалившагося въ мрачное убѣжище. Напрасно ты пребуешь, чтобы я передала тебѣ то, что испытываю въ эти минуты; въ груди моей шѣснятся ужасныя чувства, но я повинуюсь. Слушай и отвѣчай мнѣ! Правда ли, что нѣкогда жизнь опленишь и опъ себя также; ты превратишься въ холодный безчувственный шрупъ, подобно тому монаху, и я не въ силахъ буду болѣе любить, видѣть, слышать тебѣ? Правда ли, что одна роковая минуша можетъ раздѣлить насъ навсегда? Но это жестоко, мучительно, Августинъ! Неужели наспанешь шощъ день, когда солнце взойдетъ на горизонтѣ, и не освѣпишь болѣе меня вмѣстѣ съ шобою, и безъ тебя я вспрѣчу почныя звѣзды, горы, деревья и цвѣты? Ахъ! скажи, мой другъ, правда ли это? боязнъ лишиться тебя опнимаешь у меня съ этой минушы все счастье и обрекаешь на вѣчныя слезы; я не могу перенести мысли, что нѣкогда по-

перлю себя. О! зачѣмъ мы пришли сюда, Августинъ? зачѣмъ я видѣла этого мершвеца? И Телла омочила своими слезами лице и руки милого.

— «Телла, Телла! воскликнулъ Августинъ, какъ прекрасно швое сердце! Но, утѣшься: наша любовь не пройдетъ со временемъ: она будетъ существовать долѣ жизни цвѣшовъ, деревьевъ, земли полей и холмовъ, долѣ швореній челоуѣка, долѣ этого брешаго вещества, шѣла, окружающаго наше сердце и душу. Небеса, которыми мы удивлялись столько разъ порою ночи, земля съ ея рѣками, лѣсами и жашвами, все, что можетъ созерцать взоръ, все это должно нѣкогда исчезнуть. Но любовь наша, она будетъ жить долѣ этихъ мировъ, блестящихъ въ неизмѣримомъ пространствѣ. Если я первый перейду опсюда въ лучшей ширь, ты не останешься здѣсь одна; мой образъ будетъ носиться надъ шобою, шо въ видѣ воспоминанія, шо ночнымъ видѣнiемъ. Если же Богъ назначитъ тебѣ прежде покинуть здѣшнюю жизнь, ты прійдешь также навѣспишь швоего бѣднаго друга. И когда мы оба не будемъ болѣе принадлежать шпанамъ, освѣщаемымъ солнцемъ, каждый день угасающимъ, мы будемъ находиться въ жилищѣ Бога, нашего Творца, гдѣ лучи солнца никогда не меркнутъ; шогда мы будемъ любить еще другъ друга пламеннѣе, искреннѣе Телла! если бы могла была мѣспомъ вѣчной разлуки, если бы любовь проходила съ пошешомъ времени, шо могли ли бы для челоуѣка существовать на зем-

ли какія радости, не говорю уже о счастья? Возможно ли любить без надежды, без мысли, что будешь любить вечно? Да, вечно! Вошь слово нашего назначенія, вошь главное условіе счастья. Милая Елма! пы въ своемъ сердцѣ найдешь увѣреніе о безсмертіи любовника; кто будешь пакъ любить, какъ мы, шошь повѣришь что и по шу сторону могилы восходишь солнце!»

Бедуинка обнимала милаго, и плакала ошь удовольствія. Лучи неисповѣдимаго свѣта озарили душу ея. Августинъ! сказала она, чѣмъ я могу вознаградишь шебя за эши минушы чистой радости? Если бы пы зналъ, какъ неизъяснимо сладоспно для меня мечпаніе, что мы можемъ любить другъ друга вечно, вечно! Съ эшихъ поръ мысль о смерти не будешь болѣе уже превожидишь меня; пы сказалъ мнѣ: ничто не можешь разлучишь насъ.

Въ печеніе шрехъ дней, проведенныхъ въ Лаврѣ Св. Саввы, Августинъ и Бедуинка часпо бывали на монастырскихъ перрассахъ, возвышающихся надъ пропастью, по дну которой нѣкогда пропекалъ бурный Кедронъ. Голуби порхали вокругъ древнихъ, запустѣлыхъ келлій опшельниковъ, изсѣченныхъ въ ушесъ; лисицы, нарушая крикомъ своимъ общее спокойшвіе, подбѣгали къ высокимъ перрассамъ искашь пищи, и иногда монахи для препровожденія времени бросали имъ ломши хлѣба.

МЕДИЦИНА.

РАЗСУЖДЕНІЕ ВРАЧА (*).

Здравіе, безъ сомнѣнія, есь одно изъ драгоценнѣйшихъ благъ на земли: оно намъ помогаешь переносишь всякое бѣдшвіе, облегчаешь всякую работу, возвышаетъ всякое удовольствіе; дѣлаешь насъ чувшшвительнѣе къ впечатлѣніямъ радости и располагаешь къ добру.

Къ чему намъ служатъ богатштво, честь и знаншность, когда здоровье разширено? Здоровый крестьянинъ подъ мшиспою кровлею счастливъе большого богача въ шашрѣ позлащенномъ. Состояніе шѣла сообщается душѣ. Кому не извѣсно, что *in corpore sano mens sana*? Больные, мы малодушны, подозрительны, боязливы, не расположены къ занятіямъ и ш. д. Болѣзненныя чувштва сообщаютъ душѣ внѣшнія впечатлѣнія, смѣшанныя съ чувшвованіемъ, произведеннымъ разширойшвомъ органа; душа смѣдовашельно получаетъ ложныя понятія о вещахъ; спраждущему желшухою и снѣгъ кажешь желшымъ. Когда мы заняшы внутрешнимъ болѣзненнымъ чувшвованіемъ, шогда и высшія способности души измѣняются. Мы видимъ изъ этого, сколь важно для каждого человека имѣшь попеченіе о своемъ здоровѣ, не шолько для своей личной выгоды, но и для блага цѣлаго го-

(*). Обращенное къ воспитанникамъ одного врачебнаго института.

сударства, благосостояніе кошораго еспь слѣдствіе благосостоянія частныхъ лицъ, соспавляющихъ оное. Государство пребуешъ, какъ для благоустройства, такъ и для правленія своего и защиты, чшобы все граждане наслаждались хорошимъ здоровьемъ: это намъ убѣдительно доказываешся, когда господствуютъ повальные смертные болъзни, въ продолженіе кошорыхъ все дружины государственныя ослабѣвають.

Попеченіе о сохраненіи здравія гражданъ соспавляло всегда одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ законодательства. Желая подчинять свои установленія вѣрному надзору, препоручали оныя совѣси каждаго, включивъ ихъ, какъ священное дѣло, въ обряды религіи. Отъ чего, въ глубокой древности, богослуженіе и врачеваніе опправлялись одною и тою же особою, такъ, чшо каждый врачъ былъ жрецъ, и обратно?

Чѣмъ болѣе общесва гражданскія спали увеличивались, опчаспи опъ размноженія людей одного племени, опчаспи опъ соединенія нѣсколькихъ народовъ и племенъ, шѣмъ многообразнѣе сдѣлались опношенія гражданъ между собою, ихъ потребности, связи и пр. Умъ чловѣка, снискивая средства къ удовлетвореніямъ всехъ потребностей, скоро нашель, чшо чѣмъ онъ болѣе углублялся, прелѣдуя свой предметъ, шѣмъ болѣе развивалась предъ нимъ природа, такъ, чшо одному невозможно было все обнять, и люди, слѣдуя различнымъ склонностямъ своимъ, спали раздѣлишь между собою царство познаній чловѣческихъ; тогда между ими нашлись

и такіе, кошорые преимущественно занимались размышленіемъ о природѣ въ происхожденіи, пребываніи и испребленіи ея вообще, и изслѣдываніемъ чловѣческой природы въ особенности; сіи люди назывались философами, мудрецами, многовѣдущими. Между ими были и такіе, кошорые, изслѣдуя чловѣческую природу въ совершенствѣ и опклоненіи ея, занимались въ шо же время опыскиваніемъ способовъ и средствъ къ опвращенію болъзней, къ поправленію упраченного здоровья: они называются *врачами*; имъ въ наше время правительсво преимущественно ввѣряешъ попеченіе о сохраненіи здоровья гражданъ.

Благодарные современники и справедливое потомство сохранили для насъ имена знаменнѣйшихъ изъ врачей. Книпай имѣешъ своего Гоангпи, современника Гермеса Трисмегиста, по мнѣнію Діодора, друга и наставника Озириса. Гермесъ Трисмегистъ оставиль многія наставленія, коимъ врачи того времени слѣдовали; еще во время Галена Египетскія средства были въ употребленіи. Юная Греція, находящаяся подъ благосклоннымъ небомъ южной Европы, гдѣ природа, улыбаясь, приглашаешъ къ насладенію, вполне умѣла оцѣнить избавишелей опъ болъзней, опнимающихъ возможность наслаждаться дарами жизни. Благодарная Греція, желая починишь достоинсва Эскулапа, помѣстила его въ число боговъ. Еспественнымъ слѣдствіемъ такой признашельности соошественниковъ было шо, чшо врачи, воспламененные онымъ, спремались неушомимо къ доспигенію возможнаго совершенсва. Спаранія ихъ не

остались шщепными: многіе изъ сихъ врачей бли-спаюшъ какъ звѣзды первой величины въ льпо-писяхъ просвѣщеннѣйшаго изъ народовъ древнихъ; правила, ими начертанныя, въ печеніе десяшковъ вѣковъ не поперяли своихъ достоинствъ, и мы ими и нынѣ еще руководствуемся.

Когда сіи спраны пали подъ власть Римскихъ легионовъ, тогда большая часть врачей пересели-лась въ Испалію, а въ послѣдствіи и въ Конспан-шинополь, гдѣ роскошь и развратъ всякаго рода, доведенные до послѣдней крайности, сдѣлали ихъ присущствіе необходимымъ. Когда же Римская Имперія сдѣлалась добычею варварскихъ народовъ, тогда, съ паденіемъ сего колосса, разрушилось царство Эскулапа, и ученики его, разсѣявшись, нашли себѣ убѣжища въ монастырскихъ обше-ляхъ, и шамъ уже обломки врачебной науки сохра-нялись до вшоричнаго возведенія Рима на верхъ власти, когда владышели Европы сдѣлались данни-ками папъ.

Во время Кресповыхъ Походовъ, особенно въ началѣ XII вѣка, явились первые свѣшпскіе врачи. Въ то же время, въ 1131 году, на церковномъ собо-рѣ въ Реймсѣ, монахамъ запрещено было заниматьсѣ Хирургіею, и это запрещеніе подшверждено было на другихъ соборахъ; но надзоръ за лазарешами исключительно препорученъ былъ имъ до собора, бывшаго въ Виеннѣ 1312 года. И шакъ Медицина изъ рукъ духовныхъ поспешенно перешла въ руки свѣшскихъ.

Когда въ XV, XVI и XVII вѣкахъ поняшїя о Народномъ Правѣ сдѣлались яснѣе правителѣмъ

народовъ, и папскіе приговоры и рѣшенія поперя-ли свою силу, народы же почувствовали, сколь полезнѣе для нихъ повиновашься одному законно-ному государю, которъй бы могъ защищать ихъ отъ самовласныхъ поступковъ бароновъ; тогда и государи, чшобы имѣть средспва къ защищенію ввѣрившихся имъ подданныхъ, спали держашъ несмѣнныхъ, всегда готовыхъ рашниковъ, къ чему еще болѣе ихъ принуждало изобрѣшеніе пороха, съ чѣмъ измѣнился и образъ военныхъ дѣйствій. вмѣ-стѣ съ шѣмъ измѣнилась и полишика народовъ: слабые соединились между собою, чшобы взаимны-ми силами, опрашишь надменнаго сосѣда. Отъ эпо-го распрїа двухъ народовъ сдѣлалась предметомъ войны для многихъ, а съ увеличеніемъ армій, увеличивалась пошребность и во врачахъ. Съ дру-гой спороны, два, по многимъ другимъ опношені-ямъ, важныя опкрышїа, увеличили въ Европѣ эту пошребность. Опысканіе пупи въ Оспѣ-Ин-дію вокругъ Мыса Добрай Надежды, и опкры-шїе Америки познакомили Европейцевъ съ про-изведенїями сихъ спранъ, и досшавили имъ много способовъ прїобрѣшашъ оныя. Слѣдствіемъ всего эпого были нѣга, роскошь и новыя болѣзни.

Съ шого времени пошребность во врачахъ не уменьшалась, но еще увеличилась; отъ эпого умно-жилось число заведеній во всѣхъ земляхъ для об-разованія врачей.

Познакомившись лично съ учебными заве-денїями у первыхъ народовъ Сшараго и Новаго Свѣша, я могу смѣло сказашъ, что нигдѣ споль-ко не обращаютъ вниманія на образованіе хо-

ропихъ врачей, какъ въ нашемъ опечествѣ. Правительство не падить ни какихъ издержекъ для усовершенствованія учебныхъ заведеній, чему служишь доказательствомъ новое преобразование университетовъ. Правительство, не ограничиваясь шпашомъ положенной суммы, готово на всякое пожертвованіе. Во многихъ мѣстахъ Имперіи преподается врачебная наука безвозмездно; съ истинно опеческою заботливостію, дѣши небогатыхъ родителей, посвятившія себя сей наукѣ, обезпечены во время ученія со всѣхъ сторонъ, единственно для того, чшобы они могли свободно посвятивъ себя исключительно пріобрѣтенію нужныхъ познаній. Тѣмъ, коихъ дарованія и прилежаніе подають надежды, и по окончаніи курса предославляюся средства къ дальнѣйшему усовершенствованію. Лица, занимающія первыя мѣста во врачебномъ управленіи, покрытыя славою и почестями, обязаны своимъ благополучіемъ единственно Монаршмъ щедрошамъ.

Правительство, обезпечивая будущность своихъ воспитанниковъ, шѣмъ больше имѣеть права на ихъ признашельность, чшо не шребуешь ни какихъ вознагражденій за свои пожертвованія. Обязанность воспитанниковъ, служишь шесть лѣтъ, не ешь вознагражденіе, пошому чшо они пользуются всеми правами и выгодами службы наравнѣ съ другими.

Чшобы люди безъ свѣдѣній не могли играть здоровьемъ и жизни своихъ согражданъ, во всѣхъ земляхъ введены испышанія желающихъ получить право лечишь, чшо ни въ одной землѣ не дѣ-

лаеться сіе съ такою строгостію, какъ у насъ. Доказательствомъ этому служишь то, чшо изъ многихъ иностранцевъ, пріѣзжающихъ къ намъ съ дипломомъ докшора, весьма немногіе утверждаюся въ семъ званіи; большая часть должны довольствовашься степенью лекаря, нерѣдко только 2-го или 3-го отдѣленія; другимъ же вовсе отказываютъ за слабыя познанія. Сии испышанія, со всею строгостію предпринимаемыя, не могутъ предупредить, чшобы не вкрадывались посредственные врачи, пошому чшо они хоща и показываютъ теоретическія познанія испышнуемаго, но какъ онъ умѣеть ихъ употребить, равно и о нравственныхъ его качествахъ, по краткости времени, съ желаемою строгостію судишь нельзя; слѣдовательно, если и имѣются средственные врачи, шо въ семъ не должно порицать, ни несовершенства заведенія, образовавшаго оныхъ, ни факультетовъ, удостоившихъ ихъ званія лекаря, а самихъ особъ, посвятившихъ себя Медицинѣ, не имѣющихъ, пошребныхъ способностей. Иной посвящаетъ своихъ сына или родственника Медицинѣ, какъ говоришь, Minervae et Aesculapio invitit; но такой человекъ, пошупивъ въ сословіе, шреваніямъ коего онъ не можетъ удовлетворишь, чувствуя свои недостатки, ропщеть на Провидѣніе, чшо оно скудно снабдило его дарованіями, и на родителей своихъ, чшо они посвятили его занятиямъ, превышающимъ его силы; но можешь быть, шо и другое несправедливо: Провидѣніе раздѣлило дарованія между людьми многообразно, и если бы всякій старался образовашь шо, чшо досталось ему въ удѣль,

то мы имѣли бы гораздо меньше людей посредственныхъ. Худой живописецъ могъ бы быть хорошимъ купцомъ, худой врачъ хорошимъ юристомъ. Не школа дѣлаешь художникомъ, а природа; школа даетъ правила, но примѣненіе правилъ предоставляется генію художника. Родители, желая благополучія дѣтямъ своимъ, при избраніи имъ образа жизни, часто неумышленно погрѣшаютъ противъ опредѣленія природы.

Въ этой печальной истинѣ, я, къ несчастію, ежедневно убѣждаюсь, такъ, что вмѣнилъ въ обязанность сдѣлать гласнымъ мое внутреннее убѣжденіе, дабы симъ самымъ побудить родителей, и пѣхъ, попеченію коихъ ввѣряешь будущность юношей, чтобы они строго испытывали способности и склонности ихъ, прежде нежели рѣшались посвящать ихъ весьма труднымъ обязанностямъ врача, и не лишали бы необдуманнымъ рѣшеніемъ государство полезнаго члена. Члены государства составляютъ основной капиталъ его, копорымъ располагають по приходамъ нѣкто изъ гражданъ не въ правѣ. Юношеству я бы посовѣтовалъ, чтобы оно съ большимъ прилежаніемъ приготавливало себя къ своему назначенію, въ копоромъ ему вручаться будетъ судьба цѣлыхъ семействъ, а молодымъ врачамъ считала неизлишнимъ предсказать обязанности, копорыя они въ новомъ своемъ званіи принимаютъ на себя, и что, какъ государство въ цѣлости своей, такъ и граждане въ особенности, въ правѣ будущъ опъ нихъ требовать.

Для удобнѣйшаго разсмашириванія, мы раздѣлимъ качества врача на пѣлесныя и душевныя.

Врачъ, коему поручается имѣть попеченіе о здоровьѣ другихъ, долженъ самъ наслаждаться хорошимъ здоровьемъ. Кто пожелаешь имѣть врача, коего спокойствія онъ не смѣешь пошревожить, ни во время спола его, ни ночью? за коимъ онъ не иначе можешь послать, какъ посовѣщовавшись съ солнцемъ или погодою? копорый, вмѣсто угѣшенія и радости, наполнишь домъ больного своимъ спономъ, или свое разспроисво передаспъ больному? Врачъ долженъ быть въ состояніи подвергаться всякой погодѣ, чтобы во всякое время года, днемъ и ночью, могъ имѣть попеченіе о здоровьѣ своихъ согражданъ; предписываемымъ имъ правиломъ, онъ часто самъ долженъ пренебречь, пошому что ихъ благо пребуепъ энюго. Полусыпный, полусонный, онъ долженъ во всякое время спѣшить пуда, гдѣ нуждающа въ его помощи. Слабое пѣло скоро гибнетъ подъ бременемъ сполькихъ напряженій, и врачъ самъ попребуепъ помощи, когда нуждающа въ немъ больные. Врачъ съ слабыми болезненными нервами, дѣлающими его недоувѣрчивымъ, недовольнымъ и п. д., не въ состояніи наблюдать хладнокровно больного, ни съ пошребнымъ спокойствиемъ начертать себѣ планъ леченія, ни преслѣдовать его.

Врачъ долженъ имѣть здоровья и припомъ образованна чувства, хорошее зрѣніе, копорое бы особенно вблизи различало предметы; тонкій слухъ, чтобы онъ могъ внимать и шихому голосу слабого больного; нѣжное осязаніе, чтобы

открывать малѣйшія неровности на поверхности шѣла; острое обоняніе, ибо многія болѣзни узнаются по запаху; вѣрный вкусъ ему полезенъ для различенія лекарствъ.

Къ хорошему здравію и къ образованнымъ чувствамъ должна присоединяться правильная наружность: всякое поражающее ошугуленіе дѣлаешь непріятное впечатлѣніе, мѣшающее ему сблизиться съ больнымъ.

Кто не имѣешь надлежащихъ шѣлесныхъ качествъ, тому лучше отказаться отъ Медицины.

Выше всехъ качествъ шѣлесныхъ споятся качества душевныя, кошорыя возводяшь человека на ступень, назначенную ему отъ Творца; и у врача въ особенноти должны быть они болѣе развиты. Если въ общежитіи хорошая память и острый, пронцапательный умъ весьма важны, то какъ должны быть важны сіи качества для врача? Поприше его дѣйствій естъ неизмѣняемая, но вѣчнозакрывающая природа, гдѣ тысяча явленій зашмѣтають другъ друга. Гдѣ, въ лабиринтѣ эшомъ, отыскаешь нить Ариадны? Какъ между безчисленными, противурѣчающими себѣ припадками, отыскаешь шѣ, кои во взаимномъ сцѣпленіи своемъ, ведутъ насъ къ первоначальной причинѣ? Эшомъ вожде естъ вѣрный глазъ, не глазъ физическій, коимъ всѣ врачи глядяшь, но не всѣ видяшь; эшомъ глазъ естъ око духа, кошорое проникаешь въ глубину, и видишь порядокъ и связь тамъ, гдѣ чувствамъ предшавляющся хаосъ и смѣшеніе. Умъ, сей небесный свѣшпильникъ души нашей, долженъ непомраченнымъ свѣшомъ своимъ озаряшь идеи

врача. Кто въ недрахъ своихъ не возбуждалъ и не питалъ сей божественной искры, или кого, она поглощенная матерією, никогда не освѣщала, шомъ никогда не будешь врачомъ въ полномъ смыслѣ слова. Посему и совѣтую всякому, чшобы онъ шрого испытывалъ свои душевныя способности, прежде нежели приблизится къ преддверію храма Медицины, дабы за крашкимъ заблужденіемъ не послѣдовало долгое раскаяніе.

Безъ хорошихъ душевныхъ способностей, и пріобрѣшеніе нужныхъ познаній не возможно. Изъ сихъ познаній, многія суть пріуготовительныя, и должны быть пріобрѣтены до вступленія въ университетъ. Если, по недоспащку оныхъ, обучающійся врачебной наукѣ принужденъ будешь ими заниматься, то сіе не иначе можетъ быть сдѣлано, какъ на счешъ существенныхъ своихъ занятій.

Познанія, съ коими онъ долженъ вступать въ университетъ, суть: познаніе нѣсколькихъ языковъ; сверхъ основательнаго познанія своего отечественнаго, пошребенъ Латинскій, какъ языкъ, посредствомъ кошораго онъ можетъ вступить въ сношенія и объясняться съ врачами всѣхъ націй; на ономъ же находишь много медицинскихъ опличныхъ сочиненій. Далѣе слѣдуешь Нѣмецкій: на немъ можно чшпашъ лучшія сочиненія по всѣмъ частямъ. Германія богата не шолько произведеніями собственными, но и переводными; вслкая, нѣсколько заслуживающая вниманіе книга, писанная на какомъ бы ни было языкѣ, переводишь и нерѣдко пополняешь замѣча-

ліями, которія иногда доспойнѣ самага оригинала, и перѣдко съ такою скромностію, что прежде изданія впораго шма оригинального сочиненія, выходить уже первая часть перевода; посредствомъ Нѣмецкаго языка можно познакомить ся съ литерашурами всѣхъ народовъ. На Французскомъ языкѣ написано весьма много доспойныхъ сочиненій; какъ языкъ общій для Европейца, онъ сдѣлался необходимымъ для врача. Познаніе другихъ языковъ, какъ-то: Греческаго, Англійскаго, Испаліанскаго и другихъ, весьма полезно, но менѣе нужно. Рипорика должна бытъ неоплучная спущница языковъ, безъ коей всякій разговоръ будетъ пустою наборъ словъ, и кому больше нужно излагать свои мысли въ почномъ порядкѣ, какъ не врачу?

Съ языками наравнѣ стоятъ другія познанія, какъ-то Исторія, Географія, Спатиспика, которія хопя и не находятся въ непосредственной связи съ Медициной, но не менѣе того, доставляютъ врачу многіе полезныя матеріялы. Географія знакомитъ насъ со всею поверхностію планеты нашей, со всѣми ея произведеніями, изъ коихъ многія со всѣхъ странъ свѣша входятъ въ составъ лекарствъ. Изъ Географіи мы узнаемъ, что всякое мѣсто имѣетъ свойственныя ему живописныя и распенія: многія изъ нихъ, перенесенныя изъ мѣста рожденія своего, въ другія, имъ несвойственныя, неспособны къ продолженію жизни; но люди, напротивъ, разстѣлись по всему шару. Палліція пустыни Эіопіи, и снѣжныя поля Эскимосовъ, надоблачныя страны Квишо и шуманныя

долины Тироля имѣютъ своихъ обитателей. Ничто не спрашишь человека: здѣсь онъ селится на остывшихъ потокахъ лавы; тамъ живетъ въ пловучихъ домахъ; здѣсь гнѣздится на деревьяхъ, чтобы избѣжать наводненія; тамъ зарывается въ землю, чтобы защититься отъ холода; и вездѣ, гдѣ человекъ ни находится, онъ овладѣваетъ землею и ея произведеніями, и припоровливается къ потребностямъ: живетъ пышно и роскошно въ населенныхъ городахъ Европы; питается скудно добычею охоты въ лѣсахъ Канады, произведеніями полей въ Калифорніи, рыбною ловлею въ мѣстахъ прибрежныхъ, и одною землею въ степяхъ Оренко. Здѣсь мы находимъ людей въ малочисленныхъ обществахъ, разстѣянныхъ по неизмѣримому пространству; тамъ тысячи стѣсняются одни подъ другими; здѣсь человекъ одинокъ, независимъ отъ своихъ собратій, преследуетъ предметъ своихъ желаній; тамъ миллионы связываются общими узами, для достиженія одной общей цѣли.

Внѣшнія мѣстныя обстоятельство, которія опредѣляютъ человека къ тому или другому образу жизни, имѣютъ большое вліяніе на его пѣлосложеніе, темпераментъ, душевныя способности и п. д., что все врачу необходимо нужно знать для успешнаго пользованія бользней.

Спатиспика, которая, предсавленное въ Географіи порознь, собираетъ подъ общія положенія, занимается взаимнымъ содержаніемъ членовъ народа, равно какъ и народовъ между собою, физическими и нравственными силами націй; ихъ

внутреннюю и внешнюю жизнь, что все для врача составляет великую важность, потому что изображая произведение народной жизни в таблицах, даешь ему общее обозрение того, какое имѣющъ влияние гражданскіе успавы, образъ жизни, занятія и п. д. на физическое благополучіе людей, и шѣмъ самымъ приводишь его въ соспояніе бытъ полезнымъ своимъ согражданамъ, гдѣ дѣло идетъ о внутреннемъ врачевномъ благоустройствѣ.

Исторія, которая, какъ говоритъ Шлецеръ, есть продолжающаяся Спастиспика, изображаетъ намъ челоука со стороны нравственной; изъ нея мы знаемъ, что внутреннія его пружины, приведенныя въ дѣйствіе внешними обстоятельствоми, обнаруживаясь многообразно, вездѣ и всегда были однѣ и шѣ же. Преслѣдуя дѣянія рода челоуческаго отъ начала міра до нашихъ временъ, мы находимъ во всѣхъ временахъ повтореніе одного и того же зрѣлища съ измѣненіями, соотвѣстными обстоятельствоми, но въ сущности своей неизмѣненнымъ; всегда челоукъ есть челоукъ: предаваясь спраспямъ, или обуздывая ихъ разсудкомъ, отъ бродящихъ въ лѣсахъ Пелазговъ до просвѣщенныхъ Грековъ вѣка Периклова, погруженный въ невѣжество Крешинъ, или находясь на высочайшей степеніи образованности Ньютона, Канпа и имъ подобныхъ,—во всѣхъ случаяхъ изображается челоукъ, или съ своими недоспашками, или въ своемъ совершенствѣ; вездѣ мы узнаемъ челоука, а познаніе его для врача необходимо: онъ имѣетъ дѣло съ людьми всѣхъ сословій,

различнаго воспитанія, различнаго образа мыслей.

Познанія сего рода дѣлаютъ насъ снисходительнѣе къ слабостямъ и недоспашкамъ челоуческой природы; и отъ кого больше должно претбовать снисхожденія, какъ не отъ врача?

Всеобщая Исторія въ связи съ Исторіею Врачебной Науки: она показываетъ врачу, какое имѣло влияние на Медицину государственные перевороты, просвѣщеніе, измѣненіе нравовъ и общее мнѣніе; какъ она жершвовала всегда духу времени; какъ она изъ грубаго начала, по возвышаясь, по упавая, по чрезъ многія столѣтія погруженная въ глубокомъ снѣ, опяшь пробудилась, по къ благополучію, по къ гибели челоучества, смотря по тому, какъ врачи слѣдовали указаніямъ природы, или увлекались мечтами выспренной Философіи; онъ узнаетъ, какъ наука, въ борьбѣ истины съ призракомъ, свѣта съ мракомъ, все болѣе и болѣе развиваясь, вошла на степенъ совершенства настоящаго времени. Онъ узнаетъ скалы, о которыхъ разбивались, какъ его предшественники, шакъ и современники, и плавая по шуманному морю теорій и системъ, онъ, какъ осмопрительный кормчій, руководствуясь компасомъ наблюденія природы, вѣрнѣе приве етъ ввѣрившихся ему больныхъ въ пристань исцѣленія. Безъ общихъ свѣдѣній Исторіи и Географіи, періоды Исторіи Врачебной Науки будутъ для него отрывками, не имѣющими между собой ни какой связи, и никогда не могутъ доставлять ему ясныхъ понятій.

Ариѣмешика и Геометрія необходимо нужны

врачу: многія явленія жизни, какъ то: зрѣніе, слухъ, движеніе мышцъ, кровь и проч. безъ содѣйствія сихъ наукъ не могутъ бытъ объяснены. Ничто не пріучаетъ ума къ такой спрогости и точности въ опысканіи истины, какъ Математика, которая вездѣ пребуетъ доказательствъ и чуждается всѣхъ предположеній. Кто же сдѣлаетъ больше зла, основывая свои заключенія на однихъ умственныхъ предположеніяхъ, какъ не врачъ?

Логика, содержащая въ себѣ правила, по которымъ дѣйствуетъ разумъ при составленіи понятій, врачу, занимающемуся предметами, иногда такими, коихъ начала въ всякой опытности, постигаемыя только умствованіями, необходимо нужна. Врачъ, не знающій сихъ правилъ, не только всегда будетъ находиться въ опасности ошибиться въ своихъ сужденіяхъ, но не будетъ въ состояніи распознать своей ошибки, ниже погрѣшностей другихъ, происшедшихъ отъ неправильно выведенныхъ заключеній.

Врачу также нужно имѣть попеченіе о своемъ эстетическомъ образованіи: Изящныя Науки и Художества облагораживаютъ чувства наши и дѣлаютъ насъ способнѣе къ воспріятію впечатлѣній прекраснаго и высокаго.

Врачъ долженъ бытъ живописецъ, чѣмбы умѣлъ съ точностію оплечать правильное въ краскахъ и фигурахъ отъ неправильнаго, сличать срисованное съ оригиналомъ, и по рисунку составить себѣ правильное представленіе о подлинникѣ. Онъ долженъ бытъ поэтомъ, не сочиняя стихи

хоть: Поэзія оживляетъ воображеніе, развеселяетъ чувства, успокоиваетъ спрашными волнуемую грудь; она, какъ угодливая спутница съ сей жизни, смѣется съ веселыми, и плачетъ съ печальными. Врачъ долженъ бытъ не чуждъ и музыкѣ: гармонія есть тема его дѣяній, болѣзни диссонансы жизни, хорошее и чистое рѣшеніе оныхъ есть задача врача.

Не нужно, чѣмбы врачъ практически занимался всѣми этими науками: это слишкомъ бы много опняло у него времени отъ существенныхъ занятій; но что познаніе ихъ необходимо врачу, это уже чувствовали и древніе, приписывая изобрѣшеніе Медицины Аполлону, предводителю музъ. Врачъ, безъ эстетическаго образованія, особенно въ наше время, гдѣ всякій спарается образоваться, всегда будетъ играть весьма жалкую роль въ обществѣ, и не безъ причины. Сія наука еще имѣетъ ну пользу, чѣмбы образуя хорошій вкусъ, заставляють насъ обуздывать спраши, и не позволяють имъ обнаруживаться; и кому приличнѣе бытъ уступчивымъ и умѣть управлять собою, какъ не врачу? Съ кѣмъ чаще, какъ не съ врачомъ вспрѣчаются люди съ разстроенными нервами, которые иначе чувствуютъ и иначе дѣйствуютъ, нежели какъ бы они дѣйствовали въ здоровомъ состояніи, и которые нерѣдко бываютъ несправедливыми противъ него?

Эстетическое образованіе представляетъ намъ и другую, еще высшую сторону: утончая чувства наши, оно ведетъ насъ на вспрѣчу добродѣтели; эстетически образованный человекъ спыдится

всякаго низкаго дѣла, и прежде нежели разсудокъ повелишь, чувствва уже рѣшають; слезы обезоруживають дышащаго мщеніемъ, котораго не могли примирить и пошоки крови; мечъ ненависти щадить обезоруженнаго соперника; сильный спыдился оскорбитъ слабаго, и такъ эстетически образованный чловѣкъ исполняетъ требованія нравственности, прежде нежели повелишь эпо разсудокъ.

Разсматривая образованіе рода чловѣческаго въ цѣлости своей, какъ оно намъ изображается въ отдѣльныхъ народахъ, мы найдемъ, что вездѣ эстетическое образованіе предшествовало образованію философическому: оно какъ бы цвѣшокъ, въ которомъ начала разсудка въ чашечкѣ своей созрѣвають, и созрѣвши, изъ нихъ произрастаетъ благополучіе чловѣчества въ непомраченной лѣпотѣ и величіи. На этомъ пути образованный чловѣкъ шѣмъ легче повинуется разсудку, чѣмъ чувствва его болѣе приготовлены: чѣмъ менѣе прошивоборствуетъ суровая чувственность, шѣмъ сильнѣе власнѣ нравственности. Опъ кого же общество въ правѣ требовать чиснѣйшей и высшей нравственности, какъ не опъ врача, которому оно вѣрять дражайшее въ сей жизни, самую жизнь?

Крпчайшимъ и вѣрнѣйшимъ путемъ ведетъ къ сей чиспшѣ нравственности религія: она показываетъ врачу опвѣтственности, коей онъ подвергается предъ судомъ Всевѣдущаго, внушаетъ ему шѣ добродѣтели, которыя его подкрѣпляютъ въ шрудномъ исполненіи обязанности, и показы-

ваетъ ему награду, ожидающую его, если завѣса его жизни опустилась, и онъ, исполнивъ свой долгъ, сойдесть со сцены земной жизни.

Изъ какого бы другаго источника могъ врачъ почерпнуть сосраданіе, потребное для шого, чтобы съ равнымъ усердіемъ спѣшить на помощь ко всякому безъ исключенія! Гдѣ найти шерпнѣ при пользованіи продолжительныхъ болѣзней, и снисхожденіе при несправедливыхъ требованіяхъ больнаго? Что можешь ему дать нужныя силы, чтобы великодушно переносить оскорбленіе людей, которые безразсудно помрачаютъ его честь, когда неупомимыя его спаранія не были увѣнчаны желаемымъ успѣхомъ? Что ему вселишь шо самоопроверженіе, коимъ онъ жертвуетъ собственною жизнію, чтобы спасти жизнь своихъ ближнихъ? Одна религія доставляетъ ему всѣ нужныя добродѣтели. Врачъ, который пренебрегъ питать религіозныя чувствва въ груди своей, никогда не будетъ достойнымъ врачомъ, на какой бы степени учености онъ ниспоялъ.

Показавъ необходимость для врача усовершенствоваться въ предъуголовительныхъ наукахъ и связь оныхъ съ Медициною, я считаю излишнимъ распространиться о собственно медицинскихъ и вспомогательныхъ имъ наукахъ; онѣ всѣ составляютъ академическій курсъ Врачебной Науки, и въ университетсахъ предаются во всей обширности.

Въ заключеніе, обращаюсь къ вамъ, юноши, начавшіе иппи шероховатымъ путемъ врачебной

практики: тамъ вы многое найдете иначе, нежели какъ ожидали. Вашъ тонный духъ показываетъ вамъ все сквозь розовое покрывало; но скоро спадетъ повязка очарованія, и не одинъ камень, преграждая вамъ путь, оспановитъ васъ. Поэтому я не считаю излишнимъ напустить васъ добрымъ со-вѣтомъ: въ свѣтъ вы часно будете имѣть слу-чай имъ руководствоваться.

Слишкомъ бы далеко завело меня вычисленіе всѣхъ добродѣтелей, кои облагороживаютъ врача; онѣ должны быть принадлежностію всякаго благо-правнаго человека: ихъ необходимость не пре-буешь ни какихъ доказательствъ. Обратимся только къ тѣмъ, копорыя заслуживаютъ въ осо-бенности ваше вниманіе. Начнемъ съ молчаливо-сти: она есть необходимое качество врача. Моло-дые люди нерѣдко думаютъ придать себѣ важно-сти, рассказывая никому неизвѣстное, никѣмъ неожиданное и то, что имъ вѣтрилъ больной, считая себя обязаннымъ открыть врачу, что-бы не ввести его въ заблужденіе: иной изливаетъ свою сердечную грусть врачу, считая его дру-гомъ, принимающимъ участіе, или желая показать ему, что физическая болѣзнь имѣетъ свой источ-никъ въ душевныхъ спрэданіяхъ. Если въ сихъ и подобныхъ случаяхъ врачъ не можетъ обуздать языка своего, то шайна можетъ скоро сдѣлаться собственностію многихъ ко вреду инпересованныхъ лицъ; легкомысліе врача можетъ быть причиною многихъ оскорбленій, и нерѣдко влечетъ за собою раскаяніе. Будете осмощрительнѣе въ своихъ раз-говорахъ; разъ произнесенное слово, какъ и все,

что не заключено въ предѣлахъ пространства, яв-ляется только во времени, неисребляемо. Толь-ко для правительства вы не должны имѣть шай-ны; но для всѣхъ должно быть шайною, что вамъ какъ шаковая вручается. Излишнимъ считаю упомянуть, что уваженіе къ себѣ никогда не дол-жно вамъ позволить сдѣлаться собесѣдникомъ ин-пригъ, какого бы рода онѣ ни были.

Къ отличнѣйшимъ добродѣтелямъ врача при-надлежитъ безкорыстіе: кто только гоняется за блескомъ золота, тотъ помрачаетъ благороднѣй-шую сторону своего назначенія, и часно будетъ имѣть огорченіе встрѣчать неблагодарныхъ: не всякій имѣетъ ту степень образованія, или столь-ко врожденнаго благородства, чтобы быть благо-дарнымъ изъ внушрренняго убѣжденія, и тогда ко-гда никто не знаетъ его благодарности; и прошивъ кого легче быть неблагодарнымъ, какъ не прошивъ врача? Всякій можетъ цѣнить свою работу по произволу, и требовать за нее слѣдующаго; благо-мыслящій врачъ, напрошивъ, считаетъ низкимъ цѣ-нить свои труды. И что бы могло ему служить мѣрою? Время, или удача? Удача часно зависитъ отъ обстоятельствъ, коими врачъ не можетъ управлять; неудача часно есть слѣдствіе непо-слушности больнаго или окружающихъ его. вре-мя, употребленное на визиты, иногда незначи-тельно; никто, кромѣ его самого, не знаетъ за-бошъ, угнетающихъ его, когда безпомощное се-мейство пребуетъ отъ него спасенія умираю-щаго отца, или малолѣтныя сироты приво-дятъ его къ смертному одру ихъ матери; ко-

гда безупышный супругъ показываетъ ему свое уводящее счастье, или опчаянная мать призываетъ его къ колыбели охладѣвающаго младенца, единственнаго предмета всѣхъ ея заботъ, благъ, скорбей и радости; когда всѣ они въ немъ ищутъ послѣдней опоры. Что въ такія минуты происходитъ въ немъ, или когда онъ въ тишинѣ полуночи, съ собою и съ своими безмолвными друзьями совѣшусься, какъ имъ помочь? Этого золотомъ заплашить невозможно!

Да общее, ко всѣмъ живое человеколюбіе наполняетъ сердца ваши, и сдѣлаетъ васъ чувствительными къ спраданіямъ ближнимъ. Богатый и знатный, какъ бѣдный и низкій, имѣютъ равныя права на вашу помощь. Вамъ часто представится случай удовлетворить лучшимъ побужденіямъ благороднаго сердца, помогая ближнему; вы раздѣляете сію завидную участь съ благодѣтельнымъ другомъ человечества, одареннымъ благами земными, предъ которыми вы имѣете по преимуществу, что онъ раздѣляетъ свой избытокъ, когда вы помогаете личнымъ содѣйствіемъ. Слѣдуйте сему зву сердца вашего, и слезы благодарности въ хижинѣ убогаго васъ щедрѣ награждать, чѣмъ золото, полученное въ черпогахъ вельможъ.

Не могу не предостеречь васъ отъ нескромности: самонадѣянность, сей блудящій огонь юношества, легко увлекаетъ молодаго врача. Послѣ первыхъ удачъ, онъ получаетъ высокое мнѣніе о своемъ искусствѣ, и съ высокою своей мечтою смотритъ онъ съ пожатіями плечъ на ошибки посѣдѣвшихъ своихъ товарищей. Не забудьте, что вы

имѣете дѣло съ природою, одѣтою вѣчными тайнами, что никто не можетъ менѣе врача съ почностію поручиться за исходъ: одно дыханіе легкаго въперка разрушаетъ иногда все зданіе прекраснѣйшихъ надеждъ; какъ, напрошивъ, когда всѣ виды получающа, и мы въ бездѣйствіи ожидаемъ конца, уже темная природа еще находитъ средства преодолѣть угрожающее разрушеніе.

Избѣгайте чести шарлапановъ, быть самохвальнымъ распроспранителемъ своей славы. Истинная честь состоитъ не въ рукоплесканіи черни, но въ сохраненіи уваженія къ себѣ, которое намъ не позволяетъ дѣлать того, что могло бы насъ унижить. Никто не подвергается такъ часто холодному сужденію, какъ врачъ, о познаніяхъ коего никто не можетъ съ почностію судить, какъ только его товарищи, которые не всегда довольно беспристрастны, чтобы быть справедливыми противъ него; но, къ утѣшенію, вамъ могу сказать, что истинное достоинство всегда наконецъ возьметъ верхъ, и тѣмъ прочнѣе будетъ довѣріе къ вамъ, чѣмъ больше имѣли времени васъ узнать.

Что истинное достоинство не можетъ быть пріобрѣтено безъ трудовъ и продолжительнаго занятія, всякому ясно: кто довольствуется тѣмъ, что онъ пріобрѣталъ въ университетѣ, и не старается итти впередъ и усовершенствованіи свои познанія, тотъ не останавливается, а съ каждымъ днемъ идетъ назадъ, и никогда не будетъ достойнымъ врачомъ.

Спремись достигать вершины науки; какъ достойные члены государства, сдѣлайте честь

заведенію, васъ образовавшему и заслуживше пѣ
Монаршія милости, кошорыя изливались на васъ
во время ученія вашего безъ всякихъ заслугъ съ
вашей спороны.

Да врьжешъ благодарность глубоко въ серд-
ца ваши чершы Благодѣтеля вашего, Коего сча-
стіе неразлучно съ счастіемъ подданныхъ Его,
Коего дѣянія дышашъ такимъ всеобщимъ человѣко-
любіемъ, что бышъ исполнителемъ Его воли еспъ
бышъ участникомъ въ созиданіи благополучія все-
го рода человѣческаго. Вамъ предоспаляютъ сей
жребій; покажишъ себя достойными онаго: погда
дѣянія ваши защищашъ васъ опъ преслѣдованія
недоброжелателей въ полдень жизни вашей; убѣж-
деніе въ исполненіи долго насладитъ вашъ вечеръ,
и благословеніе признашельности будешъ вамъ со-
путствовашъ за предѣлы гроба.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ПРЕЛОЖЕНІЕ ПСАЛМА.

Благослови, душе моя, Господа.

Благослови Царя вселенной,
Душа моя! Хвала ему!..
О дивенъ Ты, неизрѣченный,
Созданья брэннаго уму!..
Какъ ризой, Ты облекся свѣтомъ
И въ безграничной пустотѣ
Ты міръ свой царственнымъ наметомъ
Раскинулъ въ дивной красотѣ!..
Надъ нимъ слились въ покровъ кристалльный
Небесны воды въ высотахъ!..

Одѣянъ ризой свѣтозарной
Ты шествуешь на облакахъ,
На крыльяхъ вѣтровъ, о Зиждатель!
Духъ бури грозной—ангель Твой!
Посоль Твой—пламень всегубитель
Одѣтый тучей роковой!
Изъ ничего, Творецъ, Тобою
Земли громада создана, —
И безъ подпоръ, сама собою
Стоитъ на воздухъ она!
Ея не тронетъ основанья
Вкковъ стремительный напоръ.
Ей риза бездны одѣянье, —
И воды спятъ на высахъ горъ!..
Ты рекъ... и внизъ онъ помчался,
Ревутъ и падаютъ горой,

И величаво разостлались
 Въ мѣстахъ, указанныхъ Тобой!..
 Онѣ бѣгутъ, и горъ вершины
 Встаютъ и смотрятъ въ небеса.
 Въ тѣни раскинулись долины,
 Полей разлилася краса.

Валы вздымаются горами,
 Валы кипятъ, валы ревутъ:
 Но не прейдутъ завѣтной грани
 И снова міра не зальютъ!

Путемъ извивистымъ въ долинахъ
 Провелъ Ты рѣки и ручьи;
 Въ ущельяхъ горныхъ и пустыняхъ
 Шумятъ студеныя ключи.
 И звѣри въ зной толпою жадной
 Бѣгутъ къ прохладному ручью;
 Онагръ и жадно и отрадно
 Глотаеъ светлую струю.

Ты облака по небу водишь,
 Вершины горныя поишь,
 И шумный дождь въ долины сводишь,—
 Росой, туманомъ ихъ живишь!
 Травы въ долинахъ зеленѣютъ;
 То снѣдь блуждающимъ стадамъ; —
 Для насъ плоды роскошно зрѣютъ
 И спѣеъ зелень по полямъ.
 Даютъ намъ грозды сокъ отрадной:
 Онѣ душу, сердце веселить,
 И хлѣбъ, даръ нивы благодатный,
 Насъ оживляетъ и крѣпитъ! —

Ты насадилъ древа; Тобою
 Ливанскій пышный кедръ растетъ,
 Качаетъ гордо головою
 И влагу жизненную пьетъ.

Въ тѣни вѣтвей отъ бурь, мятели
 Покойный кровъ Ты птицамъ далъ,
 И на верху кудрявой ели
 Приютъ свой аистъ основалъ.
 По высямъ горнымъ, по утесамъ
 Ты серну прядать научилъ:
 Къ тѣни подъ каменнымъ навѣсомъ
 Въ ущелья зайца приютилъ.

Ты мѣсяцъ на небѣ поставилъ
 Чтобъ людямъ время измѣрять;
 Теченье солнцу предуставилъ,
 И солнце знаетъ свой закатъ.
 Вотъ ночь... подъ темной пеленою
 Долины мирно почіуютъ!...
 А по дубравѣ той порою
 Шумить... хруститъ... въ глуши встаютъ, —
 И съ шумомъ воемъ рыщутъ звѣри, —
 Добычи ищутъ межъ деревъ;
 Изъ темной каменной пещеры
 Выходитъ левъ, гроза льсовъ;
 Трясетъ косматой гривой съ гнѣвомъ, —
 Онѣ изнуренъ, онѣ истощенъ
 И у Тебя могучимъ ревомъ,
 Творецъ, добычи проситъ онѣ...

Заря горитъ, и солнце всходитъ...
 Съ добычей, шумною толпой,
 Какъ ночи призраки уходятъ,
 Въ берлоги звѣри на покой;
 Въ долинахъ звуки и движеніе...
 Пѣвцы пернатые поютъ,
 И человекъ, краса творенья,
 Выходитъ весело на трудъ
 Неисповѣдимый, Всесильный!..
 Твоимъ созданьямъ нѣтъ числа!..
 И все такъ мудро... все такъ дивно...

Полна чудесъ Твоихъ земля...

Вотъ плещетъ море; слилось море

Вдали съ небесной синевою;

Съ унылымъ воемъ на просторъ

Валь ходить бѣлою грядою.

Кто лоно обойметъ морское?

А сколько въ немъ, въ волнахъ густыхъ

Сокрыто, Боже мой, Тобою

Твореній малыхъ, чудъ морскихъ!

Шумять и скачутъ бѣлы волны;

Корабль несется по волнамъ,

Раскинувъ смѣло парусъ полный,

Къ далекимъ чуждымъ берегамъ!

А тамъ, какъ островъ выплываетъ,

На лоно водъ, царь моря—китъ;

Смѣясь, надъ бездною играетъ,—

И море воетъ и кипитъ...

И все, что живо подъ луною,

Творецъ, взираетъ на Тебя,

И ждетъ съ надеждою святою

Отградской пищи для себя!

Даруешь, твари принимаютъ;

Отверзешь длань, и соберутъ!

Твои щедроты всѣхъ питаютъ

И всѣ играютъ и поютъ!

Но зорь отклонишь, цѣпенѣютъ,

Въ смятенъ, въ ужасъ дрожатъ;

Отнимешь духъ свой, и хладѣютъ

И въ персть свою идутъ опять!

Пошлешь Свой духъ, и вышли снова

Они изъ тмы небытїа!

Земля играетъ жизнью новой

И плещутъ радостно моря!...

Греми, хвала, Творцу вселенной,

И на земли, и въ небесахъ!

О, веселись, неизреченной,

О дивныхъ творческихъ дѣлахъ!...

Дохнешь на море, встало море!

Возришь на землю, и дрожить;

Коснешься горъ, дымятся горы

И пламя вьется и шумитъ!...

Я Твой, я Твой... Владыко міра!...

Тебя всю жизнь я буду пѣть!...

Тебѣ мой голосъ, эта лира....

Доколь Твой я вижу свѣтъ....

И пѣснь моя, — какъ дымъ священной,

Да взыдетъ въ Твой чертогъ святой!...

Благослови Царя вселенной

Душа моя... молись... и пой!...

М. Г.

24 Ноября 1836 г.

С. Петербургъ.

ПОЛИТИКА.

ОБОЗРѢНІЕ НОВѢЙШИХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ.

РОССІЯ.

Высочайшею Грамотою, 5-го Ноября, Всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ ордена Св. Станислава 2-й степени, Старшій Докторъ Рижскаго Военнаго Госпиталѣ, Дѣйствительный Статскій Советникъ Чорба.

— Высочайшимъ Приказомъ, 19-го Ноября, состоящій по Арміи Генераль-Маіоръ Годейнъ 2-й, уволенъ отъ службы, за болѣзнію, съ мундиромъ и пенсіономъ двухъ третей оклада, опредѣленнаго Уставомъ 6-го Декабря 1827 года. (*Русск. Инв.*)

— Служащему въ Московскомъ Почтамтѣ Экспедиторомъ, Статскому Советнику Ивану Ключареву, Всемилостивѣйше повелѣно быть Помощникомъ Московскаго Почтъ-Директора.

— Советникомъ Главнаго Управленія Западной Сибири отъ Министерства Финансовъ, на открывшейся вакансіи, Всемилостивѣйше повелѣно быть чиновнику для особыхъ порученій Министерства Финансовъ, Статскому Советнику Пестову.

— Находящемуся во Временномъ, при Курскомъ Губернскомъ Правленіи, Отдѣленіи Предсѣдателемъ, Коллежскому Советнику Дейнеке, Высочайше повелѣно быть Предсѣдателемъ Тобольскаго Губернскаго Правленія.

— Советнику Московской Дворцовой Конторы, въ званіи Каммергера, Статскому Советнику Василью Олсуфьеву, Всемилостивѣйше повелѣно быть Церемоніймейстеромъ Высочайшаго Двора, съ оставленіемъ его при настоящей должности.

— Государственный Советъ, въ Департаментѣ Зако-

новъ и въ Общемъ Собраніи, рассмотрѣвъ возникшій, по производившемуся въ Общемъ Собраніи Московскихъ Департаментовъ Правительствующаго Сената частному дѣлу, вопросъ: какъ считать срокъ для начатія суда по формѣ въ томъ случаѣ, когда право начать сей судъ производится по дѣлу, апелляціоннымъ порядкомъ производившемуся: въ предупрежденіе могущихъ возникнуть впредь сомнѣній, положилъ: къ 2350 статьѣ Свода Законовъ Гражданскихъ присовокупить слѣдующее примѣчаніе: въ порядкѣ апелляціонномъ, днемъ объявленія рѣшенія о искѣ судомъ по формѣ считается послѣдній день предъ истеченіемъ апелляціоннаго срока. На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано такъ: »Быть по сему.« Въ Царскомъ Селѣ, 17-го Сентября 1836 года.

ГЕРМАНІЯ.

Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Павловичъ прибылъ въ Веймаръ 19-го Ноября, вмѣстѣ съ Великимъ Герцогомъ и Великою Герцогинею Веймарскими.

ФРАНЦІЯ.

Въ Монитерѣ, 16-го Ноября, напечатано Королевское постановленіе, коимъ законодательныя Палаты созываются къ 27-му числу будущаго Декабря.

— Въ Монитерѣ, 23-го Ноября, напечатана слѣдующая статья, относительно заключенныхъ въ Гамской крѣпости Министровъ Карла X: »Гг. Полиньякъ и Герновъ де Ранвиль, коихъ здоровье весьма разстроено, обратились къ Королю съ просьбою быть переведенными въ больницу; въ слѣдствіе сего, Е. В. рѣшилъ, чтобъ приговоръ, произнесенный надъ Г-мъ Полиньякомъ, Судомъ Перровъ, 20-го Декабря 1830 г., былъ замѣненъ двадцатилѣтнимъ изгнаніемъ изъ предѣловъ Франціи. Г-ну Рац-

вилю дозволяется проживать въ своемъ помѣстьѣ Ранвиль, въ Кальвадосскомъ Департаментѣ, подь честнымъ словомъ не выѣзжать оттуда.»

— Въ Messenger утверждаютъ, что Королевская Фамилія, по случаю кончины Карла X, надѣла трауръ на шесть мѣсяцевъ. Въ другомъ Парижскомъ журналѣ сказано, что Королевская Фамилія будетъ носить трауръ, но о томъ не объявятъ всенародно. Это будетъ трауръ фамильный.

— Всѣ журналы наполнены біографическими извѣстіями и разсужденіями о Карлѣ X. Легитимистскіе журналы, весьма естественно, говорятъ о покойномъ Монархѣ съ величайшимъ почтеніемъ; въ большей части прочихъ журналовъ говорятъ о немъ также въ благородныхъ и приличныхъ выраженіяхъ. Если и порицаютъ его политику, то, съ другой стороны, отдають справедливость его личному характеру, и даже въ Journal du Commerce заключаютъ его біографическій очеркъ слѣдующими словами: »Карлъ X обладалъ качествами истинно царскими: снисходительностью, привѣтливостью, благородствомъ и умомъ. Въ последнее время его правленія показывалъ онъ часто, что желаетъ видѣть Францію великою и уважаемою. Когда, по завоеваніи Алжира, Англія потребовала у Франціи, въ высококомѣрной нотѣ, объясненій на счетъ дальнѣйшихъ намѣреній Короля, онъ написалъ на полѣ депеши: »Франція взяла Алжиръ, потому что того требовало ея достоинство. На счетъ того, должно ли будетъ отдать Алжиръ, или оставить за собою, буду я смотрѣть единственно на выгоды моего государства.«

— Карлъ X первый изъ Королей Капетинскаго Дома прожилъ до 80-го года. Со времени Гугона Капета (987) до Карла X, не выключая Наполеона, на престолѣ Франціи было 36 Государей. Правленіе каждаго изъ нихъ продолжалось, среднимъ числомъ, 23 года пять мѣсяцевъ. Юаннь I жилъ нѣсколько дней; Францискъ II скончался,

не достигнувъ двадцатилѣтняго возраста; Лудовикъ X, Карлъ VIII и Карлъ IX скончались, не имѣя тридцати лѣтъ: Филиппъ V, Карлъ IV, Генрихъ III и Лудовикъ XVI, не достигнувъ сорока лѣтъ. Долѣе сорока лѣтъ жили Лудовикъ VIII, Филиппъ III и IV, Юаннь II, Карлъ V, Генрихъ II и Лудовикъ XIII. Пережили пятьдесятъ лѣтъ: Гугонъ Капетъ, Генрихъ I, Филиппъ Августъ, Лудовикъ IX, Лудовикъ XI, Филиппъ VI, Карлъ IV и VII, Лудовикъ XII, Францискъ I и Наполеонъ. За шестьдесятъ лѣтъ прожили; Робертъ, Филиппъ I, Лудовикъ Толстый, Лудовикъ VII, Лудовикъ II, Генрихъ IV и Лудовикъ XV. Лудовикъ XIV достигъ 77-го года, а Лудовикъ XVIII — 71-го.

— Въ Journal des Débats напечатано письмо изъ Диня (Департамента Нижне-Альпійскаго): въ немъ сказано, что четыре иностранца, въ числѣ которыхъ, какъ говорятъ, находится Донъ Мигуэль, взяты подь стражу въ Антрво таможенною стражею, и отведены въ Динь, подь сильнымъ конвоемъ. Они выдавали себя за Испанцевъ, и путешествовали верхомъ. Ихъ чемоданы очень тяжелы, и они повсюду платятъ золотомъ, и притомъ очень щедро. Въ Eclaircur de la Méditerranée подтверждаютъ это извѣстіе. Иностранцы отвезены въ Каstellманъ. Трактирщикъ, помогавшій имъ переправиться черезъ Варъ, получилъ отъ нихъ 400 франковъ.

— На габарртъ, прибывшей изъ Арзева и Орана, привезено извѣстіе объ отступленіи Абдель-Кадера, и о разсѣяннн его небольшого отряда. У эмира находилось въ лагерь, между Маскарою и Таггаденомъ, только нѣсколько сотъ конниковъ. Онъ показываетъ своимъ сообщникамъ собственноручныя письма Султана, и носитъ почетный кафтанъ, который будто бы присланъ ему отъ Султана. Въ Оранѣ были получены благопріятныя извѣстія изъ Тремесена: Аравитяне различныхъ племенъ явились въ городъ для заключеній дружелюбныхъ сно-

шеній съ Французами, и чтобъ условиться на счетъ поставки рогатаго скота.

— Изъ Тура пишутъ, отъ 17-го Ноября, что Испанскому Генералу Маротто удалось бѣжать еще разъ, не смотря на строгій полицейскій присмотръ.

— Адмиралъ Руссенъ прибылъ въ Парижъ 20-го Ноября.

— Въ Англійскихъ журналахъ извѣщаютъ о появленіи въ Лондонѣ новаго Лудовика XVII. Этотъ претендентъ рассказываетъ, подобно всемъ своимъ предшественникамъ, весьма трогательную исторію, которую повторяютъ въ нѣкоторыхъ обществахъ, извѣстныхъ своею легковѣрностію, и есть люди, которые этой выдумкѣ вѣрятъ. По его словамъ, его спасли отъ враговъ въ гробу; онъ нашелъ убжище у сапожника, который его выучилъ своему ремеслу. Онъ утверждаетъ, что имѣетъ знаки, по которымъ непременно узнаютъ его родственники. Особы, видѣвшія его, утверждаютъ, что онъ чрезвычайно похожъ на портреты Лудовика XVI. Впрочемъ, онъ, не скрываясь, разглашаетъ намѣреніе объявить свои права на тронъ Франціи!

— Въ Монитерѣ напечатано, по письму изъ Лоріана, отъ 17-го числа, что корабль Андромеда, на которомъ находился Принцъ Лудовикъ Бонапарте, при отправленіи почты, готовился выйти въ море. Напротивъ того, въ другихъ Парижскихъ газетахъ утверждаютъ, что Андромеда, въ ту минуту, какъ уже снималась съ якоря, получила предписаніе остановиться на нѣсколько времени. Полагаютъ, что Правительство желаетъ получить отъ Принца еще нѣкоторыя показанія.

— Почти все члены фамилии Бонапарте собираются выѣхать изъ Европы, и отправиться въ Соединенные Штаты: они предпринимаютъ это переселеніе по совѣтамъ почти всѣхъ ихъ старыхъ друзей во Франціи. Последнія происшествія дали имъ почувствовать, что ихъ спокой-

ствіе зависитъ отъ принятія твердаго намѣренія, которое бы освободило ихъ отъ надзора бдительной полиціи, и нынѣ все они приготовляются къ отъезду. Они сдѣлали распоряженіе касательно продажи имѣній, которыми владеютъ въ Италіи, и предоставятъ повѣреннымъ лицамъ окончаніе всѣхъ денежныхъ дѣлъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ Европѣ будетъ находиться не болѣе одной или двухъ дамъ, принадлежащихъ къ фамилии Бонапарте, онѣ не утѣшаются, по причинѣ разстроеннаго здоровья, не дозволяющаго имъ подвергаться трудностямъ продолжительнаго путешествія по морю.

АНГЛІЯ.

Е. В. Король намѣревается созвать на первыхъ дняхъ будущей недѣли, въ Брейтонѣ, собраніе Тайнаго Совѣта, для дальнѣйшей отсрочки засѣданій Парламента.

— Герцогъ Монфортскій прибылъ въ Лондонъ, чтобы проститься съ своимъ братомъ, Графомъ Сюрвилле, отправляющимся въ Соединенные Штаты.

— Довнынъ Парламентъ уже извѣщенъ о поступленіи ста пяти просьбъ объ учрежденіи новыхъ желѣзныхъ дорогъ.

— Изъ Калькутты пишутъ, отъ 25-го Іюня: Коммссія, посланная Правительствомъ въ новооткрытые Ассамскіе округи, въ которыхъ произрастаетъ чай, нынѣ возвратилась. Донесеніе ея еще не обнародовано; однако же извѣстно, что оно вырастаетъ до 20 футовъ вышиною, и стволъ его имѣетъ отъ четырехъ до пяти дюймовъ въ діаметръ, — ниденъ комиссією растущимъ въ дикомъ видѣ, на неизмѣримомъ пространствѣ, на четырехъ различныхъ почвахъ, и нѣтъ сомнѣнія, что воздѣлываніе чайнаго дерева можно будетъ распространить по всему скату Ассамскихъ Горъ. Изъ растенія, въ его нынѣшнемъ дикомъ положеніи, можно добывать чай, называемый Су-

хонгъ, въ родъ того, который предпочтительно вывозятъ въ Англію; приготовленіе чая къ вывозу могло бы начаться уже нынѣ, если бъ было достаточное число работниковъ, опытныхъ въ семь дѣлъ. Нѣсколько работниковъ привезены моремъ изъ провинціи Фокіенъ, но Правительство надѣется привлечь въ Индію значительную колонію Китайцевъ съ западной границы Имперіи. Единственное препятствіе, представляющееся ихъ переселенію, заключается въ страхѣ, внушаемомъ имъ полудикими племенами, Сингросовъ и Камитисовъ, обитающихъ на границѣ между Китаемъ и Ассамомъ. Но такъ какъ сіи племена данники Англичанъ, хотя владычество ихъ доннынѣ заключалось въ одномъ имени, то можно будетъ найти средство обезпечить переселеніе Китайскихъ эмигрантовъ, и отвести имъ земли. Главное управленіе ихъ будетъ находиться въ Суддін, крайнемъ Англійскомъ военномъ пунктѣ на востокъ; гарнизонъ его составляютъ три роты Ассамской пѣхоты и небольшой отрядъ артиллеріи. Вся провинція вообще населена очень мало, но заключаетъ въ себѣ средства къ пропитанію большаго числа жителей, и по Бурампутеру можетъ сбывать водою свои произведенія въ Калькутту. Жители сей провинціи уже нынѣ ведутъ значительную торговлю чаемъ съ Бирмою, но приготовляютъ его такимъ образомъ, что онъ не имѣетъ цѣны на Европейскихъ рынкахъ.

ИСПАНІЯ.

1-го Ноября прибыла изъ Плимута въ Кадиксъ Англійская эскадра, подъ начальствомъ Контръ-Адмирала Сира Джоржа Педжета; она состоитъ изъ линійнаго 74-хъ пушечнаго корабля Вангардъ, 56-ти пушечнаго фрегата Энконстантъ, и 10-ти пушечнаго брига Панталунъ.

— Въ припискѣ къ частному письму изъ Байонны, отъ 17-го Ноября, сказано: »Сію минуту узналъ я, что Кар-

листы открыли по Бильбао весьма сильный огонь; полагаютъ, что они сегодня непременно овладеютъ симъ городомъ.« — Во второй припискѣ, въ четверть осьмага часа вечеромъ, сказано: »Гарнизонъ предпринялъ, 15-го числа около полудня, отчаянную вылазку, почти совершенно разрушилъ батареи осаждающихъ, и лишилъ ихъ большаго числа людей. Говорятъ, что убито 800 Карлистовъ.«

— Въ другомъ частномъ письмѣ изъ Байонны, также отъ 17-го Ноября, сказано: »Сегодня извѣщаютъ въ Карлистской придворной газетѣ о взятіи 12-го числа укрѣпленія Бурсеньи. Тамъ найдено 150 чел. гарнизона, два металлическихъ орудія и 14,000 патроновъ. 13-го числа, Карлисты овладѣли укрѣпленіемъ Лучано, перекрывавшимъ мостъ въ Бильбао. Сей мостъ разрушили, и такъ Эгія можетъ дѣйствовать противъ Бильбао рѣшительнѣе прежняго. Въ нѣкоторыхъ письмахъ изъ Дуранго присовокупляютъ, что Эгія, не получая удовлетворенія за покушеніе, сдѣланное противъ его парламента, приказалъ снова открыть огонь. Нынѣ узнали офиціально о возвращеніи Дона Пабло Санса въ главную квартиру Виллареала. Въ Карлистскихъ донесеніяхъ сказано, что по возвращеніи изъ экспедиціи, у него оказалось пятью баталіонами болѣе, нежели сколько онъ имѣлъ въ началѣ похода.

— Въ Придворной Газетѣ напечатанъ слѣдующій королевскій декретъ: »Въ качествѣ Королевы-Правительницы, отрѣшаю я, именемъ моею Августѣйшей дочери, Королевы Изабеллы II, Генераль-Лейтенанта Маркиза Родила, отъ его должностей Военнаго Министра и Генерала королевской гвардейской пѣхоты. Данъ во дворецѣ, 15-го Ноября, 1836. Подписано: Я, Королева-Правительница.«

— Другимъ декретомъ, того же числа, Маркизь Родиль лишенъ всѣхъ правъ и полномочій, дарованныхъ ему декретомъ 16-го Сентября.

— Генераль Кирого отозванъ изъ Малаги, и на его мѣсто назначенъ Генераль-Капитанъ Гренады и Хаэна Генераль-Паларей.

— Партія неумѣренныхъ сдѣлала въ Мадритѣ, 14-го Ноября вечеромъ, покушеніе свергнуть Правительство, но полиція, знавшая объ этомъ намѣреніи, воспрепятствовала превиденію его въ исполненіе Заговорщики намѣревались отрѣшить всѣхъ министровъ и учредить диктатуру. Министры, послѣ совѣщанія отъ десяти часовъ утра до часу пополудни, отправились въ залу засѣданія Кортесовъ, и представили Депутатамъ слѣдующія необходимыя мѣры: 1) Министры могутъ быть въ то же время и Депутатами. 2) Правительство имѣетъ право изгнать изъ предѣловъ Королевства безпокойныхъ людей, не наблюдая судебного порядка, предписываемаго 308-ю статьею хартіи. 3) Должно издать законъ для прекращенія злоупотребленій свободы тисненія. Послѣ сихъ сообщеній, Министры объявили прямо, что Родиль не хочетъ исполнить предписаній Королевы.

ПОРТУГАЛІЯ.

Съ кораблемъ Иберія получены въ Лондонѣ извѣстія изъ Лиссабона до 10-го Ноября. Контръ-революціонная попытка въ этой столицѣ не имѣла успѣха, и Королева Дона Марія была принуждена принять условія, по коимъ представителямъ будутъ дарованы полномочія на произведеніе нѣкоторыхъ перемѣнъ въ хартіяхъ 1820 и 1826 годовъ, для соображенія сихъ образцовъ правленія съ постановленіями прочихъ монархическихъ Государствъ Европы. Въ первыя минуты, Королева обратилась къ Англійскому флотскому начальству съ просьбою о вспомоществованіи; оно немедленно дало въ томъ обѣщаніе, и высадило на берегъ въ Белемъ 300 флотскихъ солдатъ; однако же ихъ вскорѣ снова отослали на корабли. — Лишь только Королева, удалившаяся въ Белемъ, рѣши-

лась возвратиться въ Лиссабонъ, Герцоги Пальмелла и Терсейскій, Баронъ Рендуфъ и Гг. Сильва Карвальо, Агуиуръ и де Кастро искали убежища на Англійскихъ корабляхъ, стоящихъ въ Тагъ. Герцогъ Терсейскій рѣшился возвратиться въ Лиссабонъ лишь по увѣренію, данному министерствомъ что никому изъ замѣшанныхъ въ семь дѣлъ не должно ничего опасаться. — Сильва Карвальо прибылъ въ Фальмутъ на Иберію. Пальмеллы тамъ ожидаютъ въ скоромъ времени. Въ *Diario do Governo* напечатаны многіе королевскіе декреты; ими назначены Г. Са да Бандейра, Президентомъ Совѣта, Пасось, Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, и Кастро, Министромъ Юстиціи.

Въ Англійскомъ *Courier* напечатаны слѣдующія подробности о происшествіяхъ въ Лиссабонѣ: При отпращиваніи почты, столица наслаждалась спокойствіемъ, и, можно надѣяться, что Кортесамъ поручатъ приведеніе въ порядокъ дѣлъ Правительства. Носится слухъ, будто бы нынѣшніе Министры употребили все свои старанія, чтобъ удержать въ Португаліи Г-на Сильва Карвальо и прочихъ бывшихъ Министровъ, удалившихся въ Англію, потому что теперь требуется содѣйствіе ихъ всѣхъ, чтобъ воспротивиться партіи Дона Мигуэля, не уменьшающейся еще донинѣ. Маршалъ Сальданья, какъ говорятъ, находится въ Синтрь. Изъ всѣхъ лицъ, участвовавшихъ въ послѣднихъ происшествіяхъ, онъ одинъ отважился выждать послѣдствій.

— По Эльвасскому телеграфу получено извѣстіе, что Гомесъ, съ восемью тысячами человекъ, явился, 7-го Ноября, на берегахъ Тага; сіе извѣстіе внушило живѣйшія опасенія Правительству, которое приказало всѣмъ войскамъ Лиссабонскаго гарнизона, которыми можно располагать, (т. е. тремъ баталіонамъ волонтеровъ), поспѣшно отправиться въ Эльвасъ; туда же предписано слѣдовать и войскамъ, находящимся въ Алгарвіи. Правитель-

— Генераль Кирого отозванъ изъ Малаги, и на его мѣсто назначенъ Генераль-Капитанъ Гренады и Хаэна Генераль-Паларей.

— Партія неумѣренныхъ сдѣлала въ Мадридѣ, 14-го Ноября вечеромъ, покушеніе свергнуть Правительство, но полиція, знавшая объ этомъ намѣреніи, воспрепятствовала превиденію его въ исполненіе. Заговорщики намѣревались отрѣшить всѣхъ министровъ и учредить диктатуру. Министры, послѣ совѣщанія отъ десяти часовъ утра до часу пополудни, отправились въ залу засѣданія Кортесовъ, и представили Депутатамъ слѣдующія необходимыя мѣры: 1) Министры могутъ быть въ то же время и Депутатами. 2) Правительство имѣетъ право изгнать изъ предѣловъ Королевства безпокойныхъ людей, не наблюдая судебного порядка, предписываемаго 308-ю статьею харгій. 3) Должно издать законъ для прекращенія злоупотребленій свободы тисненія. Послѣ сихъ сообщеній, Министры объявили прямо, что Родиль не хочетъ исполнить предписаній Королевы.

ПОРТУГАЛІЯ.

Съ кораблемъ Иберія получены въ Лондонѣ извѣстія изъ Лиссабона до 10-го Ноября. Контръ-революціонная попытка въ этой столицѣ не имѣла успѣха, и Королева Дона Марія была принуждена принять условія, по коимъ представителямъ будутъ дарованы полномочія на произведеніе нѣкоторыхъ переменъ въ харгіяхъ 1820 и 1826 годовъ, для соображенія сихъ образцовъ правленія съ постановленіями прочихъ монархическихъ Государствъ Европы. Въ первыя минуты, Королева обратилась къ Англійскому флотскому начальству съ просьбою о вспомоществованіи; оно немедленно дало въ томъ обѣщаніе, и высадило на берегъ въ Белемъ 300 флотскихъ солдатъ; однако же ихъ вскоре снова отослали на корабли. — Лишь только Королева, удалившаяся въ Белемъ, рѣши-

лась возвратиться въ Лиссабонъ, Герцоги Пальмелла и Терсейскій, Баронъ Рендуфъ и Гг. Сильва Карвальо, Агунръ и де Кастро искали убѣжища на Англійскихъ корабляхъ, стоящихъ въ Тагъ. Герцогъ Терсейскій рѣшился возвратиться въ Лиссабонъ лишь по увѣренію, данному министерствомъ что никому изъ замѣшанныхъ въ семь дѣлъ не должно ничего опасаться. — Сильва Карвальо прибылъ въ Фальмутъ на Иберіи. Пальмеллы тамъ ожидаютъ въ скоромъ времени. Въ Diario do Governo напечатаны многіе королевскіе декреты; ими назначены Г. Са да Бандейра, Президентомъ Совѣта, Пасось, Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, и Кастро, Министромъ Юстиціи.

Въ Англійскомъ Courier напечатаны слѣдующія подробности о происшествіяхъ въ Лиссабонѣ: При отравленіи почты, столица наслаждалась спокойствіемъ, и, можно надѣяться, что Кортесамъ поручатъ приведеніе въ порядокъ дѣлъ Правительства. Носится слухъ, будто бы нынѣшніе Министры употребили всѣ свои старанія, чтобъ удержать въ ртугаліи Г-на Сильва Карвальо и прочихъ бывшихъ Министровъ, удалившихся въ Англію, потому что теперь требуется содѣйствіе ихъ всѣхъ, чтобъ воспротивиться партіи Дона Мигуэля, не уменьшающейся еще донинѣ. Маршалъ Сальданья, какъ говорятъ, находится въ Синтрь. Изъ всѣхъ лицъ, участвовавшихъ въ послѣднихъ происшествіяхъ, онъ одинъ отважился выждать послѣдствій.

— По Эльвасскому телеграфу получено извѣстіе, что Гомесъ, съ восемью тысячами человекъ, явился, 7-го Ноября, на берегахъ Тага; сіе извѣстіе внушило живѣйшія опасенія Правительству, которое приказало всѣмъ войскамъ Лиссабонскаго гарнизона, которыми можно располагать, (т. е. тремъ баталіонамъ волонтеровъ), поспѣшно отправиться въ Эльвась; туда же предписано слѣдовать и войскамъ, находящимся въ Алгарвіи. Правитель-

ство получило уведомленіе, что корабль, принадлежащій Дону Мигуэлю, крейсируетъ въ виду Віаны, на сѣверъ Португаліи. Сія обстоятельства побудили Правительство издать нѣсколько декретовъ противъ Дона Мигуэля и его приверженцевъ, и обнародовать національной гвардіи прокламацію, въ которой оно призываетъ ее находиться въ готовности къ дѣйствию, въ случаѣ надобности.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Изъ Неаполя пишутъ, отъ 5-го Ноября, что холера тамъ усиливается, и что отъ нея умираютъ ежедневно отъ 140 до 160 человекъ. Болѣзнь сія распространилась нынѣ по всемъ частямъ города, и заражаетъ людей всѣхъ состояній.

— Оттуда же пишутъ, отъ 8-го Ноября, что 6-го числа, Военный Министръ, Г. Фарделло, умеръ отъ холеры, послѣ страданій, продолжавшихся двое сутокъ. По офиціальнымъ донесеніямъ, число больныхъ до 4-го Ноября простиралось до 2,312; изъ нихъ умерло 1,258. Замѣчено, что въ прошедшую ночь не заболѣло ни одного человека.

— Братія Милосердія учредили во всей Австрійской Монархіи 29 домовъ убѣжища для больныхъ; рассчитано, что въ продолженіе шести лѣтъ въ сихъ домахъ были призрѣны 100,000 больныхъ: между ними находилось множество людей неисповѣдующихъ Католической Вѣры и большое число Израильтянъ. Также призрѣно въ сихъ домахъ весьма значительное число иностранцевъ.

М О Д Ы.

La fourure prendra une grande vogue cet hiver; déjà tout les mantelets, manteaux habillés, pélerines de soirées, sont garnis de cygne. Le cygne est tellement en faveur que nous avons vu des chapeaux en satin blanc, couleur de rose ou bleu de ciel, avec de légères bordures de cygne autour de la passe. Le velours sera encore l'étoffe la plus employée pour les chapeaux de demi-toilette, même pour les chapeaux de spectacle à bord relevés il est tout à fait de bon gout. Ces chapeaux jusqu'à présent sont noirs pour la plupart, et les plumes dant on les orne sont blanches, roses au bleues; le ponce est en défaveur. Sur les chapeaux de velours demi-habillés, on pose des fleurs en velours. Les capotes de peluche font une charmante coiffure de jeune personne; on les fait très simples avec un ruban passé autour de la forme, et formant un noeud placé très bas sur le coté. On voit aussi des chapeaux en velours épinglé qui sont de très bon gout. Le violet, le vert et le gris sont les couleurs les plus adoptées; souvent les ornemens de ces chapeaux sont en couleurs tranchées.

— Une très jolie et très nouvelle mode ce sont les épingles à grosses têtes dorées que l'on place dans les cheveux sous les chapeaux, comme on y place des noeuds de rubans ou des branches de feuilles.

Мѣхъ будетъ въ большой модѣ въ теченіе этой зимы; теперь уже всѣ мантили, нарядные плащи, пелеринки, употребляемые для вечернихъ нарядовъ, обшиваются лебляжьимъ пухомъ. Этотъ мѣхъ въ такомъ употребленіи, что мы видели шляпки атласныя бѣлыя, розо-

вья и небесно-голубья съ небольшимъ околышкомъ изъ лебяжьего пуха вокругъ полей. Бархатъ будетъ все еще въ большомъ употребленіи для полунарядныхъ шляпокъ, и даже для нарядныхъ съ поднятыми полями, надъвасмыхъ въ театрѣ. Сіи послѣднія шляпки до сихъ поръ дѣлаются преимущественно черныя, а перья, украшающія ихъ, суть бѣлыя, розовыя или голубыя; пунцовый цвѣтъ въ немилости. На бархатныя полунарядныя шляпки накалываютъ бархатныя же цвѣты. Шляпки-капоты плюшевыя очень хороши для молодыхъ дѣвицъ; ихъ дѣлаютъ чрезвычайно простыя, съ одной лентой, обернутой вокругъ тульи и образующей бантъ, приколотый очень низко на боку. Носятъ также шляпки изъ неразрѣзанаго бархата. Наиболее употребляемые цвѣта суть: фіолетовый, зеленый и сѣрый; часто украшенія этихъ шляпокъ бывають разнаго цвѣта.

— Очень красивая и очень новая мода суть булавки съ большими золочеными головками, которыя носятъ въ волосахъ подъ шляпками, вмѣсто бантовъ и цвѣтовъ.

(Изъ *Petit Courrier des Dames* и *Journal des Dames et des Modes*, 25-го Ноября.)

СЛОВЕСНОСТЬ

Ч А Т Т Е Р Т О Н Ъ (*).

I. Утро у Горация Вальпола.

Прогулка водою по Темзѣ опть Ричмондскаго моста до Твикенгама естъ одна изъ самыхъ приятныхъ прогулокъ, какую вы только можете совершить въ Англіи. Ни одна часть Темзы не представляетъ болѣе веселыхъ береговъ, сень болѣе сельскихъ и этическихъ *cottages*, или Англійскихъ хижинъ, которыя такъ хорошо осуществляютъ желаніе опчальныхъ обожателей нашего прозаическаго образованія, не поспигающихъ сельской жизни безъ золотаго пасшущескаго посоха, или (другими словами) безъ пятидесяти пылячъ фунтовъ шерлинговъ чистаго дохода!

Въ Твикенгамѣ, въ эпомъ раѣ песчаныхъ аллей, зеленыхъ бесѣдокъ и искусственныхъ гр-

(*) Русской публикѣ уже достаточно извѣстно это имя изъ драмы Г. Альфреда де-Виньи, которую давали нѣсколько разъ на здѣшней Французской сценѣ, и которая, кромѣ того, недавно издава въ Русскомъ переводѣ. Предлагаемая статья написана Г. Амедеемъ Пишо, извѣстнымъ знатокомъ Англійской Литературы. Читателямъ любопытно будетъ сличить характеръ несчастнаго поэта, рассмотрѣнный съ различныхъ точекъ зрѣнія, и такими писателями, каковы Гг. де-Виньи и Амедей Пишо.

Перев.

повъ, живаль лѣшомъ знаменитый Горацій Вальполь, вмѣстѣ арписшъ, поэтъ и вельможа; памѣшо онъ построилъ прекрасную архипектурную игрушку, называемую по-Англійски замокъ Земляничнаго Холма (Strawberry-Hill), въ копоромъ еще и шеперь удивляющся его каршинной галерей, его богатой библиошекъ и ручному станку, копорый упошреблялся въ дѣло, безъ диплома шипографшика и безъ королевской привилегіи, для пяши или шеспи библиофиловъ, друзей благороднаго Вальполя.

Хопя Великобританія произвела послѣ Горація Вальполя множештво вельможъ-художниковъ и людей ученыхъ, подобныхъ ему, однако же всѣ признали шипомъ имъ помѣщика Спроберри-Гилльскаго. Лордъ Байронъ, почипавшій за честь принадлежать къ его школѣ, сильно защищаль его, предполагая, что Вальполь не могъ имѣть другихъ враговъ, кромѣ безродныхъ сочинишелей и грязныхъ писакъ, живущихъ на чердакахъ, пошому что благородный Лордъ, копорому мы одолжены Чайльдъ-Герольдомъ и Донъ-Жуаномъ, будучи большимъ либераломъ въ полишикѣ, былъ порядочнымъ аристократомъ въ лишературѣ. Авшоръ »Ватекъ« (Vathek) и въ шпроеніи Фоншгильскаго аббашства и въ своихъ романахъ и »пушевыхъ запискахъ« не болѣе какъ проспой подражатель Горацію Вальполю; шо же самое должно сказать о Люизѣ (Lewis) авшоръ »Монаха« и другихъ Англійскихъ писателяхъ и романистахъ, живыхъ или покойныхъ, у копорыхъ спѣсь дженшельмена или денди брада верхъ надъ авшорскимъ шщеславіемъ.

Вопреки Байрону, вы не можете не замѣшпить, при посѣщеніи Спроберри-Гилля, что Горацій Вальполь имѣль болѣе вкуса въ мелочахъ, чѣмъ въ большихъ дѣлахъ; вы напрасно будеше искашь поэша въ эшомъ гопическомъ, миніапюрномъ зданіи; въ его расположеніи и обшановкѣ видѣнь скорѣе человекъ умный, нежели геніяльный. Да и какое вліяніе имѣль на свой вѣкъ пошъ, копорого Байронъ спавишь пакъ высоко? Рѣшишельно ни какого, ни швореніями своими, ни покровишельствомъ. Эшотъ меценашъ, сынъ миниспра, правда, не былъ самъ миниспромъ, однако же сомнишельно, чтошбы его покровишельство, просширавшееся на кругъ, гораздо болшій, чѣмъ кругъ дѣйствія частнаго человека, могло внушашъ мащперскія шворенія поклонникамъ музъ.

Предпочшенія его происпеками болѣе изъ его своенравія, нежели вкуса; его сужденія были полько вѣрны, не болѣе, и онъ лучше пошпигаетъ воображеніе, нежели энпузіасмъ. Что касается до поведенія его въ опношеніи къ современнымъ арписшамъ и лишераторамъ, шо между нѣкопорыми черпами его великодушія и добрыхъ дѣяній, мелочныя дѣла занимають слишкомъ много мѣшпа въ его жизни; и пошому не удивишельно, что клеветнишники его могли собрать множештво анекдотовъ, копорые Лорду Байрону было бы очень шрудно оправдать, если бы онъ принялся защищашъ своего героя не споль общими мѣшпами. Вальполь имѣль еще болшій недостатокъ въ Англіи: не принимая даже народноспи въ самомъ шѣсномъ смѣслѣ, должно сказать, что Вальполь

менше всѣхъ Англійскихъ писателей писатель народный. Въ отношеніи къ свѣтскимъ пріемамъ и ко вкусу въ поэзи, онъ соображался только съ манерами Парижскихъ госпитальныхъ. Въ самой Франціи, даже теперь, намъ кажется онъ слишкомъ офранцуженнымъ Англичаниномъ, припомъ такой эпохи, когда общество Французское было слишкомъ поверхностно. Но будемъ осторожны: надобно слишкомъ много силъ, чтобы оспаривать достоинство у человека, который имѣлъ столько ума, что оставилъ намъ письма, которые могутъ быть поставлены наряду только съ письмами Вольтера, который попеременно былъ Алцефомъ и Филиномъ, придворнымъ и демократомъ, который серьезно говорилъ о вздорныхъ вещахъ, и смѣялся, шутя о дѣлахъ политическихъ, но къ которому нельзя не быть благодарнымъ за умные письма самыя занимательныя письма и самыя остроумныя записки, какія только существуютъ до сихъ поръ въ Англійской либеральной литературе.

Чего нельзя не признать съ перваго взгляда страннымъ въ занятіяхъ такого великаго вельможи, каковъ Вальполь, — это его спросы къ древностямъ. Пусть сколько хошь смѣшны надъ его спросыю собираешь въ своемъ кабинетѣ такія вещи, какъ напримѣръ: гребень Маріи Стюартъ, красную шляпу Вульси, трубку фанъ-Тромпа, шпоры Вильгельма Завоевателя, все таки помѣщикъ Строберри-Гилльскій оставилъ въ нихъ весьма драгоценныя документы изящныхъ Искусствъ. Не то, чтобы Горацій Вальполь, какъ человекъ свѣт-

скій и любившій болѣе писать свое воображеніе, чѣмъ предаваться дѣятельнымъ изысканіямъ, сидѣлъ надъ спаринными рукописями или упомялъ зрѣніе при шукломъ свѣтѣ лампы. Онъ не скрывалъ, что честолюбіе его состояло въ томъ, чтобы обобщить эрудицію, то есть дать ей свѣтскія формы; онъ часто полковалъ съ мелкими писателями и не стыдился совѣтоваться съ знаменитостями, имъ покровительствуемыми, чтобы усвоить себѣ ихъ мнѣніе, вмѣсто того, чтобы внушать имъ свое. Онъ поступалъ въ такихъ случаяхъ, какъ *человекъ свѣтскій, а не какъ человекъ ученый*; это онъ часто говорилъ самъ.

Горацій Вальполь долгое время искалъ себѣ свѣдущаго секретаря; наконецъ онъ думалъ, что уже нашелъ его: онъ отыскалъ одного молодого человека, который съ благодарностью принялъ бы подобное мѣсто у такого покровителя, каковъ помѣщикъ Строберри-Гилльскій. Этотъ молодой человекъ жилъ въ провинціи; и Горацій Вальполь только что хотѣлъ писать къ нему, какъ вдругъ пріѣздъ двухъ поэтовъ, бывшихъ иногда въ его гостиницѣ, подаль ему мысль подвергнуть ихъ суду выборъ, который онъ намѣревался сдѣлать. Эти два поэта были Мезиъ и Грей. Хотя оба, въ некоторомъ смыслѣ, слѣдовали собственноручно составленнаго сочиненія, но и авторъ «Англійскаго Сада» и авторъ «Элегій на сельскомъ кладбищѣ» принадлежали скорѣе къ школѣ Аддисона и Попа, нежели къ школѣ Спенсера и Шекспира. Они были вмѣстѣ и остроумцы и люди универсальныя; первый ихъ изъ не много гордился тѣмъ, что ввелъ въ

одной, довольно вялой трагедіи своей, хоры, въ подражаніе древнимъ, а второй раздѣлялъ свои Скандинавскія оды на спрофы и эподы, какъ раздѣлялъ свои оды Пиндаръ.

— Чшо же, сказалъ Грей, дѣлая комплиментъ авпору, слишкомъ скромному для того, чшобы возбудить соперничество, вѣдь я вамъ предсказывалъ, чшо ваши *Анекдоты о живописи* (*) будущъ имѣшь всеобщій успѣхъ; такъ же и романъ вашъ, *Отрантскій замокъ* былъ съ жадностью расхваченъ дамами.

— Вы забываете, любезный Грей, шо, чшо я сказалъ въ посвященіи этого сочиненія Баронессъ Герви Икворшъ: «I am rather an editor, than an author,» чшо меня надо почитать только издавателемъ, а не авпоромъ. И такъ комплиментъ вашъ относится болѣе къ Г. Вирчю, его авпору, чѣмъ ко мнѣ; «воздадите убо Кесарю Кесарево.» Я еще гораздо менѣ опдалъ справедливости этому анпикварію, нежели сколько я ему долженъ. Не знаю еще, не будешь ли онъ меня журишь, за шо, чшо я сколотилъ въ два или три тома ру-

(*) Вотъ полное заглавіе этой книги:

Anecdotes of painting in England with some account of the principal artists, and incidental notes on other arts, collected by the late M. George Vertue.

And now digested and published from his original Mss.
By M. Horace Walpole
London, Dodsley, Pall-Mall.

копись, кошорой доспало бы на сорокъ помовъ in 4°.

— Извинише, сказалъ Мезнъ, благодарише, сколько вамъ угодно, Г-на Вирчю, но мы въ свою очередь должны благодаришь васъ за шо, чшо вы такъ пріятно разобрали для насъ эпшу огромную массу бумагъ; *rudis indigestaque moles*. Вы одни только способны сдѣлать любопытнымъ даже и кашалогъ.

— Я особливо удивляюсь, сказалъ Грей, пому, чшо авпоръ, или какъ онъ себя называетъ, издатель, выбралъ изъ спаринныхъ харшій.

— Хорошо, господа, сказалъ Вальполь, вы вѣрно хощише, чшобъ я въ свою очередь поздравилъ васъ съ искусствомъ обновлять спаринныхъ нашихъ драматическихъ поэшовъ, не правда ли Г. Мезнъ? или передѣлывать Галическихъ поэшовъ, не такъ ли Г. Грей? Но мнѣ пріятнѣе воспользоваться вашими познаніями, чѣмъ уничшожать ихъ пущыми комплиментомъ. И такъ, господа, чшо думаете вы объ эпшомъ опрывкѣ изъ спарой поэмъ о живописи, недавно опысканной въ Брисполъ?

Сказавъ эпшо, Вальполь подалъ имъ рукопись, подъ названіемъ :

The ruse of peynetegne in Englande, corotten by Th. Rowlie, 1469, for mastre Caninge.

— А опъ кого удалось вамъ достать эпшо монашеское чернокнижество? спросилъ Грей, пробъжавъ рукопись и передавая ее Мезну.

— Опъ одного молодого незнакомца изъ Брисподя, кошорый, какъ мнѣ кажется, довольно

оспроуменъ, если судить по тому, что коммен-
таріи къ эпимъ стихамъ написаны имъ. Вошь и
самое его письмо.»

»Благородному Горацио Вальполю.

Милосивый Государь!

»Имѣя нѣкопорыя познанія въ липературныхъ
древноспяхъ, я случайно нашелъ нѣсколько любо-
пытныхъ рукописей, изъ числа копорыхъ сообщае-
мая мною, была бы вамъ не бесполезна при новомъ
изданіи ващихъ занимательнымъ анекдотовъ о
живописи. Исправивъ ошибки въ примѣчаніяхъ, ес-
ли ихъ найдете, вы чувствительно обяжете по-
корнаго слугу вашего

Томаса Чаттертона.»

Брисполь.

Марта 25, Корнъ-Спрингъ.

— Ну! а что же вы отвѣчали этому Томасу
Чатшерпону? спросилъ Грей.

— То, что я всегда приму съ удовольствіемъ
отъ него рукописи, если онъ на будущее время
спасетъ присылать ихъ. Въ то же время я велѣлъ
освѣдомиться въ Брисполь о моемъ юномъ кор-
респондентѣ, пошому что и я также хочу ему
чѣмъ нибудь быть полезнымъ, и только вчера
получилъ письмо, въ копоромъ рассказываютъ
мнѣ всю его исторію. Письмо довольно длинно;
но прочишите его: оно будетъ для васъ занима-
тельно, и откроетъ намъ маленькое чудо въ нашей
прозаической Англій.

»Благородному Горацио Вальполю.

Милосивый Государь!

»Поспѣшаю удовлетворить вашему желанію,

сообщая подробности о Томасъ Чатшерпонтѣ.
Эпо дитя (я называю его такъ пошому, что ему
еще нѣтъ 17 лѣтъ) родилось 20 Ноября 1752 го-
да. Отець его, называвшійся также Томасомъ, умеръ,
за три мѣсяца до его рожденія; онъ былъ препода-
вателемъ чистописанія въ одной элементарной
школѣ, пѣвчимъ въ Бриспольской кафедральной
церкви, и училищемъ въ вольной Пайль-Спринской
школѣ въ нашемъ городѣ. Думаютъ, что эпотъ
человѣкъ въриль колдовству, и пошому прилежно
читалъ сочиненія Корнелия Агриппы. Но онъ не
могъ въ ночь найти пайны дѣлать философскій
камень, пошому что умеръ бѣднѣ всѣхъ своихъ
предковъ, копорые, въ продолженіе сна лѣтъ,
наслѣдственно занимали должность ключаря при
церкви Св. Маріи Радклифъ.

»Но возвращаюсь къ сыну. Пяти лѣтъ отъ
роду, его отдали въ ту школу, гдѣ училъ отецъ
его, но въ скоромъ времени педагогъ Лове возвра-
тилъ его матери подъ предлогомъ, что онъ былъ
слишкомъ глупъ, и пошому не могъ пользоваться
уроками. Посудише же, сударь, объ опчаяніи ми-
сприсъ Чатшерпонтъ, копорая, какъ и всѣ матери,
извлекла другое предзнаменованіе изъ того,
что она замѣтила о способностяхъ сына. И какъ
была удивлена бѣдная женщина, когда одна-
жды заспала его размышляющаго надъ одною
Французскою рукописью съ карпинками, случайно
попавшеюся ему въ руки. Она воспользовалась
эпимъ случаемъ, сама показала ему буквы, и за-
мѣняя въ немъ охоту къ карпинкамъ, выучи-
ла его читать по одной изъ шѣхъ гошическихкихъ

оспроумень, если судить по тому, что комментари к эпимъ стихамъ написаны имъ. Вотъ и самое его письмо.»

»Благородному Горацію Вальполю.

Милосивый Государь!

»Имѣя нѣкопорыя познанія въ липературныхъ древностяхъ, я случайно нашелъ нѣсколько любопытныхъ рукописей, изъ числа которыхъ сообщаемая мною, была бы вамъ не бесполезна при новомъ изданіи вашихъ занимательнымъ анекдотовъ о живописи. Исправивъ ошибки въ примѣчаніяхъ, если ихъ найдете, вы чувствительно обяжете покорнаго слугу вашего

Томаса Чаттертона.»

Бристоль.

Марта 25, Корнъ-Сирптъ.

— Ну! а что же вы отвѣчали эпому Томасу Чаттертону? спросилъ Грей.

— То, что я всегда приму съ удовольствіемъ отъ него рукописи, если онъ на будущее время спянетъ присылать ихъ. Въ то же время я велѣлъ освѣдомиться въ Бристоль о моемъ юномъ корреспондентѣ, поному что и я также хочу ему чѣмъ нибудь быть полезнымъ, и только вчера получилъ письмо, въ которомъ разсказываютъ мнѣ всю его исторію. Письмо довольно длинно; но прочтите его: оно будетъ для васъ занимательно, и откроетъ намъ маленькое чудо въ нашей прозаической Англій.

»Благородному Горацію Вальполю.

Милосивый Государь!

»Поспѣшаю удовлетворить вашему желанію,

сообщая подробности о Томасѣ. Это дитя (я называю его такъ по еще нѣтъ 17 лѣтъ) родилось 20 да. Отецъ его, называвшійся также за три мѣсяца до его рожденія; онъ давалъ намъ чистописанія въ одной школѣ, пѣвчимъ въ Бристольской церкви, и училищемъ въ вольной Па школѣ въ нашемъ городѣ. Думая о чловѣкѣ вѣрилъ колдовству, и писалъ сочиненія Корнелія Агриппы могъ въ ночь найти тайны дѣла камень, поному что умеръ бѣднѣе предковъ, которыхъ, въ продолженіи наслѣдственно занимали должность церкви Св. Маріи Радкليفъ.

»Но возвращаюсь къ сыну. По роду, его отдали въ ту школу, гдѣ его, но въ скоромъ времени педагогъ шилъ его матери подъ предлогомъ, слишкомъ глупъ, и поному не могъ уроками. Посудите же, сударь, обспирись Чаттертонъ, которая, какъ ри, извлекла другое предзнаменованіе, что она замѣтила о способностяхъ была удивлена бѣдная женщина жды заспала его размышляющая Французскою рукописью съ картин поавшеюся ему въ руки. Она в эпимъ случаемъ, сама показала ему мнѣ въ немъ охоту къ картин да его читашъ по одной изъ шѣхъ

оспроумень, если судить по тому, что коммен-
таріи къ этимъ стихамъ написаны имъ. Вотъ и
самое его письмо.»

»Благородному Горацио Вальполю.

Милосивый Государь!

»Имѣя нѣкоторыя познанія въ липературныхъ
древностяхъ, я случайно нашелъ нѣсколько любо-
пытныхъ рукописей, изъ числа которыхъ сообщае-
мая мною, была бы вамъ не бесполезна при новомъ
изданіи вашихъ занимательнымъ анекдотовъ о
живописи. Исправивъ ошибки въ примѣчаніяхъ, ес-
ли ихъ найдете, вы чувствительнѣе обяжете по-
корнаго слугу вашего

Томаса Чаттертона.»

Бристоль.

Марша 25, Корнъ-Ситрипъ.

— Ну! а что же вы отвѣчали этому Томасу
Чаттертону? спросилъ Грей.

— То, что я всегда приму съ удовольствіемъ
отъ него рукописи, если онъ на будущее время
спасетъ присылать ихъ. Въ то же время я велѣлъ
освѣдомиться въ Бристоль о моемъ юномъ кор-
респондентѣ, потому что и я также хочу ему
чѣмъ нибудь быть полезнымъ, и только вчера
получилъ письмо, въ которомъ рассказываютъ
мнѣ всю его исторію. Письмо довольно длинно;
но прочтите его: оно будетъ для васъ занима-
тельно, и откроетъ намъ маленькое чудо въ нашей
прозаической Англіи.

»Благородному Горацио Вальполю.

Милосивый Государь!

»Поспѣшаю удовлетворить вашему желанію,

сообщая подробности о Томасѣ Чаттертонѣ.
Эпо дитя (я называю его такъ потому, что ему
еще нѣтъ 17 лѣтъ) родился 20 Ноября 1752 го-
да. Отецъ его, называвшійся также Томасомъ, умеръ,
за три мѣсяца до его рожденія; онъ былъ препо-
давателемъ числописанія въ одной элементарной
школѣ, пѣвчимъ въ Бристольской каѳедральной
церкви, и училелемъ въ вольной Пайль-Ситрипской
школѣ въ нашемъ городѣ. Думаютъ, что эпотъ
человѣкъ вѣрилъ колдовству, и потому прилежно
читалъ сочиненія Корнелія Агриппы. Но онъ не
могъ въ нихъ найти тайны дѣлать философскій
камень, потому что умеръ бѣднѣе всѣхъ своихъ
предковъ, которые, въ продолженіе сна лѣтъ,
наслѣдственно занимали должность ключаря при
церкви Св. Маріи Радклифъ.

»Но возвращаюсь къ сыну. Пяти лѣтъ отъ
роду, его отдали въ ту школу, гдѣ училъ отецъ
его, но въ скоромъ времени педагогъ Лове возвра-
тилъ его матери подъ предлогомъ, что онъ былъ
слишкомъ глупъ, и потому не могъ пользоваться
уроками. Посудите же, сударь, объ опчаяніи ми-
сприсъ Чаттертонъ, которая, какъ и всѣ мате-
ри, извлекла другое предзнаменованіе изъ того,
что она замѣтила о способностяхъ сына. И какъ
была удивлена бѣдная женщина, когда одна-
жды заспала его размышляющаго надъ одною
Французскою рукописью съ карпинками, случайно
попавшеюся ему въ руки. Она воспользовалась
этимъ случаемъ, сама показала ему буквы, и за-
мѣня въ немъ охоту къ карпинкамъ, выучи-
ла его читать по одной изъ шѣхъ гошическихкихъ

Библий, которыя до сихъ поръ находяшся въ семейныхъ архивахъ.

»Въ скоромъ времени юный Чашпертонъ доказалъ ложность мнѣнія того школьнаго учителя, который пророчилъ ему оспашься дуракомъ на всю жизнь. Изъ слѣдующаго анекдота вы можете имѣть понятіе о честолоубіи, волновавшемъ его съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Мать его оказала какою-то услугу одному Бристольскому горшечнику, который, въ благодарность, сказалъ Томасу, что онъ ему подаритъ красивую фарфоровую шпучку съ рисованными фигурами. »И что же, любезный другъ, сказалъ онъ, хочешь ты, чтобы шамъ было нарисовано?« — Ну! отвѣчалъ молодой Чашпертонъ, нарисуй мнѣ ангела съ распроспертыми крыльями и трубою, который бы пропрубилъ имя мое по всей вселенной!« Могъ ли когда Александръ Великій отвѣчать лучше этого?

»Отвѣтъ этотъ былъ переданъ епископу, и его преосвященство захотѣлъ опдашь Чашпертона въ Колстонскую школу, въ Бристоль, основанную по плану вашего Лондонскаго госпиталая. Воспитанники этой школы не только обучаются въ ней бесплатно, но и содержатся на ея счетъ въ особомъ домѣ. По прошествіи двухъ лѣтъ ученикъ превзошелъ въ познаніяхъ своихъ учителей, и поспраспи къ наукамъ удерживалъ нѣкоторую часть изъ своихъ доходовъ на покупку большаго числа книгъ. Однако же черезъ годъ, мать почла должнымъ опдашь его въ ученье къ одному прокурору, по имени Ламбершу, но вы

легко поймете, что это мѣсто было ему не по праву.

»Въ Октябрѣ прошедшаго года, когда кончили постройку новаго моста и открыли его для публики, въ журналъ, издаваемомъ Г. Фарлемъ, напечатанъ былъ опривокъ, въ которомъ спариннымъ слогомъ описывалась процессія монаховъ и другія церемоніи, бывшія по случаю открытія стараго моста. Этотъ опривокъ привелъ въ движеніе всѣхъ нашихъ либераторовъ. Знавшіе, что спашья была сообщена редактору Чашпертономъ, почли своею обязанностью узнать испочники, изъ которыхъ онъ почерпнулъ ее. Не знаю для чего, вмѣсто того, чтобы вопрошашъ его съ кропосью, они употребили къ тому угрозы, и ученикъ-прокуроръ не захотѣлъ отвѣчать; но едва только они перемѣнили съ нимъ понъ, какъ онъ признался, что у него находяшся истинныя сокровища въ этомъ родѣ. Надобно знать, что испари спавили въ шкафѣ, споявшемъ въ церкви Св. Радклифъ, различные ящики, изъ которыхъ одинъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Г. Канинга, богащаго Бристольскаго купца, поспроившаго во времена Эдуарда IV эту церковь. Около 1727 года ящики эти, по приказанію городского начальства, были разломаны; изъ нихъ вынули нѣсколько Англійскихъ харшій, а оспальныя оставлены были шамъ, какъ негодныя бумаги. Опець Томаса, съ помощію дяди своего, бывшаго церковнымъ ключаремъ, взялъ опшуда нѣсколько рукописей на пергаменѣ, чтобы употребляшъ ихъ на переплетъ книгъ своей школы. Между этими рукописями,

юный антикварій, нашелъ описаніе *монаховъ, проходившихъ по мосту и исторію живописи монаха Ролея*, присланную къ вамъ, и кромѣ того множество стиховъ, большая часть которыхъ сочинена Ролеемъ. Я съ благодарностью самъ принялъ отъ Чашпертона нѣсколько опривковъ, которые, надюсь, будутъ мнѣ очень полезны для приготавливаемой мною Исторіи Бристолья; потому что мнѣ оспается довольно свободнаго времени отъ моей должности, и я посвящаю его литературнымъ занятиямъ.

«Молодой Чашпертонъ не скрываетъ своего честолюбія въ Лондонъ, чтобы тамъ войти въ сношеніе съ учеными, и найти себѣ образованнаго покровителя. Если бы я осмѣлился, милостивый государь, соединить съ подробностями, которыми имѣю честь вамъ представить, рекомендацію, то я сказалъ бы, что ваше покровительство нигдѣ не было болѣе полезно, какъ въ этомъ случаѣ. Я совѣтую моему молодому земляку прислать къ вамъ нѣсколько собственныхъ стихопвореній, вмѣстѣ съ трагедіею *Бристова*, романомъ о рыцарѣ, и другими пьесами, сочиненными монахомъ Ролеемъ. Вы легко изъ этого заключите, что Чашпертонъ не проситъ переписчикъ старыхъ рукописей. Оснаюсь,

Милостивый государь, вашимъ покорнымъ слугою

3 Апрѣля.

Барретъ, хирургъ въ Бристоль.»

— Ну! господа, что думаете вы объ этомъ? сказать Вальполь, по прочтеніи письма.

— Я думаю, отвѣчалъ Грей, что это могло бы служить прекраснымъ *pendant* къ роману Мак-

ферсона. Вашъ антикварій посмѣялся надъ своими единоземцами, и между прочимъ надъ этимъ добрымъ Г. Барретомъ.

— Прибавьте къ тому, и надо мною! перервалъ Вальполь съ нѣкоторою досадою.

— О! это другое дѣло, продолжалъ Грей. Не смотря на вашу скромность, вы не такой человекъ, чтобы позволили обмануть себя такими худыми подражаніями; посмотрите, вотъ выраженіе, которое не употреблялось еще въ XIII вѣкѣ, а это время приписываетъ рукописи нашъ Бристольскій Оссианъ; вотъ еще другое, которое употреблялось по крайней мѣрѣ двѣсти лѣтъ спустя послѣ мнимаго монаха Ролея. Признайтесь, что вы хотите узнать, попадусь ли я съ Мезномъ въ эти сны?

Мезнъ въ свою очередь разобралъ стихи мнимаго Бристольскаго монаха, и Вальполь принужденъ былъ согласиться, что онъ хотѣлъ сыграть съ ними шушку.

На другой день принесли въ Спроберри-Гилль большой пакетъ изъ Бристолья: въ немъ заключалось продолженіе рукописей монаха Ролея съ новымъ письмомъ Чашпертона, въ которомъ онъ подтверждалъ сказанное въ письмѣ Баррета, и умолялъ Горація Вальполя испоргнуть его изъ когшей ябеды, и дать ему средства удовлетворить своей страсти къ литературѣ.

На этотъ разъ помѣщикъ Спроберри-Гилльскій воспользовался вчерашнимъ визитомъ и разговоромъ; онъ холодно благодарилъ юнаго Бристольскаго корреспондента и доказывалъ ему, что та-

кой анпикварій, каковъ онъ, Вальполь, не можешь служишь предметомъ миспификаціи; что въ Ролеъ нѣтъ ничего спариннаго кромъ ореографіи. И по-тому Горацій Вальполь совѣщоваль Чашшершону опказашься опъ шакого невыгоднаго ремесла, и прииашься лучше за изученіе законовъ, для шого чшобы имѣшь гораздо вѣрнѣйшіе доходы. »Прокуроръ, говориль Вальполь, еспъ въ нашемъ вѣкъ человекъ гораздо болѣе независимый, чѣмъ поэшь.« Эши слова, сказанныя Гораціемъ Вальполемъ съ знаніемъ и опышностію свѣшскаго человека, со-держали въ себѣ горькую истину. Черезъ нѣ-сколько дней помѣщикъ Спроберри-Гилльскій находилься на дорогѣ въ Парижъ.

II. Аудіенція у Лорда-Мера.

1770 годъ, въ Исторіи Англій, напоминаешъ ту эпоху движенія, когда самыя ясновидящія умы имѣли поводъ думашь, что королевство находи-лась въ большой опасности опъ кровавой войны, копорую ему объявили правительсшво и газетшы. Это была эпоха знаменитыхъ писемъ Юніуса, памфлетовъ Горна-Тука и Вилькиса, множесшва прошеній прошивъ измѣны министрровъ и про-шивъ развраша Нижней Палаты, эпоха возмущенія рабшниковъ, и криковъ: »да здравсшвуешъ Виль-кисъ и свобода! Въ шо время одинъ человекъ, сил ный по своимъ правамъ и дерзосши, при раза былъ изгоняемъ изъ парламенша, какъ недостпой-ный бышь его членомъ, и при раза былъ опашь выбираемъ; шогда-шо, какой нибудь номеръ жур-нала, будучи запрещенъ и преданъ огню рукою

палача, находиль десять спанковъ, чшобы бышь на другой день сызноа оппечашаннымъ, и вы-ходиль въ свѣшъ еще болѣе дерзкимъ, чѣмъ въ первый разъ, а авшоръ спашьи, призванный въ судъ, былъ не шолько оправдываемъ, но еще самъ пре-боваль съ министра упашы 45,000 фуншовъ спер-линговъ за понесенные убышки и несправедливый призывъ къ суду. Тогда находили зашщшу въ мелкія побужденія оппозиціи, и всякій осужден-ный новымъ министрромъ, выпускаемъ былъ въ шріумфъ изъ заключенія. Тогда журналы имѣли своихъ *Гракховъ*, мѣщанство своихъ *базарныхъ королей*, и городъ видѣль своихъ судей, альдерме-новъ и Лорда-Мера, идущихъ со всеми сословія-ми принесши конспишунціонному монарху свои *смиренныя и покорныя увѣщанія*, копорыя для конспишунціонныхъ королей гораздо спранные, чѣмъ революціонные крики и памфлешы.

Въ шакихъ обшояшельсшвахъ, рѣчь произ-несенная Г. Бекфордомъ Королю, и пріемъ ея, бо-лѣе, чѣмъ спрогій, Его Величешшвомъ, разумѣешя, возвысили эшого знаменитаго градоначальника на первую степенъ народныхъ гороевъ. Повсюду слышались въ чешъ его восклицанія, вездѣ хвали-ли его папріошисмъ; смѣлый Лордъ-Меръ былъ опцемъ народа, его папріошическимъ зашщшникомъ и истиннымъ царемъ города. Г. Бекфордъ, какъ человекъ чешшый, безкорысшный, совѣспливый, долженъ былъ спрашиться шакой обширной на-родносши, шакого горячаго эншузіасма, копорые перешли у нѣкопорыхъ въ слишкомъ неумѣрен-ную лешъ или возмушительныя предложенія.

Народъ грубъ въ своихъ нѣжностяхъ, мѣщанство дѣлаешь иногда слишкомъ неловкіе комплименты, и гражданская королева (увы!) имѣетъ свои шерни, какъ и всѣ королевы!

Однимъ вечеромъ Лордъ-Меръ опдыхалъ въ своемъ кабинетѣ въ Mansion House опть усталости послѣ одного изъ пылосныхъ трудовъ своихъ, когда доложили ему, что одинъ молодой человекъ настоятельно требуетъ, чтобы его допустили къ нему. «Пусть войдетъ,» сказалъ Г. Бекфордъ, принужденный, хотя онъ очень предвидѣлъ это, подвергаться всей докучливости, на которую извѣстность обрекаетъ свои жершвы.

Въ лицѣ молодого человека, пришедшаго къ Лорду-Меру, было какое-то достоинство; и Бекфордъ съ перваго взгляда замѣтилъ въ немъ выраженіе той безпокойной боязни и вмѣстѣ того щекопливаго самолюбія, копорья называютъ «ложнымъ стыдомъ.» Молодому человеку было, казалось, не болѣе семнадцати лѣтъ. У Г. Бекфорда былъ сынъ такихъ же лѣтъ, и онъ по какому-то сочувствію къ молодости поспѣшилъ, началъ говорить съ нимъ родильски благосклонно.

Молодой человекъ, возмѣвъ довѣренность, по приглашенію Лорда-Мера съѣлъ и объявилъ свое имя.

— «А, такъ вы Г. Чапшерпонтъ?» сказалъ Г. Бекфордъ; имя ваше мнѣ что-то знакомо. Не вы ли это напечатали списки подъ именемъ монаха Ролея? Я въкопорье изъ нихъ читалъ въ журналахъ, но, для меня не понятно, опчего вы приписываете старому монаху списки, копорье со-

чинены вами, не такъ ли? Однако же вамъ удалось обмануть нѣсколькихъ людей свѣдущихъ, между прочимъ пріятеля моего Тирвинпа, анпикварія. Ну! что вы теперь дѣлаете и чѣмъ могу я вамъ быть полезенъ? Вы, можете быть, хошите предложить мнѣ подписку на изданіе сочиненій спарика Ролея? такъ я уже напередъ первый вашъ подписчикъ.

— Милордъ, сказала Чапшерпонтъ, я опкровенно признаюсь вамъ, что я почиаю для себя счастьемъ быть вамъ не много извѣстнымъ, благодаря спарикку Ролею. Теперь я предлагаю вамъ перо мое.

— Ваше перо, любезный поэтъ? но мы живемъ теперь не въ тѣ времена, когда Лордъ-Меръ угощалъ своихъ граждан поэтическими праздниками; теперь болѣе не играютъ на Лондонскихъ улицахъ ни масокъ, ни аллегорическихъ пьесъ, ни другихъ какихъ зрѣлищъ. Лордъ-Меры давно уже распрощались съ своими увѣнчанными поэтами, какъ съ шурами, и, можно сказать, что въ нынѣшнее время долипическихъ смяшеній, оба они одинаково бесполезны.

— Знаю, милордъ; я самъ наконецъ увтрился, что поэзія должна перестать быть развлеченіемъ для женщинъ и людей праздныхъ, если поэтъ хочеть что нибудь значить въ нашемъ вѣкѣ. И такъ, предлагаю вамъ перо мое, не такъ какъ побрякушку, но какъ единственное оружіе, могущее защищать васъ въ борьбѣ, въ копорую вы вмѣшались, какъ единственное средство сдѣлать васъ сильнымъ, васъ, Лордъ-Меръ, среди вашихъ мир-

ныхъ придверниковъ въ Меншювъ-Гоузъ, какъ Короля среди своихъ шлохранишелей въ Сень-Джемскомъ дворцѣ.

— Молодой человекъ, вы говорите, какъ будто бы вы были самъ Юніусъ.

— Милордъ, я не Юніусъ, но, не смотря на то, чувствую въ себѣ довольно силы для того, чтобы быть ему преемникомъ, если онъ оставитъ свое мѣсто, и вступитъ съ нимъ въ борьбу, если онъ нападетъ на того, кто мнѣ покровительствуетъ. Не считайте меня простымъ переписчикомъ монаха Ролея, позабывшимъ шепетливый языкъ, для того, чтобы говорить языкомъ среднихъ вѣковъ. Перо, которое я вамъ предлагаю, уже написало панфлетъ подъ именемъ Публиколы, письмо Нортъ-Бригона въ пользу Вилькиса, сапирю въ стихахъ на Лорда Бюпа, наконецъ шло «Опытъ», который былъ поднесенъ вамъ десять дней тому, и который я готовъ признать за собою, потому что мнѣ сказали, что онъ заслужилъ вашу похвалу. Теперь я нахожусь между двумя партиями, не имѣя сношеній ни съ одною. Я теперь къ вашимъ услугамъ, милордъ, побуждаемый болѣе жаждою къ славы, нежели нуждою, хоть бы я не имѣлъ ни шиллинга, хотя у меня и сеспры бѣдныя, которыхъ я оставилъ съ обѣщаніемъ сдѣлать ихъ счастливыми моимъ дарованіемъ; я весь вашъ, милордъ, годный къ нападенію и къ защитѣ, способный къ добру, способный къ злу, смотря по приходѣ того, который пойметъ меня и будетъ повѣлывать мною.»

Эти слова пронули Г. Бекфорда.

— Молодой человекъ! сказалъ онъ, вы меня спрашиваете; но я благодарю Провидѣніе за то, что оно послало васъ ко мнѣ, а не къ какому нибудь честолюбцу, который сдѣлалъ бы изъ васъ слѣпое орудіе и разбилъ бы его, употребивъ для гнусныхъ себя ласкательствъ. Вы во время пришли, любезный другъ; остановившись, потому что вы подвергаетесь жестокимъ обманамъ. И не имѣйте обо мнѣ того мнѣнія, какое составили относительно меня нѣкоторые люди. Я честно защищалъ конституцію, не имѣю въ виду ни какой поспоронней цѣли, и первый буду спрашивать, если правительство будетъ упорствовать въ своихъ произвольныхъ поступкахъ. Но, что мы выиграемъ отъ революціи, мы, которые ее произведемъ? У меня, какъ у всякаго благомыслящаго гражданина, одно желаніе, одна цѣль: избѣгнуть этой революціи; но доказываютъ льща мои, мое положеніе, положеніе моего семейства и друзей. Въ вашихъ честолюбивыхъ или патристическихъ мечтаніяхъ, не надѣетесь ли вы найти во мнѣ Англійскаго Капилину? Посмотрите на сѣдые мои волосы. Благодарите Провидѣніе, пославшее васъ къ шарру, который даетъ вамъ отеческія наставленія. Спросите совѣсь вашу, и она также скажетъ вамъ, что вы уже измѣнили вашему паланцу, опклонивъ его отъ чистыхъ испочниковъ добродѣтели и чести, для того чтобы продать его первому честолюбцу, нуждающемуся въ этомъ оружіи для лишенія враговъ своихъ довѣренности и славы. Но я извиняю юность вашу и неопытность, и хочу доказать вамъ, что знаю васъ лучше, нежели

ли вы сами себя знаете. Вы жаждете славы и независимости. Ну, такъ прудись ; во мнѣ всегда будете вы имѣть опору. Я не меценашъ, но люблю искусство ; если книгопродавцы или крипики не покупаютъ вашихъ сочиненій, приносите ихъ ко мнѣ ; ко мнѣ доступъ легче. Прибѣгните къ моей кассѣ : для васъ она будеть всегда открыта. Кромѣ того, я доставлю вамъ почешное мѣсто, которое оставишь вамъ довольно досужнаго времени. Сиръ-Джорджъ Кольбрукъ, одинъ изъ директоровъ Индѣйской Компаніи, имѣетъ со мною дѣла ; я ему поговорю о васъ. И такъ прійдите черезъ нѣсколько дней.

Чампершонъ опустилъ голову, благодарилъ, и болѣе приспыженный, чѣмъ признапельный, вышелъ изъ комнашы.

Онъ жилъ въ то время въ Шорелинъ у одного человека, по имени Волмислея, у котораго нанимала также кварширу мисприссъ Белленсъ, двоюродная сеспра его мапери.

Ну! сказала ему мисприссъ Белленсъ, видѣлъ ли ты Г. Бекфорда?

— Видѣлъ.

— Не правда ли, что это очень честный человекъ?

— Слишкомъ честенъ.

— Что такое? развѣ онъ себя худо принялъ?

— О! слишкомъ хорошо для того, чтобы я въ другой разъ пришелъ къ нему.

— Изъяснись, мой другъ. Развѣ ты имъ не доволенъ?

— Нѣтъ, еще хуже этого, я не доволенъ самимъ собою.

Несчастный юноша былъ оскорбленъ полученнымъ урокомъ; онъ нѣсколько времени, послѣ разговора съ Г. Бекфордомъ, хранилъ глубокую горестъ ; но случай свелъ его съ Вилькисомъ, великимъ Вилькисомъ, который увлекъ его въ оргіи, и рекомендовалъ журналистамъ, менѣе робкимъ, чѣмъ Лордъ-Меръ. Ласкали върояшнаго пропивника Юніуса, льстили ему, почивали его геніемъ ; это вскружило ему голову. Онъ написалъ мапери своей, что наконецъ счастье ему улыбнулось ; что онъ наконецъ можетъ дать приданое сеспрамъ своимъ, что онъ живеть съ самыми сильными людьми погдашняго времени, и что ему спойшь только выбрать одно изъ самыхъ блестящихъ положеній. Не обманывалъ ли онъ свое семейство, чтобы утѣшить его ? не обманывалъ ли онъ самого себя, полагаясь на ложныя обещанія ? Онъ вскорѣ покинулъ домъ Вомыслея, какъ слишкомъ опдаленный онъ теашровъ ; попому что ему было поручено сообщать спашьи о новыхъ пьсахъ въ одно еженедѣльное изданіе, и онъ нанялъ кварширу у мисприссъ Энджелъ, въ улицѣ Brook-Street. Опшуда онъ еще писалъ 20 Іюля 1770 года къ сеспрѣ своей, обещаясь вскорѣ купишь ей прекрасное платье, на деньги, которыя онъ надѣялся получишь за сочиненіе орапоріи, ему предложенное. Я возврапидся, говорилъ онъ, къ поэзіи, писавъ нѣкоторое время полишическія памфлеты ; но липерашура доставочна, чтобы сдѣлать меня богатымъ. Книгопродавцы бѣгаютъ за мной, кри-

пики оспариваютъ мое перо, а свѣтскіе люди мнѣ кланяются; я могу доспать мѣсяца выгодныя, если только предпочту богатству моему независимость.

Увы! мѣсяць спуся какъ перемѣнились всѣ его мечты о независимости, славѣ, счастіи, величіи? Молодой поэтъ смиренно домогался мѣсяца помощника хирурга на корабль, отправлявшемся въ Африку. Г. Бекфордъ умеръ. Бекфордъ, единственный его покровитель, о которомъ онъ всего менѣе заботился, единственный человекъ, который былъ съ нимъ искрененъ.

III. Мысль о самоубійствѣ.

Эразмъ, говоря о Кенторберійскомъ соборѣ, сказалъ: *Tantâ majestate sese erigit in coelum, ut, procul, etiam, intuitibus religionem intuiat;* «онъ съ такимъ величіемъ подымается до облаковъ, что даже издали возбуждаетъ религиозное чувство.» Эти слова можно также примѣнить къ Веспминстерскому аббатству, потому что религиозное чувство, внушаемое вамъ эпимъ стариннымъ зданіемъ, такъ сладко, что съ перваго взгляда испоргаетъ васъ изъ разсѣянности, въ которую вовлекаетъ нечестивый шумъ Лондона, какъ и всякой другой столицы. Когда уже одинъ взглядъ издали на это древнее аббатство можетъ погрузить въ размышленіе, что скажете о томъ высококомъ чувствѣ, которое вами овладеетъ, когда вы всупитѣ въ эпоху некрополиса Британніи! Тамъ ваша мысль можетъ воскресить десятыя вѣковъ исторіи и преданій; тамъ предскажетъ

изумленному взору старинная Англія временъ Плантагенетовъ, дома Ланкастерскаго, Тудоровъ и Спюарповъ всѣ гербы свои на мраморъ мавзолеевъ. Тамъ, какъ говоритъ Шапобрианъ о старомъ Сень-Денискомъ аббатствѣ, тамъ опускаются стѣны древнихъ сводовъ и смѣшиваются съ стѣнами древнихъ гробницъ: желѣзныя рѣшетки щещно окружаютъ эти гробы, и не могутъ защитить смерти отъ людской услужливости.

Легко повѣрить, что Веспминстерское аббатство изъ всѣхъ Лондонскихъ церквей, одно только говорило понятнымъ языкомъ поэтической симпатіи Чашпертона. Не разъ встрѣчали его, подобно стѣни, бродящаго въ привилегированной капеллѣ, гдѣ покоятся знаменитѣйшіе изъ поэтовъ Великобританіи. Онъ перечислялъ тамъ стѣнными надписи, внушающія уваженіе къ именамъ, вознесшимъ славу своего отечества еще выше, чѣмъ всѣ его знаменитые полководцы.

Однажды Чашпертонъ замечался продолжительнѣе обыкновеннаго въ капеллѣ, называемой *Roets corner*, до того, что не слыжалъ, какъ заперли соборныя двери, и церковный сторожъ на упрямство его спящимъ не далеко отъ доски, замѣняющей отсутствующій прахъ Шекспира.

Одинъ поэтъ можетъ вѣрно передать мечты, являвшіяся въ эту ночь Чашпертону. Не только монументальныя изваянія аббатства одушевились для него фантастическою жизнью; даже живописныя изображенія вышли для него изъ рамъ. Короли, Королевы, патриоты, поэты проходили мимо его длинною цѣпью; между ними увидѣлъ

онъ и созданія своего воображенія, «эпихъ великихъ вассаловъ смерши;» онъ увидѣлъ и Шекспира, съ снисхожденіемъ улыбающагося храброму рыцарю Силь Чарлзу Боудину, Сиръ Кенпелоуну Канингу, Миниспрелю Эмъ. Но увы! великолѣпное эпо зрѣлище быспро исчезло въ ночномъ мракъ, и измѣнившаяся декорация мечпаній предспавила ему менѣе знаменитыя сцены. Чашперсона увидѣлъ себя самого въ пропекшей жизни: напрасно хощѣлъ онъ не узнать нѣкоторыхъ своихъ воспоминаній, бытъ можетъ, слишкомъ похожихъ на угрызения совѣсти, бытъ можетъ слишкомъ унизишельныхъ для его гордаго самолюбія. Ему предспавились первые годы его жизни; онъ увидѣлъ себя ребенкомъ, выгнаннымъ изъ школы, по милоспи воспипаннымъ въ другой, имѣвшимъ обширныя познанія, но всегда обрѣченнымъ бѣдноспи; онъ видѣлъ себя и съ хлѣбомъ въ рукахъ въ домъ своей матери, и пишущаго нѣсколько дней сряду подъ диктовку прокурора, и при вдохновеніи своей музы принужденнаго приписывать лучшія свои произведенія старому монаху, изъ боязни, чшобы неизвѣстное имя не лишило ихъ чипапелей. Да! по крайней мѣрѣ такимъ образомъ успѣлъ онъ обратить на себя вниманіе, и изъ одной гордоспи все еще поддерживавъ, вопреки недоврїю, обманъ, лишившій его законной славы. Гораздо высшее чесшюлюбіе побуждало его опсправиться въ Лондонъ; но связанный конспракшомъ съ однимъ подьяческимъ судомъ, онъ долженъ былъ для его уничтоженія совершить самоубійство. Онъ рѣшился умереть или бытъ свобод-

нымъ; онъ вторично соспавлялъ свое духовное завѣщаніе подъ названіемъ: послѣднія желанія Томаса Чашперсона; и испуганный прокуроръ, Ламбершъ, опспушилъ его. Его навѣспили печальныя сеспры и мать его, спрашавшая за сына всѣхъ опасностей неизвѣстнаго пупи. Накопецъ ему предспавилась та минута, когда онъ, поднявъ руки къ небу, съ жаромъ сказалъ: «Утѣшьтесь, добрыя сеспры; не спрашисъ машушка: шамъ непоспизимый пупеводитель мой, шамъ блеспипшъ звѣзда моя, звѣзда поэта!» Но, вмѣсто этой звѣзды, мечпанвшейся ему на горизонтѣ, ему предспавилась одна только роковая бумага, на которой онъ написалъ самъ: Послѣднія желанія Томаса Чашперсона.»

Тщепно уже онъ спрашисъ; жребій брошенъ. Вопъ онъ опсправился, вопъ онъ одинъ, пѣшкомъ, на дорогъ въ Лондонъ, съ нѣсколькими шиллингами въ карманѣ; онъ оборачивается неволь-но по временамъ къ Бриспольскимъ колокольнямъ, которыхъ болѣе не увидипшъ; онъ плачетъ, вспомиивъ о своей матери, сеспрахъ. Ахъ! если бы можно было ворошисъ; но гордоспъ кричипшъ ему: иди! иди! и онъ спарается забыть минувшее, повшоряя: иди! иди! до пѣхъ поръ, пока не завидипшъ онъ эпого Англійскаго Вавилона, которого, вопъ уже передъ нимъ, закупанный въ свои вѣчныя шуманы. Приближаясь къ столицѣ, онъ какъ будшо слышипшъ въ опдаленномъ шумѣ предвѣщаніе, чшо шамъ, гдѣ еспъ мѣсто для всѣхъ знаменитостей, для царей по шаланпу и для царей по власпи, шамъ гоповъ шронъ и для

его непризнаннаго генія. Онъ воспламеняется среди непрерывнаго движенія эпого массивнаго народонаселенія; онъ предупреждаетъ свое шоржество; онъ уже воображаетъ себя превознесеннымъ пышачью устами славы; одно лишь его инкогнипо мнился ему причиною холодности. Но, что эпо за объявленіе, прибиное къ спънъ и около котораго шолпятся люди? Конечно объявленіе о его послѣднемъ швореніи... Онъ смошришь и чипаетъ: Последнія желанія Томаса Чашпертона! Все одинъ и шопъ же приговоръ, и еще написанный его рукою! Вся кровь заспываетъ у него въ жилахъ, и когда она ошпашь начинается обращать-ся, онъ приходитъ въ себя, чувствуешь всю свою безъизвѣстность; онъ краснѣетъ за свое изорванное платье; онъ чувствуешь ужасный голодъ, и хочетъ ушопить его, чипая наизустъ списхи свои, но слова замираютъ на устахъ; онъ хочетъ молишься, и произноситъ одни богохульства! Проходитъ нищій и проситъ милоспыни. Жесткокая насмѣшка! »Не проси у меня, говоритъ онъ бѣдняку, шы богаче меня. Да, другъ мой, мы можемъ бышь врагами или братьями, смошря по шому, раздѣлимъ ли между собою шопъ шилингъ, что бросиль шебъ въ шляпу эпотъ лордъ, или будемъ за него драшься.« При эшихъ словахъ сгуспились шучи, висѣвшія надъ Лондономъ. Чашпертолъ и нищій промокли ошъ проливнаго дожда. »Другъ, сказалъ поэшу бѣднякъ, кто призналъ новаго брата, долженъ дѣлишься съ нимъ всѣмъ; швое платье не предохранитъ шебя ошъ дожда, шакъ возьми шинель мою; покройся ею.« Въ эпо время провъз-

жаетъ мимо нѣсколько карешъ, и Чашпертонъ видитъ въ нихъ, по благороднаго лорда, кошораго не могли уронить въ общемъ мятнни его сапыры, по члена оппозиціи, для кошораго онъ сочинялъ рѣчи; однимъ, словомъ онъ увидѣлъ шѣхъ, для кого унижалъ шаланшъ свой, кому продавалъ свою совѣспъ. »Гроза ушихла, братъ, сказалъ нищій, поидемъ вмѣспъ. Вопъ богатыя похороны; поспѣшимъ, въ церкви вѣрно будушь раздавашъ намъ милоспыню.« Чашпертонъ слѣдуешь за нимъ; они приходяшь въ аббашспво въ шу самую минушу, какъ привозяшь гробъ. Но ошъ чего шакое шмяшеніе? ошъ чего ожешпоченный священникъ приказываетъ процессіи ворошиться? »Удалишесь, свяшопатцы! восклицаетъ онъ; нѣтъ мѣспа для гроба эпого въ храмъ Господнемъ. Вы говорите, эпо шрупъ поэша; но поэша нечеспивца, замыслява-шаго ниспровергнушь вѣрованія православныхъ лживыми вымыслами новой секшы; шрупъ невѣрнаго, вѣрившаго шолько въ собспвенное ничпожество, и кошорый самъ себя присудиль къ самоубійспву! Выкиньте шѣло изъ храма, бросьте его въ яму, и приколите его коломъ по обычаю предковъ. Чипайше, вопъ собспвенный его приговоръ! »И священникъ кидаетъ шолцъ бумагу, на кошорой Чашпертонъ ошпашь чипаетъ эши ужасныя слова: Последнія желанія Томаса Чашпертона. И шакъ судьба свершилась! говоритъ несчастный юноша при эпомъ послѣднемъ мечпаніи. Не еспъ ли эпо изображеніе моихъ похоронъ; и могу ли я бышь здѣсь послѣ прокляшя священника? Самъ не зная какимъ образомъ, онъ уви-

дѣлъ себя вдругъ въ древнемъ аббатствѣ, посреди гробовыхъ изваяній, кошорья, казалось, снова одушевились, и печально и жалоспно взирали на новаго госпія некрополиса. Тупъ фигура, изображавшая музу, опдѣлившись въ его воображеніи опъ барельефа, подходилъ къ нему и опершись на него, провозноситъ погребальный плачь Эллы:

»Повспорите со мною гимнъ печали! смѣшайте слезы ваши съ моими! Оспавыте, оспавыте пляски ващи, продолжавшіяся цѣлый день, какъ радостное жужжаніе пчелы. Нѣтъ болѣе любимца моего; простерпъ онъ лежищъ на одрѣ смерши подь ивою на берегу.«

»Волосы его были черны, какъ зимняя ночь, рука его бѣла, какъ снѣгъ, румяно лицо его, какъ денница; и вопъ холоденъ лежищъ онъ въ ямѣ! — Нѣтъ болѣе любимца моего; простерпъ лежищъ онъ на одрѣ смерши, подь ивою на берегу.

»Голосъ его былъ сладокъ, какъ пѣніе дрозда, походка его имѣла быспрошу мысли; увы! вы не услышите болѣе его голоса; неподвиженъ лежищъ онъ на одрѣ смерши, подь ивою на берегу.

»Слушайте! воронъ бѣспъ крилами въ цвѣщущей долинь; слушайте, ночная сова кричищъ призракамъ. Нѣтъ болѣе любимца моего; простерпъ онъ лежищъ на одрѣ смерши, подь ивою на берегу.

»Посмошрите, шамъ въ высотѣ блеститъ сѣдая луна, шамъ въ высотѣ власяница любимца моего; шамъ, гдѣ каждый день производищъ ушренній разсвѣтъ, гдѣ образуешся шемноша каждаго вечера. Нѣтъ болѣе любимца моего; простерпъ

онъ лежищъ на одрѣ смерши, подь ивою на берегу.

»Здѣсь, на могиль любимца моего, посажу я цвѣщы могильные; я умагчу землю и лугъ распещрю цвѣщами. Нѣтъ болѣе любимца моего; простерпъ лежищъ онъ на одрѣ смерши, подь ивою на берегу.

»Руками моими переплещу я боярышникъ, и сдѣлаю ограду вокругъ его шѣла. Добрыя феи, зажгите свѣщильники; здѣсь, я хочу, чшобы покоилось мое шѣло. Нѣтъ болѣе любимца моего; простерпъ лежищъ онъ на одрѣ смерши подь ивою на берегу.

»Прійдите, и колючими иглами шерновника выпустите изъ меня всю кровь, бющуюся въ моемъ сердцѣ; я презираю жизнь и всѣ ея удовольствія, ночныя пляски и дневныя веселья. Нѣтъ болѣе любимца моего; простерпъ лежищъ онъ на одрѣ смерши, подь ивою на берегу.

»Вась, нимфы, увѣчаннныя шроспникомъ, приглашаю я на мое погребеніе; вопъ я умираю; унесите меня; любимецъ мой ожидаетъ меня.«

Таковъ былъ сонъ Чашперсона въ Веспминисперскомъ аббатствѣ; первые крики молодыхъ воронъ, вившихъ свои гнѣзда на вершинѣ зданія, первые лучи солнца, и почши въ шо же время бряцаніе ключей церковнаго шпорожа, пробудили поэта...
»Могу ли я болѣе сомнѣваться, сказалъ онъ сбѣ; слава моя начнешся шолько съ моей смерши.«

IV. Катастрофа.

Черезъ недѣлю послѣ этого шроисшесшвія

мистрисъ Энджелъ, хозяйка дома, въ которомъ жилъ Чашпершонъ, видя, что онъ воропился до-мой блѣдный и усалый, сжалилась надъ нимъ и пригласила его съ собою объѣдаться. »Не думаеше ли вы, что я голоденъ?« отвѣчалъ онъ съ оскорбленнымъ видомъ. Несчастный не вѣлъ однако же болѣе шрехъ дней. Онъ вошелъ въ свою комнашу, сжегъ нѣкопорья бумаги, и проглотилъ напишокъ, пригошовленный имъ самимъ. Такъ какъ на другой день онъ не вышелъ въ обыкновенное время, то и подозрѣвали, не исполнилъ ли онъ свои намѣренія лишить себя жизни; выломали дверь его комнашы и нашли его мершвымъ; осмошръ шѣла, сдѣланый по приказанію уголовного судьи, показалъ, что онъ проглотилъ мышьякъ.

V. Эпилогъ.

Едва шолько кончилось слѣдствіе суда объ эпомъ самоубійствѣ, какъ крипики начали свое, продолжающееся еще и до сихъ поръ.

Однимъ дѣло эпо казалось удобнымъ случаемъ къ обвиненію всей публики; они говорили, что величайшій геній Великобританніи »умеръ съ голоду и опъ спраспи къ поэзій«. Эпи слова не всѣ находили очень умными, но они были сказаны и повноряемы.

Другіе приписывали смерть его невниманію Горація Вальполя, который оправдался, какъ шолько могъ, опъ нарѣканія.

Были даже шакіе, изъ моралистовъ и Христіанъ, которые брали смерть эпю шекшомъ для длинныхъ проповѣдей о гордости, неизлечимой болѣзни молодыхъ поэщовъ, опасности провозгла-

шать ихъ геніями и проч. Были даже слова, которья и шеперь имѣють ихъ примѣненіе и истинную спорону, хошя они шлишкомъ избытны и усшаръли.

Одни занялись липерашурнымъ разборомъ пошвой репушациі для шого, чтошбы вознеспи поэна выше его достпощства; другіе для шого, чтошбы унизишъ его. Одинъ говорилъ: »Если бѣ онъ еще жилъ, то далеко бы оставилъ за собою всѣхъ древнихъ и новыхъ писателей! На эпо другой отвѣчалъ, что надобно удивляться его ранней зрѣлости, а не шаланшу: онъ не могъ создашъ на шридцатомъ году своей жизни чтошбы либо лучше шого, что онъ создаль на осъмнадцатомъ; онъ зналъ эпо самъ, безъ шого бы онъ не сошелъ съ своего поспа. Великимъ геніямъ, равно какъ и великимъ государямъ, шлишкомъ шрудно обдумывать свое самоубійство, пошому что душа у нихъ по же владѣніе. Чашпершонъ расшисалъ, что онъ положишъ печашъ своей славы прагической кашаспрофюю. Онъ выдалъ лучшія свои произведенія и, новый Эмпедокль, бросился въ Эшну, чтошбы зашпаховать себя безшмертіе. Оспались одни его бронзовья сандалиі!« И пошъ же самый крипикъ говорилъ: Въ самомъ дѣлѣ, гораздо болѣе говоряшъ о его самоубійствѣ, чѣмъ о сочиненіяхъ. Произнося имена Коллинса, Грея, Бернса, вы воспоминаете восточныя эклоги перваго, элегію на сельскомъ кладбищѣ вшораго, Томъ О'Шанперъ или суббошній вечеръ у арендатора шрешьяго Но о какой же поэмѣ Чашпершона вы воспоминаете?

Можно было бы написать большіе томы о томъ, что было говорено о несчастіяхъ Чашпертона, о его добродѣтели, гордости, однимъ словомъ, о всѣхъ побудительныхъ причинахъ къ самоубійству.

Лѣтъ двѣнадцать тому, одинъ Французскій путешественникъ, желавшій на самомъ мѣстѣ освѣдомиться о Чашпертонѣ, спросилъ у соотечественника его, одного доктора, какое было въ Бристолѣ общее преданіе о Чашпертонѣ. Эпопъ докторъ, считая путешественника за своего товарища по ремеслу, отвѣчалъ: »Правду сказать, любезный докторъ, у людей нѣтъ лучшаго удовольствія, какъ продолжая споры; поному же они имѣютъ непреодолимую антинпатию къ самымъ проснымъ и самымъ еспешственнымъ происшествіямъ. Ни одинъ еще біографъ не обдумалъ вопроса, котораго вы мнѣ предлагаете. Лучше скажите, вопросъ о самоубійствѣ Чашпертона принадлежитъ совершенно къ медицинѣ. Онъ при рожденіи еще получилъ наследственное расположеніе къ сумасшествію. Отецъ мой часто говорилъ мнѣ, что онъ лечилъ одну изъ его сестеръ, подверженную той же болѣзни; теперь я могу вамъ показать его племянницу въ нашей больницѣ умалишенныхъ. Такой патологической случай нѣ редокъ. По попричинѣ знаменитости имени, я напишу вамъ вкратцѣ замѣчаніе, которое вы покажете вашему ученому другу и собрату, Г. Меркурину де Сень-Реми.

Опъ этой драмы и ея комментарій оспаш-

ся слишкомъ пягоспное впечатлѣніе, и поному меня вѣрно поблагодаряшъ, за то, что я старался доказать конспраспомъ, что звѣзда поэта не всегда бываетъ обманчивымъ метеоромъ, ввергающимъ его въ бездну: да, тамъ еспъ добрый ангель, неоспавляющій того, кто не оспавляетъ самого себя: это убѣжденіе соспавляетъ часть истиннаго паланша.

Еще кашаспрофа Чашпертона была свѣжа у всѣхъ въ памяти, какъ въ улицу, смежную съ пою, въ кошорой погребли его тѣло, пріѣхалъ молодой человекъ изъ графства Суффолкъ, почти однихъ съ нимъ лѣтъ, и шакой же липературный искапель приключеній, искашь счастья въ Лондонѣ съ 30 палерами въ карманѣ, и съ одной или двумя поэмами въ портфель. Эпопъ молодой человекъ, безъ покровителей, безъ друзей, опсправился изъ деревни, въ кошорой онъ родился, пропивъ желанія своего опца, человека, не слишкомъ образованнаго и невѣрившаго поэзіи, а особливо поэзіи его сына. По пріѣздѣ его рассказываютъ ему о несбывшихся надеждахъ и самоубійствѣ Чашпертона. Онъ блѣднѣетъ, слушая рассказъ; но, сохранивъ всю чиспоту Вѣры, онъ вознесъ горячую молишву къ небу, прося, чтобы оно сохранило его опъ подобнаго несчастія. Онъ принялся за работу, учился, писалъ, и когда почувспвовалъ, что онъ можетъ показать свои списхи истиннымъ цѣнителямъ каждаго дебюпанша, книгопродавцамъ, то и пуспился на поприще полнаго кандидата гласности. Почти вездѣ принимали его холодно или опказывали ему съ болѣе или менѣе учпивыми

увершками. Нѣкто замѣпилъ ему, что опыты юной музы не могутъ иначе явиться въ свѣтъ, какъ подъ покровительствомъ подписки, которая, по крайней мѣрѣ, обезпечила бы издержки издавателя. И вопль уже онъ принужденъ былъ имѣть дѣло съ аристократами тогдашняго времени. Онъ былъ гордъ, но надо же было пишаться и помочь несчастію бѣдности. Кошелекъ его былъ испощенъ, плащъ его было плащъ бѣдняка, и онъ припомъ еще былъ долженъ. Онъ обратился къ министрамъ, къ людямъ знанымъ и вельможамъ, слышымъ за покровителей липерашуры. Одни ему не отвѣчали; другіе замѣтили ему, что они обязаны покровительствовать только паланшамъ первостепеннымъ. Тогда молодой человекъ, безъ куска хлѣба и, оскорбляемый безвинно, невольно припомнилъ себѣ судьбу Чашперсона. Гордость его спрала, но въ сердцѣ его была другая спрасъ, кроме спраси къ спихамъ, непозволявшая лишать себя жизни изъ гордости въ восемнадцать лѣтъ отъ роду. Молодой провинціалъ изъ графства Суффолкскаго полюбилъ на родинѣ молодую дѣвушку, и этой любви онъ подчинилъ все, и липерашурную славу и богатство и счастье; шѣмъ онъ и опличался отъ Чашперсона, который управлялся лишь эгоизмомъ и былъ влюбленъ только въ свою поэтическую славу: Богъ и любовь озарили его послѣднимъ лучемъ надежды, Богъ и любовь дали ему еще нѣсколько дней терпѣнія. Первый министръ не читалъ ни его спиховъ, ни его просьбы; двери дома Лорда Шельборна захлопнулъ у него въ глазахъ наглый приврашникъ; Лордъ-

канцлеръ не нашелъ спихи его достойными покровительства; Лордъ Рочфордъ отказалъ ему въ нѣсколькихъ гинейхъ. Для чего жъ не опнесся онъ къ судѣ, болѣе справедливому и великодушному, къ человеку государственному, который славился своимъ умомъ и снисходительностью?

И такъ онъ написалъ наконецъ къ Эдмонду Борку:

»Милосивый государь!

»Чувствую, что мнѣ надобно бѣ было имѣть все ваши дарованія для того, чтобъ совершенно оправдаться въ смѣлости, которую беру, писать къ вамъ; но причина, побуждающая меня къ тому, какъ бы ни была просто выражена, сама себя, надѣюсь оправдаеть передъ умомъ и сердцемъ, споль возвышенными. Я одинъ изъ шѣхъ погибшихъ дѣшей міра, для которыхъ нѣтъ ни друзей, ни мѣстъ, ни куска хлѣба.

»Я долженъ войти въ нѣкопорыя подробности о самомъ себѣ. Опець мой былъ слишкомъ ко мнѣ приспращенъ, далъ мнѣ воспитаніе выше своихъ средствъ, и лучшее, нежели какое было для меня необходимо. Онъ назначалъ меня въ лекаря, но, будучи не въ состояніи окончить начатое ученіе, я только убѣдился, что опець мой обманулъ въ своихъ расчетахъ. Въ Апрель мѣсяцъ пришелъ я въ Лондонъ съ тремя гинейми, льспя себя надеждою, что эта сумма будеть мнѣ достаточна, чтобы прожить до шѣхъ поръ, пока паланшъ мой доставитъ мнѣ болѣе. Объ этомъ паланшѣ я имѣлъ слишкомъ высокое мнѣніе, и поэтическое шщеславіе его поддерживало. Я слыш-

комъ мало зналъ свѣтъ, и шо изъ книгъ; я писалъ и почипалъ мои сочиненія совершенными; тогда какъ у меня не было хлѣба, они общали мнѣ богашство; когда дрянное плашье подвергало меня презрѣнью, они пипали меня мечшами славы.

»Время, размышленіе и несчаспіе опкрыли мнѣ ошибку мою; шеперь я гораздо яснѣ цѣню свои бездѣлки; но какъ бы ни понизилъ ихъ въ своемъ мнѣнїи, я все еще убѣжденъ, что они выше того, что шеперь издаешся.

«Я зналъ немного покойнаго Г. Нассау, брата Лорда Рочфорда, и поэшому-то просилъ у него позволенія посвяпипъ его имени маленькое мое сочиненіе. Какъ въ немъ не было ни полипическихъ намѣковъ и ни какихъ личностей, шо все равно было для меня, кому бы я его ни посвяпилъ. Его свѣтлость почелъ эшо дѣло незначительнымъ для него и удоспоилъ принять посвященіе. Мнѣ сказали, что подписка будетъ самымъ выгоднымъ средствомъ для изданія моей книги, и я спарался опкрышь ее. . . . Эшошъ разсказъ, я опасаюсь, покажется вамъ скучнымъ; но повѣрьте, что я уже довольно за него наказанъ несчаспіемъ, внушившимъ мнѣ эши спроки. Опсюда вы легко заключите, что во время всѣхъ моихъ сборовъ я сбѣалъ гораздо болѣе издержекъ, нежели какъ шо позволяло мнѣ мое состояніе, но правду сказашъ, и самый бережливый человекъ не могъ бы ихъ избѣгнушь. Типографщикъ обманулъ меня, и тысячи препяпствѣй опстановили мое дѣло. Хозяева, у которыхъ я жилъ, замѣшили мое положеніе; бѣдный и не имѣя друзей, я принужденъ былъ,

пому два дня, подписашъ вексель въ семь гиней, чтообы избѣгнушь долга вдвое большаго. Я писалъ ко всѣмъ друзьямъ моимъ, но они пакъ же бѣдны, какъ и я; срокъ уплаты приближался, и я осмѣлился предшавить мое положеніе Лорду Рочфорду, прося его ссудить меня эшою суммой до пѣхъ поръ, пока я не получу ея съ моихъ подписчиковъ, шо есть до слѣдующаго мѣсяца; но на эшу просьбу не было отвѣта, и я можешъ бышь оскорбилъ милорда своею дерзостью. Тщепно упопреляя всѣ честныя средшва, я признался вчера, что я не въ состоянїи заплапипъ долга, и шолько усиленными просьбами получилъ опсрочку на восемь дней, но оппеченїи кошорыхъ я долженъ или заплапипъ или ипипи въ шюръму.

»Вы опгадаете, вѣрояпно, цѣль всей эшой исторїи. Я обратился къ вамъ, милоспивый государь, какъ къ человеку доброму, и, позволъте прибавить, къ человеку великому. У меня нѣтъ другихъ правъ на вашу благосклонность, кромѣ правъ несчаспнаго. Не легко перенести мысли о шюръмѣ и я пакъ робокъ, что спрашусь угрожающаго мнѣ започенїя. Не можете ли вы, милоспивый государь, помочь мнѣ какимъ нибудь средствомъ? Но не пошребуете ли вы доказашельствъ въ моей справедливости? Я обманывалъ себя, но не обманывалъ другихъ. Бышь можешъ, я могу возбудить ваше сожалѣніе. Я знаю что люди, возвышенные саномъ и счаспіемъ, обезпокоиваемые скучными просьбами, часшо даже принуждены опказывать просьбамъ людей, которые умоляютъ о помощи. И попому я нишу къ вамъ съ слабою на-

деждою, но вы проспите меня, милосливый государь, если не полагаете достойнымъ вашей благоклонности. Но нѣтъ, не возможно, чшобы въ васт не было чувствованій сердца сострадашельнаго и великодушнаго.

»Завтра я зайду къ вамъ, М. г., и если не буду имѣть счастья пріобрѣсть вашу благоклонность, то предамся на произволъ судьбы моей. Жизнь мнѣ спала бременемъ; все, что близко моему сердцу, все что дорого, обречено несчастію опъ моего несчастія. Мои сношенія съ свѣтомъ, копорыми я нѣкогда льспилъ себя, дѣлають для меня еще болѣе несносными удары судьбы и мнѣ оспалось только ждашь скорого конца жизни, въ копорую вспунилъ я подѣ споль неблагопріятной звѣздой. Я даже могу найши (хощя бы и не долженъ пѣмъ щеславилься) нѣкопорое ушѣшеніе, помышляя о прекращеніи плачевнаго бытія.»

И такъ честь имѣю бышь съ глубочайшимъ почтеніемъ, вашимъ, милосливый государь, покорнымъ слугою и проч.“

Боркъ былъ тогда заняпъ великою парламенпскою борбюю; онъ не имѣлъ шакого богатства, копорое позволяеть инымъ госудашвеннымъ людямъ распочашъ безъ разбора золопо, чшобы набирашь себѣ шолпы приверженцовъ; но это письмо и спихи, къ нему приложенные, показали ему достойными всего вниманія. Онъ посѣщилъ назначиль свиданіе на слѣдующій день молодому поэту, копорый, выходя изъ дома этого великаго человека, могъ благодариль небо, внушившее мысль къ нему писашъ. Боркъ не только ободриль его

умными совѣтами, но еще обезпечиль его будущность, представивъ его другимъ сильнымъ вельможамъ. Онъ представиль его и пѣмъ лордамъ, копорые прежде оказывали презрѣніе къ поэту, и они должны были сознаться, что судили тогда слишкомъ опрометчиво; онъ представиль его всѣмъ знаменитостямъ полишческаго и липературнаго міра; Фоксу, Доктору Джонсону, Ронельду, копорые могли служиль ему опорюю у людей знапныхъ и у крипиковъ. Молодой поэтъ издалъ первое свое сочиненіе, и провозглашень былъ поэпическимъ наслѣдникомъ Попа, Гольдсмита, и проч. Герцогъ Ронельдъ, богачъ, также много помогъ кліенту Борка, и еще недавно бѣдный и безвѣстный, а шеперь увѣренный, что можеть воспользоваться эпимъ *otium cum dignitate*, эпими благородными досугами, копорые пишали чеспольбіе Горація, молодой поэтъ поѣхаль на родину, чшобы женилься на шой, копорую всегда любиль болѣе всего, и обняшь опца своего. Обрадованный спарикъ, убѣдившись въ дарованіяхъ сына, захотѣль списашъ его поэму собственною рукою, чшобы легче зашвердишь ее наизуспъ.

Съ шой поры поэтъ оправдалъ покровительство Борка швореніями, копорыхъ однихъ только Лордъ Байронъ не включиль въ свою извѣспную сапиру. Онъ видѣль умноженіе изданій своихъ сочиненій, у богатаго книгопродавца Моррея, копорый плашилъ за нихъ вѣсомъ золопа, и прожилъ, уважаемый знапными и липературами. Третьяго Февраля 1832 года онъ скончался, почпи восьмидесятилѣпнимъ спарцемъ, и всѣ жи-

тели города, въ кошоромъ онъ родился, облеклись въ шрауръ, какъ и его семейство.

Эпошъ поэшь быль Джоржъ Краббе, и имя его, въ современной лишерашуръ Англии, успу-паешъ шолько именамъ Вальперъ-Скопша и Бай-рона.

Съ Фр. Ал. Селвъ.

МАТЕМАТИКА.

МАТЕМАТИЧЕСКІЯ ЛЕКЦІИ Г. АКАДЕМИКА ОСТРОГРАДСКАГО.

(Евгенію Федоровичу Коршу.)

4 Декабря 1836. С. Петербургъ.

Душевно радуюсь, что имѣю случай, вамъ, любителю всего полезнаго, сообщить очень пріятную новость, которую впрочемъ вы вѣрно знаете изъ газетъ, но безъ подробностей.

Вопрь уже двѣнадцатый разъ имѣли мы удовольствіе слушать лекціи Рускаго Геометра, кошораго, льшь семь тому, съ шакимъ же удовольствіемъ слушали сами Французы, въ самомъ Парижѣ, столицѣ геометровъ; у насъ шеперь свой родной геометръ, кошорымъ можемъ гордиться, и еще лучше—у него учиться; кошораго каждый мемуаръ,—ихъ ужъ очень много,—есть непременно какое шбудь новое открьшіе, новый подарокъ ученой Европѣ, слишкомъ гласно почпительной къ его шаланшѣ и шрудамъ.

Я могъ бы сказать, что вы, Москвичъ, позавидуете въ эпошъ разъ намъ Петербургцамъ, если бъ не зналъ вашей доброй, прямо Русской души, способной шолько радоваться шаспнію и успѣхамъ другихъ, за огорченія отъ другихъ шолько улыбаться, а уже вовсе не завидовать.

Да, я предшавляю себѣ, какъ вы радуе-

песь, попираете руками, глядя изъ Москвы,—у васъ чудесные очки,—прямо въ Морской Корпусъ: вопшь прекрасная зала, освѣщенная какъ на свашьбу, набиша бипкомъ: Русскіе Эйлеры, Лагранжи, Лапласы, Ньютоны, разумѣея будущіе, почти всѣ въ эполетахъ...

»Въ эполетахъ? можешъ ли это быть! Эполеты въдь неоптѣемая собствнность танцовальныхъ, а не Математическихъ вечеровъ! неужто Математика отчислила ихъ у паркета?»

— Нѣтъ-съ, не по; изволише видѣть: естѣ разные эполеты: паркетныя само по себѣ, Математическія само по себѣ. На лекцію собираются: инженеровъ Пушей Сообщенія 15, морскихъ офицеровъ 22, корабельныхъ инженеровъ 12, Генеральнаго Штаба 1, полевыхъ инженеровъ 3, разныхъ Гг. ученыхъ 8; всего 61.

Я вмѣстѣ съ вами безъ ума отъ восторга: 53 слушателя все въ эполетахъ, 61 всѣхъ слушателей Математики!... Представьте себѣ, самъ Коши, предводитель Парижскихъ анализовъ, не всегда насчитывалъ ихъ у себя до 20; въ Парижѣ, гдѣ и барыни не пугаются анализа, гдѣ анализъ по же въ числѣ модныхъ «головныхъ» уборовъ. Между постоянными слушателями мы замѣтили шрехъ нашихъ академиковъ, сочленовъ Г. Остроградскаго, извѣстныхъ всей ученой Европт: В. Я. Буяковскаго, Э. К. Ленда, П. В. Тарханова. Этого не запомнятъ ни въ Парижѣ, ни въ Берлинѣ. Кромѣ ихъ мы замѣтили еще многихъ заслуженныхъ шшабъ-офицеровъ. Какъ же не радоваться, что у насъ естѣ кому, и естѣ кого

слушать! и никто не спыдился быть слушателемъ. Еще за полчала до начала всѣ уже на мѣспяхъ. Радущіе хозяевъ видно во всемъ, даже въ мелочахъ: непринужденность, свобода, вы какъ у себя въ кабинетѣ: всѣ ваши ученыя нужды предусмопрѣны, вамъ видно, слышно, свѣшло, сидѣть покойно. Хопише записываешь? — Къ вашимъ услугамъ, передъ вами гошова бумага, перья и чернила, не нужно шаскашь съ собой. Не бойшесь, вамъ не придется полчала опыскивать свой плащъ, свои галоши, или обмѣняешь съ сосѣдомъ. Освѣщеніе и позиція доски, вещь очень важная на лекціяхъ, принаровлены прекрасно. Обо всемъ этомъ думали.

— Чувствую, чувствую;... вамъ хочется скорѣе знать: что такое мы слушали, что намъ предлагали, какъ намъ предлагали?

Я однимъ приемомъ нацѣло рѣшу вашъ вопросъ. Геніяльный шалантъ, признанный всеми, безконечная начипанность, удивительная память, самая счастливая способность съ быспротою молнии сблизашъ самыя опдаленныя вещи, головокружающая вышина, съ кошорой Русскій геомешръ обзираешъ обширнѣйшій горизонтъ анализа, даюшь ему полную возможность усмапривашъ самыя крапчайшіе пуши, ведущіе къ шой же цѣли. Эпимъ-то пушемъ онъ ведешъ своихъ слушателей. Нельзя не удивиться, какъ просто, сжато, какъ ясно излагашъ онъ самыя сбивчивыя, распянушыя, темныя теоремы.

Какъ человекъ совершенно владыющій своимъ предметомъ, онъ кажется шупишь, а не работаешъ; и это дѣло, всегда боязливое, всегда по-

слушное своему масперу, шочно само собою дѣлаешся; даже досадно, шеперь и я бы кажешся, шо же самое придумалъ, шакъ все это просто.

Вѣдь вы знаете Михаила Васильевича? Какая драгоценность для слушателей! Природа дала ему и самую наружность истиннаго профессора. Прекрасный, видный ростъ, «прямо пропорциональный» вышность его генія, открытое, значительное лице, голосъ чистый, яркій, звучный, мудрено ли, что онъ слышенъ въ залѣ для 60 слушателей, когда его слышатъ, въ отдаленнѣйшихъ краяхъ Европы, безчисленные слушатели. Сообразивъ все это, вы уже можете составить полную идею, что и какъ намъ передается.

Но рассказывашь подробности чтенія, не мѣсто; однимъ могу успокоить любопытство ваше: Михаилъ Васильевичъ передалъ право редакціи своего чтенія, подъ собственнымъ руководствомъ, двоимъ изъ своихъ слушателей (*). Лекціи будутъ напечатаны; тогда можете воспользоваться этою драгоценностію наравнѣ съ другими, и вполне насытить свое ненасытное любопытство.

Въ ожиданіи этого счастливаго событія, я возобновлю давно прерванный нашъ разговоръ, помните ли? а я съ восторгомъ вспоминаю, какъ въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ, когда вы еще были въ Петербургъ, Редакторомъ Б. для Ч., собралась у васъ полная энциклопедическая бесѣда, въ кошорой сначала,

(*) Корпуса Корабельныхъ Инженеровъ Капитану Бурчаку, и бывшему питомцу офицерскихъ классовъ Морского Корпуса, Лейтенанту С. И. Зеленому.

ла, по очереди, воспѣвались хвалы каждой наукѣ порознь, и кошорая пошомъ разразилась въ самый шпортовой споръ, о первенствѣ одной изъ наукъ. Каждый, когда на шо пошло, захопѣлъ удержатъ его за своей любимицей. Посыпались перуны доводовъ, заблispали молніи софизмовъ. Забавенъ былъ эшотъ споръ, какъ и все споры забавны; вы были-только хозяинъ и слушатель, рѣдко становились въ ряды сражавшихся; но всегда съ успѣхомъ. Помню я ваши свѣшлыя и прекрасныя мысли, когда на сценѣ оставались шолько двѣ непримѣримыя паршіи-Математишкы и словеснишкы. Теперь это очень кшати.

Доказывашь, что одна наука полезнѣе другой, все шо же, что говорите: пудъ больше аршина, ухо полезнѣе глаза, или нога-руки. Все члены необходимы; все науки нужны. Есть люди безъ уха и живутъ. Есть липераторы безъ Математики и пишутъ. Есть математикы не въ ладу съ языкомъ, а чудеса открываютъ. Не худо, когда у человека и ухо есть; не худо если липераторъ знаетъ и Математику; не худо и Математику сродниться съ Изыщною Словесностію.

Дѣлаемъ шагъ впередъ. Все органы, члены и кусочки въ человекѣ, составляющъ одно прекрасное цѣлое—человекъ; и дающъ ему возможность видѣть, слышать и ходить, выполняющъ все функции человека *физическаго*.

Все науки и искусства, шакіе же органы, члены и кусочки человека *умнаго*, очеловѣченнаго, кошорый шѣмъ болѣе изъ двуногаго становишся человекомъ, чѣмъ болѣе въ немъ эшихъ членовъ,

дающихъ возможность его умственнымъ органамъ видѣть, слышать, ходить, *рышать* всѣ *функции* чловѣка *умнаго*.

Совершенный физическій чловѣкъ имѣетъ все; но иные члены его, въ честь, другіе не въ честь; голова и сердце важнѣе другихъ; но всѣ необходимы.

Совершенный разумный чловѣкъ знаетъ всѣ науки, всѣ искусства, пришедшія въ совершенство; но должны бытъ и науки первостепенныя и второстепенныя. Голова — науки; сердцу — искусства, памяти — навыкъ, воображенію — вымыселъ. Плоха голова съ одной наукой, слѣпо сердце безъ головы; безъ памяти и воображенія и то и другое, ни шагу впередъ. Тупъ нѣтъ дѣлежа: все или ничего!

Но всѣ безчисленныя, разнородныя науки и искусства, могутъ ли совмѣститься въ одномъ чловѣкѣ, если напередъ сами межъ собой не солюются въ одну науку, въ одно искусство?

Что такое наука? что такое искусство? *Наука* открываетъ истину въ мірѣ вещественномъ, живомъ и разумномъ. *Искусство*, эпу истину, до-бытую наукой, обращаетъ на пользу, счастье, удовольствіе и довольство чловѣка.

Искусство, тѣло, наука, душа. Наука безъ искусства—душа безъ тѣла, что-то химерное, несродное чловѣку. Искусство безъ науки—что-то мертвое, ископаемое.

Но эпа наука, но эпо искусство, не шеперешнія. Они когда то еще будутъ добывать чистую истину въ природѣ, и передѣлывать эпу истину

на чистое счастье, пользу, удовольствіе и довольство чловѣческаго рода; а шеперь, какъ послѣ Вавилонскаго смѣшенія, наука и искусство раздѣлились на сто племень и тысячу коленъ, и разбрелись по свѣшу. Каждое племя роется въ своемъ уголкѣ, добываетъ изъ тысячи пудовъ грязи, кой когда ползолотника золота, да и по пополамъ съ лигашурой; каждое племя, въ чужомъ уголкѣ, видишь только груды грязи, а золота кромѣ своего, малую полику, не видишь. Отсюда, усердное презрѣніе каждаго ученаго племени, ко всѣмъ оспальнымъ: причина? »Не знаю швоего.«

Искусство недальше ушло: шакже раздѣлилось, шакже разсѣялось: ни какой науки знать не хочеть. Безъ науки нѣтъ истины, нѣтъ золота, за неимѣніемъ золота оно лепитъ свое счастье, пользу, удовольствіе и довольство, просто изъ глины, и еще проще изъ грязи, подъ лакомъ или безъ лака; а при изобиліи шого матеріяла, каждое племя охотно швыряетъ имъ въ своихъ собратій и во всѣ племена наукъ.

На что похожа эпа пушаница въ наукахъ и искусствахъ? и къ чему она ведетъ? Она похожа нѣсколько на невѣжество, а поведеть ни ближе, ни дальше къ невѣжеству, если всѣ и каждый не шпшараются, мало шого, что уважатъ чужія племена науки, сполько же какъ и свое, но главное сблизатъся, сходятъся, сливатъся своими ручейками въ главныя рѣки, главными рѣками въ одинъ океанъ свѣша и красоты—науки и искусства.

»Возможно ли эшо?«

— Кажетъся! единство, общій законъ природы,

цѣль всего существующаго! Когда каждое племя разработаетъ всю свою руду, добудетъ все свое золото, очистишь отъ всякой примѣси, тогда у всѣхъ будетъ только золото, золото и золото (*), будетъ одно: одна наука, одно искусство. Нынѣшняя необозримая сложность каждой науки, происходящая не отъ множества золота, а отъ множества примѣси, пыли и песку, обратится въ простоту и ясность истины. Красота, созерцаемая во свѣтѣ истины, будетъ общимъ закономъ вкуса всѣхъ искусствъ. Но этого раньше 2 Ноября, 2836 года, не будетъ.

Съ этого счастливаго года спануть одного наукою освѣщаютъ всѣ головы, какъ теперь однимъ газомъ освѣчаютъ и палаты и лачуги. Наука будетъ такъ проста, что ее будутъ разносить въ рецепиентахъ съ краномъ: спойшь только крошечку повернувъ кранъ—и кандидатъ, еще побольше—и магистръ, совсемъ отвернушь—и докторъ науки наукъ, безъ всякаго экзамена и промоціи. То же объ искусствахъ. Наукъ, свѣтъ, искусству, теплота; отъ обихъ вмѣстѣ свѣтъ и теплота и жизнь.

Еще шагъ впередъ. Чтобы науки могли сливаться въ одну, надобно каждой изъ нихъ заранѣе гипсовитъ себя бытъ головой, глазомъ, рукой и ш. д. Одна изъ наукъ должна бытъ въ изголовьи, служить клеємъ, припоємъ, кошорый мало по малу споеетъ всѣ ихъ въ одну. Прошу опыската эпошъ припой, эпошъ фундаментъ, общій для всѣхъ наукъ?

(*) Ахъ! да это чудесно!

(Примѣчаніе наборщика.)

Опыската его не трудно; надо только согласиться еще на два предложенія:

Каждая наука имѣетъ свое искусство, свое мастерство, невходящее въ разрядъ искусствъ собственно называемыхъ.

Каждое искусство имѣетъ свои правила, свою науку, принадлежащую къ себѣ собственно наукъ. Каждое искусство со всеми своими правилами, своею удѣльною наукою, все останется искусствомъ, а не наукой.

Ни какая наука, со своимъ удѣльнымъ искусствомъ или мастерствомъ, не перейдетъ въ область искусствъ.

Напримѣръ, Словесность есть искусство, искусство »по превосходству.« Математика есть наука, наука »по превосходству.« Но изъ за того что въ словесности есть свои правила, есть своя наука Словесности, эта Словесность не дѣлается наукою, а все таки остается искусствомъ. Она не роется въ рудоконяхъ истины, не добываетъ золота; а уже изъ добытаго золота работаетъ разныя издѣлія.

Изъ за того, что въ Анализѣ нужно искусство, нужно бытъ искуснымъ математикомъ, чтобы больше и успешнѣе добывать истины, онъ никакъ не дѣлается искусствомъ; все остается наукой.

Теперь легко найти изголовье всѣхъ наукъ. Если позволите доложить, эпошъ...

(Solo. Con vivace. staccato).

»Небось своя Математика? вишь какой! прочее!...

— Исторія генераль-наука! она....

— Вошь нашель! — Географія столиц.....

— Помилуйте! какъ эшо можно....

— Хирургія универсал.....

— Чшо вы знаете.... Безъ коммерціи ни гроша.

(Tutti. Fortissimo. Con Furioso).

— Убирайся съ коммерціей!.. моя Экономія!..!

моя Ботаника!.. моя Полифика!.. моя Геологія....

моя Физиологія... моя Репорика!!!! моя!... моя!...

моя!... (poco a poco crescendo ad finem).

— Батюшки! какой шумъ! Господа! Господа! Господа! послушайте! постойте! на минушу! присядьте! Ну вошь на силу усълись!

»Высокоименное сословіе! Понеже въ сей порожественный день, предстоя лицу вашему, высокою честию объемется душа, изъявляющая, пополюку пополюку соблагоизволище....«

— Мочи нъшь! Евгений Федоровичъ! говорите сами! Вы учились въ Университетъ, вы сами слыхивали, вы сами писывали, по программъ, высокопорожественныя ръчи; вы скорый подладились на эшошь манерь. А наши брашь — кадетъ; со всемъ языкъ не гнется.

Вошь съ вами, вошь съ такими какъ вы, о эшо другое дъло, чшо хочешь можно поръшишь. Не даромъ пословица: »легче съ умнымъ шельгу вешь, чъмъ съ дурнемъ, кашу ъсть.«

— Эшо говоришь пословица, а не я. Мнѣ зачъмъ эшо говоришь!

И такъ, я опять »на счетъ ружья!« (*) Главная тема:

»Матемашика есть явная или скрытая основа всѣхъ наукъ.«

Давайте на эту тему разыгрываь варіаціи.

»Матемашика есть не чшо иное, какъ всеобщал, универсальная Логика, въ обширнѣйшемъ смыслѣ слова; ни больше, ни меньше,

»Не много ли? вы скажете. — Дослушаемъ.

Все, чшо Матемашика добываетъ, доказываетъ, есть истина, чистое золото. Математическая истина вошла въ пословицу.

Вещественная природа съ своимъ пространствомъ, временемъ, своими силами, законами, своими явленіями, и шеперь уже въ расправъ Матемашики. Если она часто бунтуесть противъ этой расправы, значить пополько, чшо дъло не пришло еще къ концу.

Природа вещества, природа жизни, природа ума, природа духа, подчинены однимъ законамъ.

Когда Матемашика сладить съ вещественнымъ классомъ природы, тогда примънится и къ прочимъ классамъ. До этого еще далеко, но эшо ея непремънное назначеніе, ея цъль; и вошь почему:

Матемашика по »данному« находитъ »искомое.« Чшо бы ни было по данное, чшобы ни было эшо искомое.

(*) Смотри въ Новоселье, о томъ, какъ Иванъ Ивановичъ поссорился съ Иваномъ Никифоровичемъ.

Даннымъ можешь быть все, что можно выразишь въсомъ, мѣрой и числомъ. Искомымъ можешь быть все, что можно взвѣсншь, смѣрять, исчислишь опвлеченно или вещественно; а это все, обнимаешь все, что только можешь подойти подъ понятіе чловѣка, родить въ немъ идею.

Соломонъ сказалъ,—Соломону еще никто непротиворѣчилъ,—что мѣръ, или по нашему природа, усроена по вѣсу, мѣрѣ и числу. Спало бышь, какимъ порядкомъ она усроена, такъ и изслѣдовать ее должно. Спало бышь вся природа, со всѣми своими классами, подчинена Математикѣ.

Чловѣку суждено все познавать посредствомъ чувствъ, посредствомъ опыта; «раціональныя» познанія—химера: онъ долженъ самъ себя добывать данныя въ мѣрѣ, вѣсѣ или числѣ; анализъ берется дѣйствовать только тамъ, гдѣ опытъ даетъ факты, данныя. Не вѣрны данныя, не вѣрны и результаты анализа. Но самъ анализъ вѣренъ; самъ же онъ и обличаетъ это.

Анализъ дѣйствуетъ надъ количествомъ. *Всякая наша идея есть математическое количество.*—Прикажете доказать? Нѣтъ, я боюсь обидѣть васъ, Евгений Федоровичъ, сомнѣемъ въ вашей увѣренности и знаніи эпои истины, всѣмъ извѣстной, которую вы миллионъ разъ испытывали въ самомъ себѣ, и вѣрно замѣтили: что всякой предметъ, маломальски опвлеченный, мысленный, нечувствительный, до тѣхъ поръ для насъ непонятенъ, до тѣхъ поръ не родитъ въ насъ ни какой, даже шуманной идеи, пока мы не подберемъ для этого предмета удачной чувственной формы, поршрета, кафшана, часпо

условныхъ, но необходимо вещественныхъ. Когда мы «сформовали» свой сверхчувственный предметъ, когда эта форма подѣйствуетъ на одно изъ нашихъ чувствъ, о, тогда онъ намъ понятенъ; въ умѣ потчасъ родится идея, но идея не самой сущности предмета, всегда для насъ недоступной, а только его формы, хотя бы по условной: но съ насъ и этого довольно; мы уже ясно понимаемъ свой предметъ, мы уже опличимъ его въ тысячу другихъ. Но какъ всякая форма зависить, опредѣляется пространствомъ, или временемъ; или обѣими вмѣстѣ, а оба вмѣстѣ онъ супъ родники математическихъ количествъ, то и всякая наша идея есть непременно математическое количество. Идея ясная та, которую можемъ опличить опыту другихъ идей, т. е. взвѣсншь, смѣрять или сосчитать ее въ сравненіи съ другими идеями.

Чловѣкъ въ нынѣшнемъ состояніи можешь только сравнивать и брать отношеніе между вещами, между всѣмъ тѣмъ, что можешь дѣйствовать на чувства. Это отношеніе, это сравненіе и есть фабрика нашихъ идей, математическихъ количествъ.

Тремя приемами чловѣкъ соспавляетъ свои идеи, свои количества: или находишь что одна идея больше другой, или одна идея меньше другой, или одна идея равна другой. Последнее всегда ясно и вѣрно; а первыя пребують еще: «На сколько,» или «во сколько» одно больше или меньше другого; иначе будетъ неопредѣлимость, неясность идеи.

Эти при приеме произвели все то, что перывало въ чловѣческомъ мозгу, что лежипъ въ библіотекахъ.

Вмѣсто «больше» поставьте: лучше, красиве, слаще, звучнѣе, спрашнѣе, поставьте какое угодно прилагательное, и вы увидите, что всякая идея можетъ сдѣлаться аналитическимъ количествомъ, которое вы означите буквою и подвергнете всѣмъ дѣйствіямъ анализа; однимъ словомъ, будете рѣшать всякіе вопросы. Но здѣсь новое условіе: надо напередъ одну изъ однородныхъ идей взять за единицу, за аршинъ и съ нею сравнивать другія идеи,—мѣрять ихъ этимъ аршиномъ.

Вся хитрость въ томъ, чтобы удачно выбрать единицу—аршинъ идей или количество того рода; и попомъ изъ опытовъ, наблюдений, найти «отношеніе» прочихъ идей къ той единицѣ.

Еще разъ повторю, идея единичная совершенно произвольна, условна: но должна быть удачна. Безъ нее нельзя вычислять; а съ нею все можно.

Идея, аршинъ, мѣряетъ вамъ всякое пространство.

Идея, секунда, сосчитываетъ всякое время.

Идея, фунтъ, взвѣситъ всякой вѣсъ.

Идея, градусъ, въ термометрѣ, барометрѣ, пирометрѣ, и проч., смѣряетъ вамъ тепло, холодъ, разширеніе, усышку, ими производимую.

Идея, нота, измѣряетъ всякую музыку.

Идея, вѣроятность, исчисляетъ случаи, обшпательства, авось.

Спранное дѣло! Анализъ исчисляетъ пространство

ство, время, вѣсъ, всякую силу, движеніе, жизнь; тепло, холодъ, свѣтъ, темноту, мелодію, идеи, повидимому неувимыя, сполько же, какъ и идеи: сладко, горько, больно, добродѣтельно, порочно, истинно, ложно, и проч. и проч. и проч. Тѣ, говорю, идеи, анализъ подчинилъ себѣ попомъ сполько, что выбралъ удачно единицы; а опытъ вѣрно сравнивалъ прочія идеи того же рода съ своею единицею.

Выберите единицу сладкаго, горькаго, геройскаго, пріятнаго, болезненнаго, порочнаго и пр.; умѣйте наблюдать отношенія прочихъ идей, къ своей единицѣ, и вы получите количества, посредствомъ которыхъ анализъ рѣшитъ вамъ все. Это не легко, согласенъ; но не невозможно!

Конечно, анализъ не рѣшитъ вамъ, жилъ ли на свѣтѣ Неронъ, и какою кривою линіею былъ образованъ носъ Марка Аврелія? это факты; анализъ не создаетъ фактовъ: онъ работаетъ надъ гошовымъ, сырымъ матеріаломъ, фактомъ; но работаетъ изъ него чудесныя вещи.

Но такъ какъ все то, что подлежитъ нашему пониманію, что родитъ въ насъ идеи обмѣренныя, взвѣшенныя, сосчитанныя, хотя это не всегда замѣчаемъ; какъ все это говорю, являюща въ пространство и времени; а пространство и время, есть неопъемлемая собственность анализа, спало бытъ:

Математика дѣйствительно есть универсальная Логика!

Спало бытъ: «Машематика есть видимая или

скрытная, но непрѣмная основа всѣхъ человѣческихъ наукъ.»

Если многимъ господамъ наукамъ, кажется, что Математика у нихъ «ни къ селу, ни къ городу,» это значитъ, только непогнѣвайшесь. *Mesdames*, что вы не учились Математикѣ, не знаете ея; еслибъ знали, клянусь узорчатыми переплетами вашихъ колоссальныхъ томовъ, что эти колоссальные томы обратились бы въ брошюрки, но содержали бы въ себѣ золота миллионъ крапъ больше. Если бъ вы ее знали, вы бы сдумали «примѣнить» ея дѣйствія къ своимъ нуждамъ; и вмѣсто того, чтобы ползти черепашинымъ галопомъ къ открытіямъ, къ совершенству, вы полезли бы съ быспропою паровоза. «Сама себя, раба бьешь, когда не чисто жнешь.» Богъ съ вами, до 2 Ноября 2836! тогда увидимъ, кто правъ и кто не правъ.

Пойдемъ еще дальше: покажемъ, ошчего такъ легко и просто анализъ дѣлаешь эти чудеса; и ошъ чего именно онъ есть универсальная, всеобъемлющая Логика, не ша Логика, которая обнищаетъ только ошъ 10 до 15 печатныхъ листовъ, и сошши двѣ дефиниціи, которыя, какъ зонтики, очень хорошо защищаютъ ошъ дневнаго свѣта, чтобы онъ не кололъ глазъ, привыкшихъ къ пошекамъ, и которыя придуманы на случай парадныхъ двепуговъ, что бы поднявши ими пыль столбомъ, замушаншь Божій свѣтъ.

Математическій анализъ есть необходимое, благодѣтельное пособіе для нашего ума, крѣпко придавленного «человѣчиной,» въ борьбѣ съ неизвѣ-

стнымъ, въ борьбѣ съ искомымъ; это дорога, безъ которой трудно итти, это корабль, безъ котораго нельзя переплыть ошъ одной испины къ другой, раздѣленныхъ пучиною неизвѣстностей, какъ берега—рѣкой или моремъ. Это, если хотите, машина, съ которою одинъ умъ сработаетъ за сто, чище и вѣрнѣе.

Умъ нашъ самъ собою можетъ дѣлать только *сложеніе* и *вычитаніе* простыхъ идей: *сложеніе*, когда спавишь одну идею подлѣ другой, чтобы суммою ихъ произвешъ сильнѣе эффектъ или новую сложную идею; *вычитаніе*, когда спавишь рядомъ противоположныя идеи, берешъ ихъ разность, сравниваетъ. Рѣдко онъ употребляетъ *пропорцію*, еще рѣже *прогрессию*, со всею неопредѣленностію ихъ членовъ, и то, какъ простой способъ сравненія, а не какъ средство по премо даннымъ находить четвертое; вопъ все, что умъ нашъ можетъ дѣлать непосредственно. Всѣ наши періоды суть функции, суть формулы, составленныя помощью *сложенія* или *вычитанія* идей, ни какъ не больше, и то самыхъ грубыхъ, выраженныхъ словами; всѣ наши страницы, составленныя изъ періодовъ, всѣ наши книги, составленныя изъ страниць, всѣ наши библіотеки, даже и Б. для Ч., составленныя «изъ книгъ,» кромѣ *сложенія* и *вычитанія* не знаютъ; даже пошъ судорожный, Самозванецъ; Трансцендентный анализъ Германскихъ головъ, дальше *сложенія* и *вычитанія* не доходилъ, и самъ собою не доидешъ.

Умноженіе и *дѣленіе* для ума недоступны безъ особыхъ условныхъ знаковъ. Одинъ только ана-

лизъ, имѣя эти знаки, умножаетъ и дѣлитъ. Этимъ однимъ ужъ онъ опередилъ школьную логику. Но анализъ ушелъ безконечно дальше: онъ возвышаетъ идеи во всякую степень, отъ нуля—ничтожества, до безконечнаго положительнаго и отрицательнаго, подъ копорымъ, безъ аналитическихъ знаковъ, преснешъ самый чугунный черепъ. Анализъ шупя извлекаетъ корни, находитъ *коренную* идею, приведшую къ самой сложной идеѣ. Анализъ приводитъ всякой вопросъ къ уравненію, содержащему данныя и искомыя, рѣшаетъ уравненіе, находитъ искомыя.

Этого мало. Анализъ пошелъ еще дальше: положивъ рѣзкія примѣпы между идеями положительными и отрицательными, идеями о нуль, о конечномъ, безконечно маломъ, безконечно великомъ, измѣняющемся и постоянномъ, о *предѣль* идей къ нему приближающихся и никогда его недостигающихъ, копорыя называются *ирраціональными*; владя всѣми этими элементами идей, идей, обнимающихъ всѣ классы природы отъ вещественной до разумной, анализъ изъ простаго переходитъ въ Трансценденстный. Тупъ новые элементы идей: логорифмическіе, экспоненціальные, тригонометрическіе, эллиптическіе, дифференціальные, интегральные, варьяціонные, копорыхъ оспрее,—оспрѣе бисерной иголки,—проникаетъ, улавливаетъ, осязаетъ самыя микроскопическія и самыя телескопическія, безконечно малыя и безконечно большія переменныя, явленія, работы ума и природы.

Трансценденстный анализъ и къ этимъ не осязаемымъ для чувствъ идеямъ, прилагаетъ свои

дѣйствія также просто, также свободно, какъ и къ самымъ грубымъ, вещественнымъ идеямъ, подчиненнымъ простой алгебрѣ, управляется съ трансценденсными формулами и функциями, гдѣ сокуплено безконечное число всякихъ аналитическихъ дѣйствій надъ идеями положительными, отрицательными, дѣйствительными, мнимыми, конечными и безконечными, рациональными и ирраціональными, управляется также легко, какъ и съ простымъ сложениемъ: дѣло, подъ копорымъ изнеможатъ вся сумма гениальнѣйшихъ умовъ, невооруженныхъ анализомъ.

Но это не все: замѣчали ли вы за собой и за каждымъ: всѣ мы хотимъ «наименьшими» средствами произвестъ «наибольшее» дѣйствіе; за самыя малыя деньги купить самый дорогой поваръ, въ самое короткое время кончить самый большой трудъ, самыми малыми трудами достигнуть опдаленнѣйшей цѣли. Довольно примѣровъ. Весь бытъ чловѣка грамотнаго и безграмотнаго, дѣльнаго и бездѣльнаго, вершился около maximum и minimum, около «наибольшаго» или «наименьшаго» во всемъ и всегда. Вся природа поже.

Найти истинное мгновеніе, истинное мѣсто, почку, гдѣ спощъ это «искомое» наибольшее или наименьшее, не перешагнувъ его ни въ шу, ни въ другую сторону, можешъ анализъ, и шолько одинъ анализъ; это ему ровно ничего не спощъ, какъ простое сложение. Но умъ, невооруженный анализомъ, можешъ шолько дѣлать попышки, добираться ощупью до maximum или minimum и все-

гда не вѣрно, съ чрезвычайными усилями, до упаду.

Что анализъ называешь *дѣйствиємъ* надъ идеями, надъ количествами, то въ просторѣчи мы называемъ *размышленіемъ*. *Вычислять* и *размышлять* синонимы. Дѣйствія алгебраическія и дѣйствія трансцендентныя, что это такое?

— Это *законы мышленія!*

— Это итъ законы, которыхъ ищешно добиваешься *пѣшая* Логика, до которыхъ никогда не дойдешъ *пѣшкомъ*? это *путь*, по которому умъ долженъ итти, и *трость* которою онъ долженъ подпираться, чтобы не заблудиться и не упасть въ изнеможеніе; это общая *форма, колодка*, по которой онъ долженъ оплывать, кроить, разсѣивать свои идеи, чтобы дойти къ искомой истинѣ.

А когда такъ, то анализъ математическій есть истинная универсальная Логика. А какъ Логика, онъ спало бытъ, непремѣнное основаніе, фундаментъ всѣхъ возможныхъ наукъ, пѣхъ, наукъ которыя не изъ пустаго въ порожнее переливаютъ, а старающія изслѣдовать свою *грань* истинны; — истина есть многогранникъ, имѣющій безконечное число различныхъ споронъ. По этомушо всѣ науки *односторонни*, да больше опъ нихъ и не иребуется; пусть обрабатываютъ каждая свою спорону, пока всѣ упростятся и сольются въ одно свѣтлое познаніе истинны со всѣхъ споронъ: *созерцаніе истинны!*

Но пусть же эти одностороннія науки спрашиваются у анализа, какъ принялись, продолжая и кончишь эти работы.

Вы улыбаешесь, Евгений Ѳедоровичъ? бѣишесь, что скажущъ, «неприкажете ли и познамъ учишься у анализа писать стихи?»

— Да; если стихописаніе есть наука; а когда оно искусство, тогда анализъ пособитъ ему записать самыми добротными матеріалами свѣта и красоты, безъ кошорыхъ, часенъко пописываютъ водичей, подкрашеною фразами.

— Да, пускай ихъ смѣются, сколько хопящъ, а право не смѣшно! Безъ анализа долго будушь переливать изъ пустаго въ порожнее, разрывать горы пыли и песку и добывать песчинки золота.

Но чтобы убѣдиться въ этомъ, надо напередъ изучишь всѣ пайны анализа. Какъ о помъ судить, чего не знаешъ. Незабавно ли, если бъ я, не зная даже складовъ, спалъ практиковать Каншовой практикы?.. а это едва ли не такъ дѣлается? Не грѣшно ли, алгебраическими и даже ариѳметическими свѣденіями мѣрять бездонную глубину анализа. Азбучникъ: къ Каншу: алгебришь (не говорю ариѳметикъ): къ анализу!

«Экой молодець! спасибо! хочешь чтобы мы посломали головы надъ этими каракульками, чтобы мы повысохли надъ этою сушью опъ смертной скуки и поски!»

— Это скажущъ, не вы, Евгений Ѳедоровичъ; вы этого не скажете; вы очень хорошо, вы больше знаете, чѣмъ шущъ сказано.

— Да, помилуйте, Господа и Госпожи! вѣдь сколько изъ васъ, вѣкъ свой ломающъ головы, надъ совершенною невозможностію, плышь безъ лодки, лепашъ безъ крымевъ, ходишь безъ ногъ?

Не лучше ли ломать ее надъ швѣмъ, въ чемъ поч-
но будешь прокъ? Не лучше ли съспь въ лодку, въ
паровозъ и васъ повезуть? Не лучше ли на аэро-
спашь подняться надъ землей, гдѣ опкроешся
вамъ обширнѣйшій горизонтъ, невидный съ полу,
который вы однимъ взглядомъ окинете весь? или
хотя имѣть швердыя, шрезвыя ноги, которыя
не шапаюшся, какъ всѣ системы шапаюшся, не
пишущъ М, какъ всѣ системы ихъ пишущъ, по
распушямъ заблужденій, все на одномъ мѣстѣ.

А что анализъ имѣешь, не только свою пре-
лесть, свою поэзію, но самъ весь прелестъ, весь
поэзія, я докажу вамъ опышомъ; пожалуйше на
лекцію, взглядишесь въ эпого жошапаго по спремни-
намъ анализа, шакъ для васъ спрашнымъ, сколько
огня! сколько жизни! какой неподдѣльный во-
споргъ при раскрышій какого нибудь завязчиваго
результаша, какой нибудь, повидимому не услови-
мой истины! Поймише, какую поэзію упивались
сердца шѣхъ геніальныхъ мужей, копорыхъ имена,
какъ рѣдкіе алмазы, блестящъ въ богатомъ вѣнкѣ
анализа, копорыхъ имена и сами произносише съ
почтениемъ! Можешъ ли бышь шамъ сушь, и ску-
ка, и смершь, гдѣ присушшвуешъ геній? Нѣшъ
никогда! и эшо пошому, что истина, шакая намъ
близкая, шакая намъ родная, шѣмъ увлекашельнѣе,
шѣмъ живошворнѣе для насъ, чѣмъ она чище, въ
какомъ бы нарядѣ ни была; чище аналишическихъ
исшннъ послѣ религіозныхъ не найдеше!

Благодаря вашему шерпнью, Евгений Федоро-
вичъ, закалившемуся въ годоваломъ редакторствѣ
Библиотеки для Чпенія, я сейчасъ кончу свой

панегирикъ анализу, краткимъ обзоромъ всѣхъ
приложеній его, и вы увидише, что и шеперь вла-
дѣнія анализа шакже обширны, какъ владѣнія свя-
шой Руси; ш. е., чущь чущь не полсвѣша мишуче-
наго, анализъ покоришь уже себя, на вѣки не-
рушимо.

Первое приложеніе, приложеніе, «по превосход-
ству», «естъ геомепрія элеменшарная, начершашель-
ная, аналишическая и шрансценденшная. Здѣсь про-
спранство раздроблено, измѣряно, схвачено во
всѣхъ его видахъ, формахъ, величинахъ, переходахъ,
варіаціяхъ и мѣрахъ, опъ ничшожества—нуля до
безконечнаго въ маломъ и большомъ, оприцашель-
номъ и положишельномъ. Эпимъ самымъ расчище-
на, ушлажена дорога для всѣхъ другихъ приложе-
ній анализа, гдѣ шолько идея проспранства мо-
жетъ играшь какую бы ни было роль; а эша идея,
гдѣ не играешъ принципальной роли? Въ какой
наукѣ она не входишь, какъ главный элементъ?

Вшорое приложеніе «по превосходству» ме-
ханика. Здѣсь анализъ подчинишь уже себя, про-
спранство и время, силу и дѣйствіе, скоросшь и
медленность, движеніе и покой; однимъ словомъ
механика переходишь отъ причинъ къ дѣйствіямъ,
и отъ дѣйствій къ причинамъ. Всѣ причины, всѣ
силы, копорыя дѣйствуюшъ въ природѣ веще-
ства, жизни, ума и духа,—агенты, акшеры ме-
ханической драмы: сила припашенія и сила опраше-
нія, сила удара и сила давленія, сила шренія, сила
грубіанства или инерціи, силы, засшавляющія: а) ш
прямо, криво, колебашся, ворочашся кругомъ,
не шѣ ли же силы дѣйствуюшъ во всемъ и вездѣ?

напримѣръ, ваши спрасити, эпо числыя механическія силы. Изберите между ними одну за единицу, умудришесь найти отношеніе одной силы къ другой, и механика сейчасъ найдеть вамъ все условія и подробности душевнаго мира, *равновѣсія*, или душевной превоги, *движенія*; и по даннымъ силамъ, внупри васъ дѣйствующимъ, поичасъ покажеть, какую силу, и сколько, и какъ должно приложитъ къ нимъ, чпобъ возстановитъ миръ, или возбудишь превогу данной величины и направленія! Все эпо она разанапомируетъ такъ какъ и самому «Барону» не приходило въ голову. Но дѣло за вами, а не за механикой. Напередъ дайше ей факшы, дайше опыты, численные опыты, годные къ сравненію; условшесь въ единицѣ, аршинъ спрасшей и ш. д. Эпо право не такъ трудно. Но эпо ваше дѣло; анализамъ не до того; у нихъ своей бездна работы; жизнь коротка.

Астрономія, копорая на каждый заданный моментъ, сейчасъ спрапоршуетъ вамъ, о состояніи всѣхъ звѣздныхъ обстоятельствъ неба, напр. 2 Ноября 2836, не есть ли одно изъ удивительнѣйшихъ приложеній анализа, эшой лесницы, безъ конца, по копорой умъ въбжалъ на первое небо; а погодите, будетъ и на седмомъ! Сколько иперболическихъ, можно сказать, шайнъ мірозданія, въ копорыхъ гаснеть самое огромное воображеніе! а сколько астрономіи обязано мореплаваніе, геодезія, географія, гидрографія, топографія! а сколько люди обязаны мореплаванію, геодезіи, географіи!... Но помните, ни въ одной прикладной наукѣ такъ люди

не шрудились, какъ въ Аспрономіи; чпо опытовъ! чпо наблюдений! а цифръ, цифръ... Сложите со всего свѣна липеры всѣхъ пипографій въ одну, все будетъ мало! Опъ того-то Аспрономія шакъ и хороша. Опъ того-то она шакъ далеко опередила все науки, кромѣ анализа, копорый впереди всѣхъ.

Исчисленіе вѣроятностей. Эпо ужъ изъ рукъ вонъ! Какъ, находишь законы шамъ, гдѣ, кажешся, господствуетъ чисное «беззаконіе!» Усмашривашъ правильность въ видимой пупаницѣ слѣпаго случая! По данному прошедшему вычисляшь искомое будущее! Какъ, за недоспапкомъ *достоверности*, въ копорой на каждомъ шагу опказываютъ человѣку, онъ можеть безошибочно дѣйствовать, вычислять только вѣроятности своей надежды, своей прибыли, своихъ поперъ, своей жизни, своей смерпи, даже вѣроятность своего или чужаго знанія, моральнаго удовольствія или огорченія! Сыщите науку, для копорой исчисленіе вѣроятностей не было бы однимъ изъ главнѣйшихъ пособій! Но эпо шолько прикладная спорона анализа; какъ же самъ онъ не нуженъ всѣмъ наукамъ?

— «Но эпо исчисленіе, скажете вы, часпо общипывается въ своемъ расчепъ?»

— Правда; именно пошому, чпо вы же даете ему ложные факшы, не полные, ошибочныя данныя, не шѣ данныя, какія ему нужны. Данныя вѣрны, и рѣшеніе будетъ вѣрно. Еще скажу разъ навсегда:

Анализъ одаренъ шворческою силою, и абсолютною, въ человѣческомъ смыслѣ, и относительною. Абсолютною шворческою своею силою, онъ

создалъ самаго себя, совершенствуешь, углубляешь, изощряешь самъ себя. Но въ приложеніяхъ къ другимъ наукамъ, онъ дѣйствуетъ уже «относительно» творческою силою: ш. е. изъ *ничего* не можетъ создать *что нибудь*; а дайше ему *нѣчто*, принесише ему факшы, данныя въ числахъ, и онъ создастъ вамъ новое, не бывалое, по законамъ истины. Анализъ истинный *архитекторъ*! Но безъ кирпича, известки и воды конечно не построишь каменнаго дома.

Аналогія, наука шакъ необходимая, что объ ней поминушно говоряшь; наука, которой до сихъ поръ дали подъ команду два-три предложенія, и все шущъ. Эша самая наука естъ не что иное, какъ переводъ истинъ аналитическихъ на общественный языкъ. Въ связи съ анализомъ аналогія спланировалась наукою обширною, твердою, которая даетъ прочные законы размышленій «по сходству», указываетъ безошибочно примѣты, гдѣ эши размышленія вѣрны, и гдѣ ошибочны. Аналогія безъ анализа, огромный, пустой домъ, безъ оконъ, безъ дверей и безъ жильцовъ. Спранно, что до сихъ поръ еще не создана аналитическая аналогія, тогда какъ каждый геометръ, на каждомъ шагу, не замѣчая самъ того, беретъ за аналогію шамъ, гдѣ уже всѣ другія средства измѣнили, но беретъ за нее и дѣйствуетъ по самымъ спрогимъ законамъ, опять не замѣчая самъ того, по привычкѣ.

Говоришь ли о томъ, что безъ анализа шагу не могутъ сдѣлать ни одна изъ архитектуръ: во первыхъ, общая архитектура природы, физика; потомъ архитектура машинъ, завладѣвшая нынче

всѣмъ міромъ, и грамошнымъ и безграмошнымъ... архитектура корабельная, архитектура гражданская, архитектура гидравлическая, архитектура путей сообщенія, архитектура военносухопушная, архитектура горная, аршиллерія, въ особенності, морская?

Далѣе, Технологія, науки Экономическія, наука Торговли, Финансовъ, Спашищика, всѣ эши науки цифръ, науки шаблицъ, вычислений, какъ раскленные песчанья степи дожда, жаждущъ полнаго приложенія анализа; тогда какъ люди имъ посвятившіе себя, довольствуютъ ихъ, много-много, что началами Арифметики, рѣдко—Алгебры и Геометрии; и шущъ какіе важные результаты извлекли! Что же, если бъ они были хорошіе аналиты? Одинъ только анализъ знаешь, какъ и какія драгоценныя истины, швердые начала можно добыть изъ мертвыхъ цифръ, изъ голыхъ шаблицъ.

— Вы знаете, Евгеній Федоровичъ, что я плохой дипломатъ, еще плоше политикъ, еще меньше юристъ, и шого меньше администраторъ; изъ исторіи помню только Марка Аврелія да Нерона; а право, кажется, что все эшо шъ же рычаги, блоки, ворошны, посредствомъ которыхъ можно измѣрять всякое моральное движеніе, можно ворочать и двигать не одни массы—массаши; но и самыя души и самую волю; вопросъ число Трансцендентный. Суворовы, Платоны, Великій Пешръ, Наполеоны рѣшали его; но и шю наудачу, à priori, по инстинкту, избыткомъ личной силы, а не по наукаъ; одна только аналитическая механика можетъ взять въ расчетъ всѣ шончайшія вибраціи душевныхъ

силъ и опредѣлишь количество дѣйствія, этой наисложнѣйшей системы движущихся.

Медицина. О, шупъ перо валился изъ рукъ! Возможно ли, наука, имѣющая въ своихъ рукахъ жизнь и смерть, наука исповѣдуемая тысячами головъ, серьезно ученыхъ, наука чиселъ, градусовъ, грановъ, часовъ, секундъ, таблицъ и цифръ, явленій, силъ чисто физическихъ, гомеопатически малыхъ, аллопатически великихъ. Наука наблюдений ежечасныхъ, ежеминутныхъ, наблюдений невольныхъ, къ которымъ приславлены тысячи умовъ, миллионы глазъ; наблюдений, которыхъ ни одна душа не дѣлаетъ математическимъ, сравнимымъ, численнымъ образомъ, тогда какъ ничего не можетъ быть легче этого. Наука, въ которой сполько фактовъ погибло, сполько безцѣнныхъ данныхъ гибнешъ; эти факты, эти данныя покупаются цѣною спраданій, если не жизни человеческой, и все таки гибнутъ, потому что не знаютъ куда съ ними дѣваться, что съ ними дѣлать. Наука до сихъ поръ не умѣющая по явленіямъ судить о причинахъ, изъ причинъ выводитъ явленія. Наука системъ, которыхъ ежедневно рисуются и завтра спираются, тогда какъ она могла бы быть самою свѣтлою, определенной наукою — механикою живыхъ силъ и явленій, при такихъ безчисленныхъ средствахъ и пособіяхъ при такомъ близкомъ родствѣ съ анализомъ, которыхъ теперь прописывается ей въ самыхъ дицилліонныхъ пріемахъ. О, я такъ золъ на Медицину — медики чѣмъ виноваты! — что клянусь вамъ, Евгений Федоровичъ, Эскулапомъ, не стану больше говорить

объ ней до самой смерти, или до шѣхъ поръ, пока не выгонятъ бесплодную Лашынь, и не положатъ во главу угла:

Математическій анализъ!

Вошь теперь-то я вполне чувствую, какъ вы рады, въ какомъ вы воспоргѣ, любезнѣйшій Евгений Федоровичъ, услышавъ отъ меня, что 110 эполей ушли съ паркета, и смиренхонько, на спульяхъ, при шипинѣ, прерываемой только скрыпомъ неперпѣливыхъ перьевъ, ловятъ каждое слово нашего единственнаго анализа, которому Греки, — да, Греки не впримѣръ почтительнѣ насъ, — навѣрное построили бы аналитическій храмъ, съ алтаремъ и «непрерывнымъ» оиміамомъ; Греки, у которыхъ тогдашняя Математика была первымъ элементомъ воспитанія; которые самымъ словомъ «математика», «хотѣли выразить матеръ всѣхъ наукъ! даже такъ, что когда Пифагоръ открылъ свою теорему, извѣстную подъ именемъ: Пифагоровы. . . какъ бышь они? ахъ, забылъ: ну вы сами вспомните; когда онъ открылъ эту теорему, которую теперь каждый гимназистъ знаетъ, Греки въ благодарность Минервѣ за открытіе, принесли въ жертву сто быковъ, и праздновали какъ великое событіе.

Да, вы верно вмѣстѣ съ нами въ душѣ благодарите моряковъ, съ такимъ рѣдкимъ радушіемъ оказавшихъ самый дружелюбный пріемъ, доставившихъ самый удобнѣйшій пріомъ, этой госпожѣ, скромной, выгнанной изъ всѣхъ гостиныхъ, и почпи всѣхъ кабинетовъ, на которую чуть чуть ужъ пальцами не кажутъ ребяпишки!

О Tempora, o mores!

Вотъ вся Лапынь, что было за душой. Для порядочнаго чловѣка больше и не нужно. Прощайше. Жду съ нешерпвнѣемъ вашего отвѣта.

Сердечно вамъ преданный.

С. . . . Б.

Р. С. Еще на пару словъ: пара математическихъ словъ, значить страница обыкновенной печати. Я написалъ вамъ, по пословицѣ: «за вкусъ не берусь, а горячо будешь,» если не вкусное, по навѣрно предлинное письмо. Согласитесь же; если бы шъ же мысли выразить аналитическими формулами, много, много, вышло бы полторы печатныхъ страницъ. Какая экономія на бумагу, время и почтовую пересылку! Въ нашъ экономическій вѣкъ это очень важная снать!

Въ этомъ-то и достоинство аналитическихъ формулъ, что пока вы словесною формулою выскажете на десяти страницахъ свою мысль: умъ забудетъ связь начала съ серединой и концемъ, или съ ума сойдетъ вглядываясь въ цѣлый фронтъ идей, иногда расплутыхъ въ полкниги. Тогда какъ анализъ, въ одной или нѣсколькихъ общихъ формулахъ, на той же страницѣ, представляешь уму, за одинъ взглядъ, тысячу частныхъ истинъ, выраженныхъ формулою.

Музыкальныя ноты, шъ же формулы, но несравненно бѣднѣе. Здѣсь каждый частный случай требуетъ особой формулы, и перевода на инструментъ, для большой части, даже самихъ знаковъ, чтобы выказать свой смыслъ, а главное, жизнь. Напрощивъ, функции аналитическія, своимъ

сочетаніемъ количествъ или идей, разомъ высказываютъ все частные случаи, ихъ смыслъ, ихъ жизнь и все подробности, какъ бы онъ разны ни были. Этакъ общность и простота механизма аналитической грамоты и даетъ ей возможность такъ бѣгло, такъ непобѣдимо нападать и овладѣвать своимъ предметомъ, не упоминая головы и памяти.

Послѣ всего этого нельзя не убѣдиться, что математическій анализъ есть не что иное, какъ сводъ законовъ мышленія, общихъ всемъ существамъ разумнымъ, законовъ, опѣвка начертанныхъ предвѣчною истиною, по копорымъ, говоря чловѣчески, и сама она «мыслишь,» по копорымъ учредила все сотворенное, всю природу, но такъ, что пусть переименуется вся эта природа: дайше пространству чешыре измѣренія, дайше времени, вмѣсто 24—240 часовъ въ наши сутки, дайше своему плу вмѣсто пяти, пятьдесятъ чувствъ; пусть васъ перенесутъ на луну, на звѣзду, пожалуй, прицпшой величины, все переименуется: Геометрія, Механика, Астрономія, сопределя все прошедшее Истории; иная будетъ Географія, Физика, Химія, Бопаника, Б. для Ч., Корабельная Архитектура, Артиллерія, даже Морская, все переименуется; но чистый анализъ останется пошъ же и на землѣ, и на лунѣ, и на звѣздѣ прицпшой величины, попому что

Истина Господня пребываетъ вовѣки!

ПОЛИТИКА.

ОБОЗРѢНІЕ ПОВѢЙШИХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ.

РОССІЯ.

Высочайшею Грамотою, 3-го Ноября, Всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ ордена Св. Александра Невскаго, алмазами украшеннаго, Королевско-Прусскій Государственный Министръ, Тайный Совѣтникъ и Президентъ Почтоваго Правленія, Нагреръ. (*Русск. Инв.*)

— Въ 24-й день минувшаго Октября, Высочайше утверждены докладъ Синода о возведеніи Казанскаго Зилантова Монастыря изъ 3-го во 2-й классъ, и штатъ сего Монастыря, по которому назначено производить ему содержаніе по 2,593 рубл. 11¼ к. въ годъ.

— Исправляющаго должность Начальника Бессарабской карантинной стражи, Генераль-Маіора Русанова, Государь Императоръ, согласно представленію Г. Новороссійскаго и Бессарабскаго Генераль-Губернатора, Высочайше повелѣть соизволилъ назначить Начальникомъ всей карантинной стражи, состоящей въ Новороссійскомъ краѣ.

— Государственный Совѣтъ, усматривая по производству дѣлъ разнообразное приложеніе судебными мѣстами 96-й статьи Свода Законовъ Уголовныхъ (т. 15), въ отношеніи къ лѣтамъ преступниковъ, присуждаемыхъ, вмѣсто ссылки на поселеніе, къ отдачѣ въ военную службу, — Мнѣніемъ положилъ: впредь до общаго пересмотра законовъ о ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, принять за правило, чтобы изъ числа преступниковъ, подлежащихъ по законамъ таковой ссылкѣ, обращаемы были, въ замѣнъ оной: имѣющіе до 35-ти лѣтъ отъ роду, въ военную службу, куда годными окажутся, а имѣющіе отъ 35

до 40 лѣтъ, въ арестантскія роты; имѣющіе же выше 40 лѣтъ отъ роду все безъ изъятія должны быть ссылаемы на поселеніе. — На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: »Быть по сему.« Въ Царскомъ Селѣ, 22-го Октября 1836.

— Государственный Совѣтъ, въ соединенныхъ Департаментахъ Законовъ и Экономіи и въ Общемъ Собраніи, рассмотрѣвъ представленіе Министра Финансовъ касательно 311-й статьи Свода Учрежденія и Уставовъ Кредитныхъ Установленій (т. XI), и признавая допущенное въ статьѣ сей дозволеніе оставлять свободными нѣскольکو душъ изъ закладываемого въ Заемномъ Банкѣ, селенія, не только бесполезнымъ, но и вреднымъ по своимъ послѣдствіямъ, Мнѣніемъ положилъ: означенную статью изъ Свода Законовъ исключить. На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: »Быть по сему.« Въ Царскомъ Селѣ, 14-го Октября 1836.

— Его Императорское Величество, по Положенію Комитета Гг. Министровъ, въ 24-й день минувшаго Октября, Высочайше повелѣть соизволилъ: несовершеннолѣтнимъ круглымъ сиротамъ, которые, или за которыхъ мѣстныхъ опеки не просили о пенсіи въ узаконенные 1459 ст. Свода Устава о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ ероки, назначать впредь пенсіи со дня смерти отцевъ тѣхъ сиротъ, если только они по достиженіи 16-ти лѣтняго возраста (какъ времени, съ котораго для мужскаго пола служба считается дѣйствительною, а женскому разрѣшено вступать въ бракъ) сами не пропустятъ установленныхъ въ означенной 1459 статьѣ сроковъ.

— Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Законовъ и въ Общемъ Собраніи, по представленію Управлявшаго Военнымъ Министерствомъ о доаволеніи имѣть въ судебныхъ мѣстахъ Кавказской Области, Депутатовъ со стороны Кавказскихъ Линійныхъ Казаковъ, призна-

вал и съ своей стороны справедливымъ предоставить имъ, какъ людямъ оседлымъ и составляющимъ значительную часть населенія Кавказской Области, право имѣть Депутатовъ въ Судахъ при разсмотрѣнн дѣлъ, до лицъ сословія ихъ относящихся, Мнѣніемъ положили: въ дополненіе Свода Зак. тома II, ст. 1864 и слѣд., о составѣ и предметахъ Кавказскаго Областнаго Суда, а также ст. 1882 и слѣд., о составѣ и предметахъ Окружнаго Суда, постановить: 1) Линійные Казаки имѣютъ, какъ въ Областномъ, такъ и въ каждомъ изъ Окружныхъ Судовъ Кавказской Области своего Депутата, присутствующаго при разсмотрѣнн дѣлъ, въ которыхъ участвуетъ кто либо изъ людей ихъ сословія. 2) Депутаты сіи избираются Наказнымъ Атаманомъ Войска, удостоиваются Начальникомъ Области и утверждаются въ званіи своемъ Главноуправляющимъ Грузією и Кавказскою Областию. 3) Въ правахъ своихъ Депутаты сіи сравниваются съ Засѣдателями того Суда, въ которомъ кто присутствуетъ. Жалованье производится имъ отъ казны, въ Областномъ Судѣ по 1000, а въ Окружномъ по 800 рублей. — Мнѣніе сіе Высочайше утверждено 1-го минувшаго Октября.

(С В.)

— 6-го Декабря, въ высокаторжественный день тезоименитства Его Величества Государя Императора, въ церкви Зимняго Дворца отправлена была Божественная Литургія, въ присутствіи Ихъ Величествъ, Государя Императора и Государыни Императрицы, Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государя Наслѣдника Цесаревича Великаго Князя Александра Николаевича, Государыни Великой Княгини Елены Павловны, Государынь Великихъ Княженъ Маріи Николаевны, Ольги Николаевны, Александры Николаевны и Маріи Михайловны, и Его Свѣдости Принца Петра Ольденбургскаго. Присутствующіе находились: Члены Государственнаго Совета, Ми-

нистры, Сенаторы, Генералы, Штабъ и Оберъ-Офицеры Гвардіи, Арміи и Флота, Придворные Чины и прочія знатныя обоюга пола особы. Дамы были въ Русскихъ платьяхъ, а кавалеры въ парадныхъ мундирахъ. По окончаніи службы, Ихъ Императорскія Величества изволили принимать поздравленія отъ Членовъ Святѣйшаго Синода въ церкви, а отъ Дипломатическаго Корпуса, при возвращеніи изъ оной, въ залѣ Петра Великаго. Потомъ, въ апартаментахъ Государыни Императрицы, въ золотой гостинной комнатѣ, допущены были къ рукъ Ея Величества дамы и прочія знатныя особы.

Указъ Правительствующему Сенату.

Желая явить новый знакъ милости Нашей къ военнымъ нижнимъ чинамъ, и облегчить судьбу тѣхъ вдовъ, мужа коихъ убиты въ сраженіяхъ и умерли на службѣ, — Всемилостивѣйше повелѣваемъ: всѣмъ таковымъ вдовамъ, доброе поведеніе которыхъ Гражданскіе Губернаторы засвидѣтельствуютъ, отдавать навсегда одного изъ законныхъ ихъ сыновей, по собственному избранію, на томъ самомъ основаніи, какъ отдаются сыновья увѣчнымъ на войнѣ отцамъ, по Указу Нашему Правительствующему Сенату въ 5-й день Декабря 1828 года данному.

Узаконеніе сіе относится до тѣхъ только сыновей означенныхъ вдовъ нижнихъ чиновъ, которые находятся при нихъ на воспитаніи и въ заведеніяхъ военныхъ кантонистовъ. — Поступившихъ же на дѣйствительную службу, изъ оной не возвращать.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ привести сіе въ исполненіе.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано.

Н И К О Л А Й.

С. Петербургъ,
6-го Декабря 1836 года.

Высочайшимъ Приказомъ, 6-го Декабря, 1836

дены за отличіе по службѣ, изъ Полковниковъ въ Генераль-Маіоры: Наказный Атаманъ Астраханскаго Казачьяго Войска, состоящій по Кавалеріи Баронъ Левенштернъ 3-й; Командиръ Эстляндскаго Егерскаго полка, Квицинскій, — оба съ оставленіемъ при прежнихъ должностяхъ; Исправляющій должность Начальника 7-го Округа Корпуса Жандармовъ, Фалькенбергъ, съ утвержденіемъ въ сей должности; Вице-Директоръ Строительнаго Департамента по Морской части, Бутковскій, съ оставленіемъ при прежней должности; Членъ Комиссіи о размежеваніи земель Войска Донскаго, Генеральнаго Штаба Ушаковъ 5-й, съ оставленіемъ при прежней должности и въ Генеральномъ Штабѣ; Командиръ Западнаго Инженернаго Округа, Ярмерштетъ; Начальникъ Штаба 6-го Пѣхотнаго Корпуса, Генеральнаго Штаба Лукашъ; Командиръ Бутырскаго пѣхотнаго полка, Гржегоржевскій; Командующій Резервною бригадою 3-й Пѣхотной дивизіи, Семичевъ; Командиръ 12-й Артиллерійской бригады, Серпутовскій; Командиръ Украинскаго Егерскаго полка, Литвиновъ 1-й; Командиръ Апшеронскаго пѣхотнаго полка, Флигель-Адъютантъ Графъ Ивеличъ, — всѣ семеро съ оставленіемъ при прежнихъ должностяхъ; Командиръ Люблинскаго Егерскаго полка, Баронъ Врангель 2-й, съ назначеніемъ Командиромъ 1-й бригады 5-й Пѣхотной дивизіи; Командиръ Модлинскаго пѣхотнаго полка, де-Юнкеръ, съ назначеніемъ Командиромъ 2-й бригады 10-й Пѣхотной дивизіи; Командующій Резервною дивизіею 2-го Пѣхотнаго Корпуса, состоящій по Арміи Апостоловъ, съ оставленіемъ при прежней должности; Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка Ланевскій-Волкъ, съ назначеніемъ Командиромъ 1-й бригады 1-й Гренадерской дивизіи; Командиръ Лейбъ-Гвардіи Финскаго Стрѣлковаго баталіона, Флигель-Адъютантъ Рамзай, съ оставленіемъ при прежней должности; Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка, Князь Волконскій 3-й, съ назначеніемъ Командующимъ

Лейбъ-Гвардіи Гренадерскимъ полкомъ; Анапской крѣпости Комендантъ, состоящій по Кавалеріи Графъ Цукато; Командиръ Лейбъ-Гвардіи 1-й Артиллерійской бригады, Флигель-Адъютантъ Стаховичъ 1-й, — оба съ оставленіемъ при прежнихъ должностяхъ; находящійся при Шефѣ Жандармовъ, Командующемъ Императорскою Главною Квартирою, Генераль-Адъютантъ Графъ Бенкендорфъ, по особымъ порученіямъ, Корпуса Жандармовъ Пановъ 1-й, съ состояніемъ по Артиллеріи; Начальникъ Артиллерійскаго Училища, Кованько 1-й, съ оставленіемъ при прежней должности; Наказный Атаманъ Уральскаго Казачьяго Войска, состоящій по Кавалеріи Покатиловъ; Начальникъ Округовъ Старорусскаго удѣла пахотныхъ солдатъ, состоящій по Арміи Макаровъ 2-й, — оба съ оставленіемъ при прежнихъ должностяхъ; состоящій при Шефѣ Жандармовъ, Командующемъ Императорскою Главною Квартирою, Генераль-Адъютантъ Графъ Бенкендорфъ, Корпуса Жандармовъ Масловъ 2-й, съ состояніемъ по Арміи; Исправляющій должность Оберъ-Квартирмейстера Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса, Генеральнаго Штаба Баронъ Ховенъ, съ утвержденіемъ въ сей должности; Начальникъ Штаба Отдѣльнаго Оренбургскаго Корпуса Генеральнаго Штаба Рокасовскій, съ оставленіемъ при прежней должности; Адъютантъ Его Императорскаго Высочества Генераль-Фельдцейхмейстера, Лейбъ-Гвардіи 1-й Артиллерійской бригады Философовъ 2-й, съ оставленіемъ при Его Высочествѣ, и съ оставленіемъ по Артиллеріи; Флигель-Адъютантъ, Лейбъ-Гвардіи Гусарскаго полка Будбергъ 1-й, съ назначеніемъ состоять въ Свѣтъ Его Величества; Старшій Адъютантъ Дежурнаго Генерала Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка Яковлевъ 2-й; Корпуса Жандармовъ Гофманъ 1-й и Дейеръ — всѣ трое въ Дѣйствительные

Статскіе Советники, съ причисленіемъ къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ.

— Высочайшимъ Приказомъ, того же числа назначены: находящійся при Инспекторѣ всей Поселенной Кавалеріи, для особыхъ порученій, состоящій по Кавалеріи Генераль-Маіоръ Князь Багратіонъ-Имеретинскій 2-й Командиромъ 1-й бригады 2-й Уланской дивизіи; Начальникъ 1-й Гренадерской дивизіи, Генераль-Лейтенантъ Берхманъ 1-й, Членомъ Генераль-Аудиторіата, съ состояніемъ по Арміи; Начальникъ 5-й Пѣхотной дивизіи, Генераль-Лейтенантъ Штегмакъ 1-й, Начальникомъ 1-й Гренадерской дивизіи; Командиръ 2-й бригады 3-й Пѣхотной дивизіи, Генераль-Маіоръ Батурицъ, Командующимъ 5-ю Пѣхотною дивизіею; Командиръ 1-й бригады 5-й Пѣхотной дивизіи, Генераль-Маіоръ Гельвицъ 2-й, Командиромъ же 2-й бригады 10-й Пѣхотной дивизіи, Генераль-Маіоръ Никитинъ 2-й, по Арміи, съ состояніемъ при Отдѣльномъ Корпусѣ Внутренней Стражи; Дѣйствительный Гвардіи Литовскаго полка Полковникъ Желтухинъ, Флигель-Адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству; находящійся при Инспекторѣ Резервной Пѣхоты, состоящій по Арміи, Полковникъ Череповъ, Командующимъ Резервною бригадою 10-й Пѣхотной дивизіи.

— Высочайшею Грамотою, 22-го Ноября, Всемилостивѣйше пожалованъ Кавалеромъ ордена Св. Станислава 1-й степени, состоящій по Кавалеріи, Генераль-Маіоръ Графъ Гудовичъ. (*Русск. Инв.*)

— Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: по случаю кончины Ея Королевскаго Высочества Прусской Принцессы Луизы, наложить при Высочайшемъ Дворѣ трауръ, на шесть дней, съ обыкновеннымъ раздѣленіемъ, начавъ оный съ 4-го числа.

— Государь Императоръ, по Положенію Комитета Гг. Министровъ, Высочайше повелѣть соизволилъ: при-

знавать Генриха Йемса Испанскимъ Вице-Консуломъ въ Таганрогъ.

— Въ Высочайшемъ Указѣ, данномъ Правительствующему Сенату, 4-го Ноября, за собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ изображено:

»Въ слѣдствіе представленія Министра Финансовъ, въ Государственномъ Советѣ разсмотрѣннаго, признавъ полезнымъ, для поощренія торговли съ мирными Горскими народами по Кавказской Линіи, разрѣшить безплатный пропускъ къ нимъ запрещенныхъ пунѣ къ отпуску желѣза и стали, на томъ же основаніи, какъ пропускаются къ нимъ прочіе Россійскіе товары, повелѣваемъ Правительствующему Сенату съдѣлать къ исполненію сего надлежащее распоряженіе.«

— Въ Именномъ Его Императорскаго Величества Высочайшемъ Указѣ, данномъ Правительствующему Сенату, въ 30 й день минувшаго Октября, за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, изображено: »Коммерціи Советникъ Степанъ Поповъ, во исполненіе духовнаго завѣщанія дяди своего, Коммерціи Советника Андрея Попова, предположилъ, изъ оставленнаго имъ капитала на богоугодныя и общепольныя дѣла, отдѣлить пятьдесятъ тысячъ рублей на учрежденіе, Пермской Губерніи, въ городѣ Верхотурь, Общественнаго Банка, по примѣру подобныхъ Анфилатова и Савина Банковъ, съ назначеніемъ доходовъ, на капиталъ сей приобрѣтенныхъ, на разные общепольныя предметы. Изъявляя на сіе Наше соизволеніе, повелѣваемъ. 1) Коммерціи-Советнику Степану Попову дозволить учредить въ городѣ Верхотурь Общественный Банкъ. 2) Банкъ сей, въ память Коммерціи-Советника Андрея Попова, именовать навсегда Банкомъ Попова. 3) Директоромъ сего Банка быть Степану Попову. Директорскіе товарищи избираются на основаніи Устава Анфилатова Банка. 4)

Въ случаѣ смерти Директора Попова, или буде онъ званіе сіе оставить пожелаетъ, должность Директора возлагать на Верхотурскаго Градскаго Главу. 5) Предоставить градскому обществу города Верхотурья, къ жертвуемому Поповымъ капиталу, пятидесяти тысячъ рублей, присоединять, буде пожелаетъ, выморочныя имѣнія, равно и всякія другія добровольныя пожертвованія. 6) На вклады, вносимые для приращенія въ оный Банкъ, выдавать по 4% ежегодно, а по ссудамъ изъ онаго взимать по 6%, руководствуясь вообще при приѣмъ вкладовъ и производствѣ ссудъ, правилами для Анфилатова и Савина Общественныхъ Банковъ изданными. 7) Изъ доходовъ, Общественнымъ Попова Банкомъ получаемыхъ, отдѣлять ежегодно: а) одинъ процентъ на содержаніе сиротскаго дѣтскаго дома въ Верхотурь; б) полпроцента на содержаніе больницы, тамъ же Поповымъ устроенной; в) одинъ процентъ на содержаніе Градской Думы и Магистрата. По истеченіи десяти лѣтъ отъ учрежденія Банка, выдавать по пятисотъ рублей въ годъ на уплату государственныхъ податей за совершенно бѣдныхъ въ Верхотурь, престарѣлыхъ и отдѣльныхъ сиротъ; по усиленіи же капитала и доходовъ Банка, устраивать, по мѣрѣ средствъ и другія благотворительныя заведенія. 8) Об оборотахъ капитала Банка и о распоряженіяхъ по доходамъ съ онаго, поставлять ежегодно въ извѣстность лице старшее въ родѣ Поповыхъ. Къ приведенію всего вышесказаннаго въ исполненіе, Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить надлежащія распоряженія.»

— Мнѣніемъ Государственнаго Совета, Высочайше утвержденнымъ въ 22-й день Октября 1836 года, постановлено; согласно съ представленіемъ Г. Министра Финансовъ, оставить и на будущій 2837 годъ вынѣшній казенный курсъ Россійской монеты, какъ для приѣма податей и другихъ сборовъ, такъ и при расходованіи, а именно: золотому рублю въ три рубля шестьдесятъ пять

копѣекъ, а серебряному, какъ при сихъ случаяхъ, такъ и при взиманіи пошлинъ съ привозныхъ и отпускныхъ товаровъ, Россійскими таможенными по Европейской и Азіатской торговлѣ — въ три рубля шестьдесятъ копѣекъ государственными ассигнаціями. (С. В.)

НИДЕРЛАНДЫ.

Е. К. В. Принцъ Александръ, второй сынъ Принца Оранскаго, находился на дорогѣ изъ Лейдена, во время бури, свирѣпствовавшей 29-го Ноября. На карету, въ которой онъ ѣхалъ, упало дерево, вырванное бурей съ корнемъ, и Принцъ имъ былъ нѣсколько ушибенъ.

— 30-го Ноября, вышелъ бюллетень о состояніи здоровья Е. К. В. Принца Александра: оно удовлетворительно. Принцъ Оранскій находился въ Тильбургѣ, но бывъ увѣдомленъ о семъ несчастномъ случаѣ, немедленно пріѣхалъ въ Гагу. Наследный Принцъ Оранскій, находившійся въ одной каретѣ съ Принцемъ Александромъ, остался невредимъ.

— Въ Staats-Courant напечатано, 3-го Декабря, что Принцъ Александръ совершенно оправился послѣ случившагося съ нимъ несчастія.

— Е. В. Король Нидерландскій назначилъ Барона ванъ-Доорна Статсъ Секретаремъ, а на его мѣсто, Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, Генераль-Лейтенанта Барона ле Кока.

ФРАНЦІЯ.

Въ Парижскихъ газетахъ напечатано: «Когда нынѣшній Король Французовъ, во время ужасовъ Французской революціи, искалъ убѣжища въ Швейцаріи, для избѣжанія поисковъ Французской республики, ему былъ нуженъ паспортъ для продолженія своего пути: этотъ паспортъ досталъ для него, съ большимъ трудомъ, нѣкто Миллеръ, изъ Цуга, у котораго жилъ Лудовикъ Филиппъ; съ тѣхъ поръ прошло сорокъ лѣтъ, и изгнанный Лудовикъ Филиппъ Орлеанскій сдѣлался Королемъ Фран-

цусовъ. Въ семь возвышенномъ положеніи, онъ вспомнилъ о челоѣвкѣ, оказавшемъ ему, во времена бѣдствій, столь важную услугу. Е. В. поручилъ Посланнику въ Швейцарію осведомиться, живъ ли еще этотъ Миллеръ; нашли, что онъ живъ и нынѣ служить знаменщикомъ Цугскаго Кантона. Герцогъ Монтебелло написалъ къ нему и пригласилъ объявить, какая милость Короля Французовъ можетъ наиболѣе принести ему удовольствія. Почтенный старецъ отвѣчалъ, что принималъ живѣйшее участіе въ судьбѣ Лудовика Филлипа, и въ тишинѣ радовался его нынѣшнему счастью; самъ же наслаждается въ кругу своего семейства всѣмъ счастьемъ, какое намъ представляетъ среднее состояніе; ему не о чемъ просить Короля, и онъ находитъ награду въ томъ, что Е. В. вспоминаетъ о немъ съ того времени. Герцогъ Монтебелло отправилъ въ Парижъ подлинникъ письма, съ Французскимъ переводомъ. Король былъ столь глубоко тронутъ его содержаніемъ, что тутъ же попросилъ одного изъ своихъ адъютантовъ дать ему свой знакъ Почетнаго Легіона, присоединилъ къ тому драгоценную табакерку съ своимъ портретомъ, и отправилъ все это къ Посланнику въ Швейцарію, съ предписаніемъ вручить эти знаки дружбы Г-ну Миллеру.»

— Ужасною бурей, свирѣпствовавшей три дня, задержана Англійская почта. Въ самомъ Парижѣ буря нанесла, въ теченіе ночи 29-го Ноября, большія опустошенія. На нѣсколькихъ бульварахъ и на Елисейскихъ Поляхъ вырваны съ корнемъ многія деревья, и во многихъ мѣстахъ города сорваны съ крыши трубы или тяжело ранены многіе люди. На дворъ Тюльерійскаго дворца черепицы летали какъ осенніе листья. Ожидаютъ печальныхъ извѣстій съ моря.

— Графъ де-ла-Феронне былъ выброшенъ изъ экипажа, и отъ того сильно ушибся. Достоинно замѣчанія, что сіе несчастіе случилось съ нимъ въ тотъ самый день, какъ

прошлаго году были выброшены изъ экипажа и ушибены его супруга и дочь.

— Г. Карлъ Верне, отецъ Г. Горація Верне, одинъ изъ отличнѣйшихъ живописцевъ Франціи, скончался вчера, на 80-мъ году отъ рожденія; наканунѣ смерти, онъ былъ пожалованъ офицеромъ Почетнаго Легіона.

— Ответственный издатель газеты la France позванъ былъ, 26-го Ноября, въ Парижскій Ассизный Судъ, за статью о смерти Карла X. Герцогъ и Герцогиня Англемскіе были въ ней назначены Королемъ и Королевою. Его признали виновнымъ въ оскорбленіи правъ Короля Французовъ, и, въ слѣдствіе того, приговорили къ содержанію въ тюрьмѣ на три мѣсяца и къ денежной пенѣ въ 300 фр.

— Изъ Страсбурга пишутъ, отъ 23-го Ноября: «Слѣдствіе въ процессъ по заговору 30-го Октября нынѣ окончено. Гг. Розе, Главный Прокуроръ, и Вольберъ, Сопѣтникъ Королевскаго Суда, отправятся изъ Страсбурга сегодня или завтра. Всѣ акты процесса будутъ пересланы для рѣшенія въ обвинительную Палату Королевскаго Суда въ Кольмаръ, въ которомъ будетъ производиться сей процессъ.»

— Принцъ Жуанвильскій возвратился въ Парижъ 4-го Декабря въ вожделѣнномъ здравіи.

— Генералъ Касъ, Посланникъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, поднесъ Королю, 1-го Декабря, въ частной аудіенціи, вѣрительныя грамоты въ семь званіи.

— Въ одномъ министерскомъ журналѣ утверждаютъ, что онъ подалъ Его Величеству, отъ Генерала Джаксона, частное письмо, въ которомъ Президентъ Сѣверо-Американскаго Правительства старается доказать неосновательность заключеній, выведенныхъ изъ нѣкоторыхъ его дѣяній и словъ, заключающихся въ его посланіяхъ. Генералъ Джексонъ объявилъ въ то же время, что не-

медленно по поступленіи своемъ въ частную жизнь, онъ намѣренъ предпринять путешествіе во Францію.

— Въ министерской вечерней газетѣ, 3-го числа, напечатана слѣдующая телеграфическая депеша: »Тулонъ, 1-го Декабря. 17-го Ноября было извѣстно въ Бонъ, что армія прибыла благополучно въ Гуэльму. Въ жизненныхъ припасахъ и въ фуражѣ не было недостатка; со всѣхъ сторонъ получали извѣстія о покорившихся племенахъ. Принцъ находился въ вожделѣнномъ здравіи. Проливные дожди не произвели вреднаго дѣйствія на здоровье войска. По всему видно, что армія вступить въ Константинополь 19-го Ноября.«

— Изъ Тулона пишутъ, отъ 29-го Ноября: »Наконецъ привезены на пароходѣ Касторъ депеши изъ Бонны: онѣ однако же доходятъ только до 16-го числа. Экспедиционная армія уже прошла 14 часовъ пути, не встрѣтивъ сопротивленія Ахметъ-Бей. Полагаютъ, что онъ намѣренъ насъ ожидать подъ стѣнами Константины, и тамъ воспротивиться занятію нами сего города. Между тѣмъ, разные племена покидаютъ его, и большею частію переходятъ къ экспедиціонной арміи. Погода снова поправилась и благопріятствуетъ нашей экспедиціи; надѣются, что она простоятъ такъ нѣсколько времени, и допуститъ довести экспедицію до желанной цѣли. О планахъ Маршала по взятіи Константины, не извѣстно ничего. Не знаютъ, оставятъ ли онъ тамъ Французскій гарнизонъ или Бей Юсуфа съ Аравійскими войсками. Опасаются, чтобы нѣкоторые Французскіе штабъ-офицеры не отказались отъ служенія подъ начальствомъ Юсуфа. Всѣ сознаются въ его храбрости, и съ признательностію говорятъ объ оказанныхъ имъ услугахъ, но съ трудомъ рѣшатся ему повиноваться. Начальство получило съ купеческимъ кораблемъ извѣстіе, что пароходъ le Rapin, принадлежащій Правительству, сдѣланъ въ морѣ жертвою пламени.«

— Турецкій Султанъ обратился, чрезъ Адмирала Руссена, къ Французскому Правительству съ просьбою о присылкѣ ему нѣсколькихъ сухопутныхъ и флотскихъ офицеровъ, для обученія его войскъ. Такъ какъ Порты сдѣлала симъ офицерамъ весьма выгодныя предложенія, то нынѣ собираются ѣхать въ Константинополь восемь штабъ-офицеровъ, сохраняющихъ впрочемъ чины во Французской арміи. Съ Адмираломъ Руссеномъ, прибыли 30 Грековъ, выкупленныхъ Лудовикомъ Филиппомъ изъ неволи, по желанію Греческаго Правительства; они будутъ, въ самомъ непродолжительномъ времени, возвращены своимъ семействамъ, съ которыми разлучены около двенадцати лѣтъ.

— Въ журналѣ la Presse напечатано, по письмамъ изъ Герца, что Герцогъ Ангулемскій извѣстилъ всѣ Дворы о смерти своего отца, и что полученное въ Парижѣ о томъ письмо было адресовано не Лудовику Филиппу, Королю Французовъ, а Его Королевскому Высочеству Герцогу Орлеанскому, Генеральному Намѣстнику Королевства..

— 29-го Ноября, въ 10 часовъ утра, Князь Полиньякъ выѣхалъ изъ тюрьмы. Съ нимъ ѣхалъ по городу, въ дорожной каретѣ, жанлармскій офицеръ. Всѣ жители собрались у городскихъ воротъ, и Князь благодарилъ ихъ поклонами за сей знакъ ихъ участія въ его судьбѣ. Г. Герцонъ ле Равиль провель, 29-го Ноября, нѣсколько часовъ въ Парижѣ, гдѣ онъ посѣтилъ многихъ изъ своихъ пріятелей, и вслѣдъ затѣмъ, продолжалъ путешествіе къ назначенному ему мѣсту жительства. 30-го Ноября, Князь Полиньякъ прибылъ въ Аррасъ.

— Въ Garde National de Marseille опровергаютъ слухи, распущенные Парижскими журналами, о взятіи Дона Мигуэля.

— Академія Надписей и Изящной Словесности избрала, въ засѣданіи 25-го Ноября, Г. Форіеля на мѣсто умер-

шаго Г-на Петти-Раделя. Новый академик известенъ своимъ превосходнымъ сочиненіемъ *О народныхъ пьсляхъ Новой Греціи, и Исторію южной части Галліи, во время варварскихъ завоевателей.*

— Въ письмѣ изъ Констанса, отъ 29-го Ноября, сказано: »Принцъ Лудовикъ Бонапарте написалъ къ Графинѣ Сень-Ле, своей матери, второе письмо изъ Портъ-Луи, отъ 17-го Ноября; онъ извѣщаетъ ее о своемъ предстоящемъ отъѣздѣ въ Нью-Йоркъ, и говоритъ, что рѣшился въ теченіе цѣлаго года объѣхать всѣ провинціи Соединенныхъ Штатовъ, и только тогда избрать себѣ постоянное мѣсто жительства. Онъ намеренъ обратиться къ своему дядѣ, Иосифу, съ просьбою продать ему нѣкоторое количество земли, воздѣлываніемъ и обработкою коей онъ желаетъ заняться. Принцъ проситъ, чтобы ему были присланы его охотничьи ружья и книги, и присовокупляетъ къ тому, что ему обѣщали возвратить 6000 фр., которые были у него отобраны въ Страсбургѣ.«

— Въ журналѣ *Americain*, выходящемъ въ Брестѣ, напечатано: »Обсервационной эскадры, которою начальствуетъ Адмиралъ Гюгонъ, ожидаютъ на сихъ дняхъ обратно въ Брестъ. Повидимому, Правительство сначала предписало оставить одинъ корабль въ Лиссабонѣ, и чтобы остальная часть эскадры крейсировала передъ устьями Тага. Такъ какъ такое крейсированіе сопряжено въ нынѣшнее время года съ опасностью, Адмиралъ Розамель предписалъ всѣмъ кораблямъ возвратиться въ портъ.«

— Въ нѣкоторыхъ Парижскихъ журналахъ было напечатано, что Правительство совершенно лишилось надежды отыскать корабль Дилуазъ, пропавшій въ экспедиціи къ Сѣверному Полюсу и что Министръ предписалъ исключить сей корабль изъ официальныхъ списковъ. Посему случаю напечатано въ Мониторѣ слѣдующее объявленіе: »Корабль Дилуазъ отправился 31-го Мая 1833

г. изъ Рошфорта къ берегамъ Исландіи, и приставалъ 4-го Августа того же года въ Ванна-Фіордѣ; съ того времени не получали о немъ ни какихъ извѣстій. Со времени отправления Дилуаза, прошло болѣе трехъ лѣтъ, въ продолженіе которыхъ не могли ничего узнать о судьбѣ находившагося на немъ экипажа и другихъ лицъ; всѣ средства были употреблены для развѣдыванія о нихъ, и Французское Правительство объявило въ своихъ и въ иностранныхъ журналахъ, что обѣщаетъ 100,000 фт. награды тому, кто привезетъ во Францію экипажъ Дилуаза или часть онаго. Для отысканія его, были посланы три корабля, но, къ несчастію, безъ всякаго успѣха. При семъ неутѣшительномъ положеніи дѣлъ, Правительство было принуждено исполнить нѣкоторыя формы, обычныя въ подобныхъ случаяхъ, но изъ этого нельзя заключить, чтобы потеряна была вся надежда.«

— Въ бумагахъ скончавшагося незадолго предъ симъ композитора Герольда найдена комическая опера въ одномъ дѣйствіи, коей музыка не только окончена, но и аранжирована для оркестра. Дирекція Комической Оперы немедленно купила рукопись за цѣну, которой потребовали за нее наследники.

— Турецкій Посоль былъ введенъ на дняхъ въ Парижскій клубъ шахматной игры. При вшествіи туда, онъ низко поклонился Г-ну Лабурдоне, первому игроку въ шахматы во Франціи, и вслѣдъ затѣмъ, сыгралъ нѣсколько партій съ известнымъ ориенталистомъ, Г-мъ Амедѣ де Жоберомъ.

ПРУССІЯ.

Е. К. В. Принцесса Фридерика Доротея Луиза Филиппина Прусская, вдова Е. С. Князя Радзивила, и дочь Е. К. В. Принца Фердинанда Пруссаго, брата покойнаго Короля Фридриха II, скончалась въ Берлинѣ 7-го Декабря, въ четверть четвертаго часа по полудни, послѣ

кратковременной болѣзни. Она родилась 24-го Мая 1770. Королевскій Дворъ наложилъ по сему случаю трауръ на двѣ недѣли, начиная съ 8-го числа.

АНГЛІЯ.

20-го числа, сдѣлано было покушеніе на жизнь Французскаго Генеральнаго Консула, Г-на Дюрантъ-де-Севтъ-Андре. По немъ выстрѣлили изъ духоваго ружья, когда онъ сидѣлъ въ своей библіотекѣ; по счастью, его однако же не ранили. Послѣ долгихъ поисковъ полиція, открыли, что это произошло отъ неосторожности молодого челоуѣка, живущаго насупротивъ Консула: онъ бросалъ изъ окна неудачно вылитыя имъ пули, и одна изъ нихъ попала въ комнату Консула.

— Изъ Лиссабона получены извѣстія до 13-го Ноября. Столица была спокойна. Королева и ея супругъ, Принцъ Фердинандъ, показывались въ публикѣ каждый день, и были принимаемы народомъ съ изъявленіемъ радости.

— Въ Эссекскомъ Графствѣ число пожаровъ безпрерывно увеличивается: полагаютъ, что они происходятъ отъ злоумышленныхъ людей.

— 20-го числа получено въ Глазговѣ офиціальное уведомленіе Сира Роберта Пиля, о томъ, что онъ принимаетъ избраніе его въ Ректоры тамошняго университета.

— О Капитанѣ Бакѣ получены извѣстія до 1-го Августа; его видели въ тотъ день въ Гудсоновомъ Проливѣ, подъ 62° сѣверной широты и 71° западной долготы. Ледъ у береговъ былъ очень толстъ, но, не смотря на то, онъ хотѣлъ попытаться пройти до Ватеръ-Ривера, и тамъ выйти на твердую землю, для разсмотрѣнія береговъ Реджинтъ-Инлета.

— Въ Кантонѣ прибылъ изъ Англій пароходъ Джардинъ, отправленный туда для введенія пароходства въ Китаѣ. Дымлящаяся диковина, однако же, повидимому, испугала Китайское начальство, и командиру Джардину

было приказано немедленно выйти съ пароходомъ изъ Кантона.

— Парламентъ не будетъ открытъ прежде 31-го Января. Открытіе его было отложено до того числа въ послѣднемъ засѣданіи Тайнаго Совѣта въ Брейтонѣ.

— Гг. Чарльсъ Эркинъ и Чарисъ Листеръ назначены вторыми Статсъ-Секретарями въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ.

— На дняхъ прибылъ въ Брейтонъ Испанскій Посолъ, и немедленно по прибытіи, имѣлъ аудіенцію у Короля. Въ тотъ же день обѣдалъ онъ у Ихъ Величествъ, съ Лордомъ Пальмерстономъ.

— Князь Полиньякъ прибылъ въ Лондонъ, въ сопровожденіи своего сына, и обѣдалъ, третьяго дня, у своей сестры, Мистрессъ Макдональдъ. Онъ передъ тѣмъ намѣревался было предпринять путешествіе въ Германію, и посѣтить Герцога Ангулемскаго. Врачи ему однако же это отсвѣтовали. Онъ пробудетъ въ Лондонѣ около двухъ недѣль, и, вслѣдъ затѣмъ, отправится въ Девонширъ, къ родственникамъ своей супруги. Князю Полиньяку нынѣ 56 лѣтъ отъ роду; онъ провелъ въ заключеніи, въ теченіе своей жизни, 16 лѣтъ и 4 мѣсяца.

— Новыя привилегіи, дарованныя Лондонскому Университету, подписаны Королемъ за мѣсяць предъ симъ. Сему Университету дано право производить въ ученые степени по Юриспруденціи и Медицинѣ, и давать позволенія на занятія сими частями на практикѣ.

— Г. Ч. Де (Duy) назначилъ въ своемъ завѣщаніи 100,000 ф. ст. на учрежденіе благотворительнаго заведенія для содержанія слѣпыхъ обоюбого пола, не имѣющихъ средствъ къ пропитанію.

— Джонъ Лондонъ Макъ-Адамъ, извѣстный усовершенствованіемъ постройки шоссеиныхъ дорогъ, умеръ, 16-го Ноября, въ своемъ помѣстьѣ Моффатъ. Ему было

80 лѣтъ; въ Dumfries Courier сказано, что онъ не оставляетъ по себѣ ни какого имущества, не смотря на то, что получилъ отъ Правительства въ награжденіе два раза по 5000 ф. ст.

— Въ Jersey Herald напечатано; »Въ частномъ письмѣ изъ Лондона уведомляютъ, что Генераль Лемаршанъ имѣлъ совѣщаніе съ Лордомъ Пальмерстономъ; причѣмъ рѣшено отозвать изъ Испаніи Британскій вспомогательный легіонъ.«

— Въ Morning-Chronicle напечатано, что Князь Кавинно (Луціанъ Бонапарте) получилъ отъ Римскаго Двора извѣстіе, что смертный приговоръ, произнесенный надъ его сыномъ замѣненъ изгнаніемъ его изъ Італіи на всю жизнь.

— Судъ Королевскій приговорилъ книгопродавца Стокдела, за изданіе соблазнительныхъ сочиненій, къ содержанію на полгода въ тюрьмѣ, и къ представленію поруки въ 100 ф. ст. впредь на три года.

— Въ Лондонскихъ журналахъ доннынѣ печатаютъ извѣстія объ опустошеніяхъ, причиненныхъ послѣднею бурей 19-го Ноября: они почти повсюду одни и тѣ же. Больше всего обращаютъ вниманіе въ сихъ журналахъ на разбитіе мачтъ Британскаго военнаго корабля, стоявша на якорѣ въ Спитгедѣ; этотъ случай почти не имѣетъ подобнаго себѣ примѣра въ лѣтописяхъ Англійскаго флота. Изъ Портсмута, Брейтона, Дила, Плимута, Бристольа, Бирмингама, Гуттингама, Ворстера, Чичертера, Колчестера, Бедфорда, Кембриджа, Шерборна и многихъ другихъ городовъ присланы въ журналы описанія ужаснаго оркана. Также напечатаны донесенія о слѣдствіяхъ, произведенныхъ надъ трупами людей, убитыхъ паденіемъ балокъ, кирпичей или крышъ. Исчислили, что около Лондонскаго моста погубило до 200 лодокъ; многіе изъ людей, находившихся на нихъ, тяжело ушибены. Самое большое замѣшательство произошло на Темзѣ въ ту ми-

нуту, когда розорвало въ Линкильнѣ цѣпь, и всѣ корабли, находившіеся за нею, были, съ ужасною силою, увлечены въ докъ Св. Екатерины. Неисчислимы потери и поврежденія, причиненныя неизбѣжнымъ столкновеніемъ кораблей: переломаны мачты, сорваны такелажи и т. п. Съ удивленіемъ замѣтили лодку, несомую вѣтромъ килемъ вверхъ; она находилась на двухъ другихъ лодкахъ, и проплывъ такимъ образомъ нѣкоторое пространство, была выброшена на берегъ, безъ всякаго поврежденія. На Биржѣ находилось множество народу, но, по счастью, тамъ никто не былъ ушибенъ падающими обломками строеній; доннынѣ оказалось только пятеро убитыхъ и нѣсколько людей, ушибеныхъ болѣе или менѣе. Сила бури была также чрезвычайно сильна въ Брейтонѣ: тамъ разрушенъ ею каменный мостъ.

— Съ острова Кубы пишутъ, что въ Гаванну прибыли изъ Мексики трое повѣренныхъ, которымъ поручено войти въ переговоры съ Испанскимъ начальствомъ касательно обоюднаго открытія портовъ.

ИСПАНІЯ.

Постановленіемъ Дона Карлоса, изданнымъ въ Дуранго, 9-го Ноября, Іезуитамъ поручается обученіе и воспитаніе юношества въ Испаніи.

— Родиль безпрекословно сдалъ командованіе арміею Генералу Риберо. Правительство предписало Родилью отправиться въ Толедо.

— Въ Indicateur de Bordeaux, 25-го Ноября, сказано: »По Карлистскимъ извѣстіямъ, отъ 22-го числа, осада Бильбао снята 21-го Ноября, въ слѣдствіе движеній Эспартеро. Не подвержено сомнѣнію, что онъ шелъ 19-го числа съ 14,000 чел. войска, черезъ Кастръ и Португалетту къ Бильбао.«

— На Парижской Биржѣ, 23-го Ноября, говорили, что Бильбао еще не сдавался 20-го Ноября вечеромъ, и что

на Генерала Виллареала напалъ , 21-го Ноября , Генераль Эспартеро съ отрядомъ , состоящимъ , изъ 15,000 чел. О судьбѣ сего сраженія еще ничего не было извѣстно. Это извѣстіе поддерживало въ той же цѣнѣ Испанскіе фонды, понизившіеся на Лондонской Биржѣ.

— Изъ Байонны пишутъ , отъ 30-го Ноября: »Въ Карлистскомъ письмѣ увѣдомляютъ , что Виллареаль напалъ , 27-го числа, на Генерала Эспартеро при Сарахальдо, нанесъ ему большой уронъ въ войскѣ и артиллеріи, и принудилъ отступить въ Португалетту. Карлисты заняли въ тотъ самый день монастырь Св. Августина и два прилегающіе къ нему дома. Гомесъ находится въ Сіерра де Роида.«

— Изъ Байонны пишутъ , отъ 1-го Декабря: »Уже вчера разнесся здѣсь слухъ , что Эспартеро разбитъ на голову Виллареалемъ , на дорогѣ изъ Португалетты въ Бильбао. Извѣстіе сіе сегодня подтвердилось , по самымъ достовернымъ свѣдѣніямъ; въ письмѣ изъ Дуранга , отъ 28-го Ноября , сказано о томъ слѣдующее: Съ удовольствіемъ могу объявить сегодня , что вчерашній день , 27-го Ноября , былъ днемъ славы оружія Дона Карлоса. Карлисты одержали вдругъ двѣ побѣды. Эспартеро дошелъ , на дорогѣ изъ Португалетты въ Бильбао , до Барракальдо; здѣсь на него напалъ Виллареаль , и сбивалъ со всѣхъ позицій , пока отступленіе непріятеля не превратилось въ совершенное бѣгство. Эспартеро лишился всей своей артиллеріи (?), большей части багажа и 1800 пѣхннхъ. Во время сей побѣды былъ взятъ штурмомъ , при Бильбао , фортъ Сантъ-Августинъ; тамъ Карлисты взяли въ плѣнъ только 75 чел., потому что большая часть защищавшихся были погребены подъ развалинами форта , и вѣроятно сгорѣли , когда Карлисты подожгли монастырь. Также взяты два дома , находившіеся подлѣ сего форта; одинъ изъ нихъ былъ укрѣпленъ. Симвъ успѣхомъ облегчено взятіе Бильбао.«

— Въ одномъ Парижскомъ журналѣ , 3-го Декабря , напечатана слѣдующая телеграфическая депеша: »Байонны , 1-го Декабря. На мѣсто Камбы , Испанскимъ Военнымъ Министромъ назначенъ Родригесъ де Вера. Кортесы объявили единогласно , 26-го Ноября , что Донъ Карлосъ лишенъ всѣхъ правъ на престолъ Испаніи По донесеніямъ Виллареала , сраженіе , 27-го Ноября , было неважно , но Эспартеро не могъ овладѣть мостомъ , ведущимъ въ Бильбао. Монастырь Сантъ - Августинъ взятъ вмѣстѣ съ находившимся въ немъ гарнизономъ. Эспартеро сдѣлалъ , 28-го Ноября , новую попытку напасть на мостъ , но былъ опять отраженъ. Каса - Эгія потребовалъ 29-го Ноября сдачи города Бильбао , но гарнизонъ отказался отъ капитуляціи. Огонь не умолкалъ 1-го Декабря поутру.«

— Въ Монитерѣ , 5-го Декабря , напечатаны слѣдующія телеграфическія депеши: »Байонна , 2-го Декабря. Отрядъ Кабреры останавливалъ два дня сряду Мадридскую почту. Изъ Сантъ - Себастіана пишутъ , отъ 30-го Ноября , что Эспартеро , для достиженія до Бильбао , намѣренъ устроить черезъ рѣку пловучій мостъ. Въ Сантъ - Себастіанъ привезены изъ Англіи 24 орудія , съ военными снарядами и ротою артиллеристовъ ; они назначены для вооруженія и защиты форта Пассажа. — Байонна , 3-го Декабря. 30-го Ноября , Эспартеро перешелъ черезъ рѣку при фортѣ Десіерто , по пловучему мосту. Виллареаль перешелъ черезъ рѣку при Олавіехо , и оба они заняли нынѣ положеніе на правомъ берегу рѣки , въ трехъ часахъ отъ Бильбао. Генераль Эгія отправилъ къ Эспартеру всѣ войска , которыми могъ располагать , и самъ продолжаетъ осаду Бильбао. Монастырь , служащій точкою нападенія , еще не былъ взятъ 12-го Декабря , и городъ держался. — Байонна , 3-го Декабря. Ирибарренъ пошелъ на Асаргу , а Генераль Блокаръ (нынѣшній начальникъ иностраннаго легіона) , на Пуэнтю-ла-Рейна.«

— Въ Монитеръ , 6-го Декабря , напечатана слѣдующая телеграфическая депеша : »Байонна , 4-го Декабря. Изъ Мадрита пишутъ , отъ 30 Ноября , что Гомесъ , находившійся въ окрестностяхъ Гибралтара , возвратился 24-го числа , въ Алкала-де-Гасалесъ. Риборо слѣдовалъ за нимъ по пятамъ. Нарваесъ находился въ Алсаръ , а Але при самомъ Убрикѣ. Они надѣются его окружить. Спокойствіе въ Мадритѣ было нарушено , 28-го и 29-го Ноября , непослушаніемъ одного баталіона 4-го полка , но національная гвардія у него отобрала оружіе. Трое солдатъ того баталіона разстрѣляны 30-го Ноября. Спокойствіе восстановлено.«

— На Карлистскаго Генерала Итуральде находившагося въ Вальдуэндо , въ четверти часа отъ Навары , напалъ , 27-го Ноября , отрядъ Христиносовъ , и онъ былъ взятъ въ плѣнъ со всемъ своимъ семействомъ.

ШВЕЙЦАРІЯ.

Швейцарская Директорія издала Кантонамъ слѣдующій циркуляръ :

Бернъ , 15-го Нолбря 1836.

Союзная Директорія спѣшитъ уведомить Кантоны Союза , акредитованный при Союзѣ Французскій Посланникъ явился 14-го числа , къ Президенту Главнаго Кантона , и объявилъ ему офиціально , что отвѣтъ 5-го Нолбря , присланный ему Главнымъ Кантономъ въ слѣдствіе приказаній , данныхъ ему чрезвычайнымъ Сеймомъ удовлетворилъ Французское Правительство достаточнымъ образомъ для востановленія , на прежнемъ основаніи , сообщеній , существовавшихъ между Франціею и Швейцаріею до 21-го Сентября. Вслѣдъ затѣмъ , Посланникъ изъявилъ желаніе , которое конечно разделяютъ всѣ Швейцарцы , чтобы дружественныя сношенія , существовавшія между Франціею и Швейцаріею въ продолженіе столѣтій , не были нарушаемы въ будущее время , но

чтобы , напротивъ того , они были сохраняемы тщательно обѣими сторонами.«

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Изо Вѣны пишутъ , отъ 23-го Нолбря , что Императоръ Австрійскій явилъ на дняхъ разительный примѣръ правосудія , изъявивъ въ приказѣ по арміи свое неудовольствіе одному высшему генералу и шефу полка , и отрѣшивъ его отъ сей должности за явное покровительство въ повышеніи чинами молодаго офицера , своего пасынка изъ знатной фамиліи , во вредъ прочимъ достойнымъ офицерамъ.

— *Герцъ* 10-го Нолбря. Тѣло Карла X выставлено было въ теченіе четырехъ дней на великолѣпномъ парадномъ ложѣ , при почетномъ караулѣ. Герцогъ Блакасъ уведомилъ начальство , что королевская фамилія , будучи чуждою той странѣ , не имѣетъ права пригласить кого либо на похороны ; но что она съ благодарностію увидитъ , если дворянство и граждане города послѣдуютъ за погребальнымъ шествіемъ. Все дворянство города и окрестностей собралось , 11-го числа , въ королевскій дворецъ въ траурномъ одѣяніи. Архіепископъ , сопровождаемый духовенствомъ , въ то же время отправился изъ кафедральной церкви во дворецъ , гдѣ его приняли съ подобающими почестями Ихъ Высочества , Герцоги Ангулемскій и Бордоскій. Послѣ обычныхъ церемоній , гробъ , накрытый королевскою короною и распятіемъ , былъ постановленъ служителями Короля на колесницу , запряженную шестеркою , и процессія двинулась. Герцоги Ангулемскій и Бордоскій слѣдовали за гробомъ пѣшкомъ ; они были въ черныхъ Испанскихъ костюмахъ и плащахъ , безъ орденовъ и безъ шляпъ ; за ними слѣдовалъ Герцогъ Блакасъ , также въ траурномъ плащѣ , имѣя на шеѣ большую цѣпь ордена Св. Духа ; далѣе шли прочіе кавалеры Двора , также въ траурномъ одѣяніи и съ непо-

крытыми головами, и служители съ зажженными свѣчами; за ними, все остальное дворянство, безъ различія чиновъ. По прибытіи шествія въ кафедральную церковь, архіепископъ отслужилъ литургію и произнесъ обычные молитвы; вслѣдъ затѣмъ, шествіе отправилось къ Францисканскому монастырю; тѣло Короля, находящееся въ свинцовомъ гробу, было поставлено въ фамильномъ склепѣ Графовъ Турнѣ. Ихъ Высочества Герцогиня Ангулемская и молодая Герцогиня Беррійская слѣдовали за процессією въ экипажѣ. Гробъ былъ сданъ Герцогомъ Бласомъ, съ особенными церемоніями, настоятелю монастыря.

— Изъ Герца пишутъ, отъ 19-го Ноября, что Герцогъ Ангулемскій, съ своею супругою, рѣшился провести въ этомъ городѣ всю зиму. Они сначала намѣревались выѣхать изъ Герца немедленно по погребеніи Карла X, но искреннее участіе, принятое дворянствомъ и гражданами сего города, произвело столь сильное впечатлѣніе, въ особенности на Герцогиню, что они рѣшились здѣсь остаться. Въ день похоронъ были закрыты, и жители не упустили ничего для выраженія семейству Карла X своего участія, привязанности и почтенія.

— 5-го Декабря пріѣхалъ Герцогъ Минфортскій, на пароходѣ Принцесса Викторія, изъ Лондона въ Антверпенъ, и на слѣдующій день отправился оттуда, по желѣзной дорогѣ, въ Брюссель, ему сопутствуетъ только одинъ служитель.

— По письмамъ изъ Швейцаріи, отъ 22-го Ноября, Герцогиня де Сенъ-Ле начинаетъ оправляться отъ волненія, причиненнаго ей послѣдними происшествіями. Она непременно хочетъ послѣдовать за сыномъ своимъ въ Америку, и намѣрена ѣхать въ Февраль мѣсяцъ. Донынѣ еще не явилось покупателей всего ея имѣнія Аремберга. — Графъ Сюрвиле (Іосифъ Бонапарте) намѣренъ проводить

Герцогиню въ Америку; его предложеніе было принято съ радостію.

— Изъ Неаполя пишутъ, отъ 22-го Ноября: 20-го числа, въ восемь часовъ утра, ощутили здѣсь довольно сильный ударъ землетрясенія, не имѣвшій ни какихъ дальнѣйшихъ неблагоприятныхъ послѣдствій; землетрясеніе было всего сильнѣе на сторонѣ Бассо ди Монте; въ слѣдующую ночь были слышны во внутренности Везувія сильные громовые удары. Воздухъ расположенъ къ грозѣ, и громовыя тучи несутся черезъ заливъ. Въ ту самую ночь выпало много снѣгу, покрывшаго толстымъ слоемъ окрестныя горы — Везувій, Монте-Сантъ-Анджело, и пр.

М О Д Ы.

Les turbans sont presque tous à la juive, cependant, au lieu de la bandelette qui passe habituellement sous le cou avec ce genre de coiffure, on voit plutôt un large morceau d'étoffe en biais double se terminant en pointe et retombant sur l'épaule; ces turbans se font en cachemire blanc ou de couleur, brodés d'or; le biais se borde d'une frange d'or. Un turban fait avec une écharpe de dentelle, et dans lequel on place des épis de diamans, forme une coiffure aussi riche qu'élégante.

— Les bonnets sont très renversés de fond, échancrés derrière, ayant, au lieu de brides, de longues barbes fort larges, faites en tulle illusion et bordées d'une petite blonde. Les fleurs en velours sont tout à fait de modes sur ces bonnets; on les enveloppe quelquefois de bouillons de tulle. On met souvent des plumes sur les bonnets habillés; cela donne beaucoup de légèreté à la coiffure; on les orne aussi de rubans en velours plain imprimé, blanc sur bleu, blanc sur rose; mais les plus jolis sont les blancs liserés au bord d'une ligne cerise, large de deux lignes: on a su donner à ces rubans de velours toute la légèreté des rubans de soie.

— On voit beaucoup de chapeaux en satin ou velours noir, ornés sur le côté d'une grosse rose à cent feuilles; il est plus joli d'en mettre plusieurs réunies en paquet, et de n'y pas ajouter de feuillage.

Турбаны дѣлаются почти всѣ *à la juive*, но вмѣсто ленты, которая обыкновенно при этомъ головномъ уборѣ проходила подъ надбородкомъ, употребляютъ теперь широкій, косой кусокъ матеріи, взятый вдвое, окан-

чивающійся угломъ и падающей на плечо; турбаны эти дѣлаются изъ кашемира бѣлаго или цвѣтнаго, вышитаго золотомъ; косой кусокъ обшивается золотою бахромкою. Турбанъ, обдѣланный изъ кружевнаго шарфа, и украшенный брилліантовыми колосьями,, составляетъ чрезвычайно красивый и богатый головной уборъ.

— Чепчики очень опрокинуты назадъ, вырѣзаны сзади, и вмѣсто завязокъ, имѣютъ длинныя и широкія барбы изъ tulle illusion, обшитыя узенькою блондочкою. Бархатные цвѣты въ большомъ употребленіи на этихъ чепчикахъ; ихъ прикалываютъ иногда внутри тюлевого буфа. Нарядные чепчики часто украшаютъ перьями, что придаетъ много легкости головному убору; ихъ убираютъ также бархатными печатными лентами, съ узорами бѣлыми на голубомъ или бѣлыми на розовомъ; самыя красивыя изъ этихъ лентъ суть бѣлыя съ узенькою выпушкою свѣтло-пунцоваго цвѣта (cerise): нашли средство дать этимъ бархатнымъ лентамъ, всю мягкость и гибкость шелковыхъ лентъ.

— Носятъ много черныхъ шляпокъ атласныхъ или бархатныхъ, украшенныхъ съ боку большою полною розою; нѣсколько такихъ розъ безъ зелени, собранныхъ въ пучекъ, чрезвычайно красивы.

(Изъ Petit Courrier des Dames и Journal des Dames et des Modes,
5-го Декабря.)

I.

ПУТЕШЕСТВІЯ.

ПОЪЗДКА ИЗЪ САНКТПЕТЕРБУРГА ВЪ МЪСТЕЧКО КОНСТАНТИНОВО, ПРИНАДЛЕЖАЩЕЕ ГР. Ю.. А. Г....

Послѣ долгихъ сборовъ къ выѣзду въ Украину, я наконецъ проспился въ ночи (7 Іюня 1836 г.) съ своимъ великолѣпнымъ Пешербургомъ, полнымъ жизни и дѣятельностью человѣческой, гдѣ все кажется для жительства внутреннихъ губерній Россіи—очаровательнымъ, чудеснымъ, гдѣ и самое пылкое любопытство будетъ удовлетворено, если не совершенно, то по крайней мѣрѣ весьма много. Каждый изъ жителей обширной Россіи долженъ спараться видѣть, хоть одинъ разъ въ свою жизнь, — столицу, основанную мощною рукою Великаго Петра; каждый изъ нихъ, не видавши ея, не можетъ себя представить всего того, что сильно поражаетъ наше воображеніе и дѣйствуетъ на наши чувства. Тамъ найдется все, что великака до малаго, въ крайнихъ объемахъ. Нѣтъ искусства, нѣтъ силы, способности нашей души, которая могла бы передать все—въ такихъ яркихъ краскахъ, занимательныхъ формахъ, разнообразныхъ движеніяхъ, какими наполнена эта чудесная столица. Въ ней-то можно найти лучшія доказательствъ, что человѣческой умъ въ

своемъ могущественномъ лопъ произведеній, есть самая высшая спихія временнаго появленія челоуька на землѣ. Нигдѣ болъе, какъ въ столицѣ, не являешся такъ открышо, такъ видимо великое соединеніе двухъ прошивуположныхъ крайноспей, представляемыхъ людьми въ общеспвенной жизни: памяшники ума, изящностъ вкуса и безспмершіе генія на развалинахъ земной, спраннической жизни челоуька.

Впечатлѣніе, произведенное Пешербургомъ въ моей памяши, живо сохранился навсегда. Нѣтъ поспребности, копорая не могла бы шамъ исполниться; нѣтъ желанія, копорое не могло бы удовлепвориться въ этомъ дивномъ городѣ. Каждый прѣхавшій шуда, найдешъ, по роду своихъ занятій, много любопытнаго, назидательнаго. Общеспвенныхъ учреждений, изливающихъ благодѣяніе на челоуьческой родъ, безчисленно, начиная отъ Академіи Наукъ и Искусствъ до мануфактурныхъ заведеній, доведенныхъ до совершенства, гдѣ каждому можно получить все нужныя свѣдѣнія для своего усовершенствования. Взшедши на Невскій Проспектъ, гдѣ болъе всего сосредоточена дѣятельностъ и предпримчивостъ людей, на эшу улицу выставки всехъ лучшихъ произведеній отечеспвенныхъ и иноземныхъ, можно бытъ ослѣплену отъ разнообразія, блеску и спспроты вещей превосходной опдѣлки. Тамъ, гдѣ сосредоточиваешся торговля Россіи съ Германією, Францією, Англією и другими Державами, можно видѣть все лучшее. Да, еще должно испинно сказать, каждый Русскій долженъ видѣть Пешербургъ. Сохранивъ въ моей памяши такъ много лучшихъ

впечатлѣній, я нехотя долженъ былъ проспиться съ эшою чудесною столицєю, и покоришься условіямъ, копорыя отъ насъ часто не зависящъ. Въ ночь свѣшлую, какъ день, мы проѣхали г. Софію, сосѣдку Царскаго Села, гдѣ успѣхи усовершенствования еще слышны неразрывно съ Пешербургомъ, и наконецъ за г. Гашчиномъ, красиво обспроенымъ, начали вспрѣчать мрачную, свѣрную природу, совершенно прошивуположную богашствамъ Пешербургскимъ. По обѣимъ споронамъ дороги, уже невыспланной гольшемъ, однообразіе предметовъ наведешъ на каждаго пушешспвенника грустное чувство унынія. Песокъ, кругляки гранита, разбросанные по полямъ и коегдѣ персмѣшанные съ затвердѣлымъ известнякомъ, попадались по споронамъ всей Бѣлорусской дороги до села Залазы, гдѣ оканчиваешся Пешербургская Губернія. Вездѣ почва бѣдная, глинисто-песчаная, не вознаграждаешъ шрудовъ земледѣльца; на ней роскошествуешъ спройная ель, раскидистая сосна, приотписный можжевельникъ, и рѣдко между ими выглядываешъ могучій дубъ съ плакучею березою. Псковская Губернія начинаешся древною Боровичами, и ничѣмъ не опличаешся отъ произведеній Пешербургской: глубокіе пески, хвойный лѣсъ, плоское мѣсто, покрытое шо болошами, шо озерами, шо шопями, кои повшоряются отъ спанціи до спанціи и кажушся безконечными. Вотъ селеніе Сенково, начало первой Бѣлорусской Губерніи, Вишъбской. Наша надежда видѣть какую либо перемѣну здѣсь обманулась: все одно и шо же, съ шою разницею, что молодой лѣсъ соспавля-

шій природный аллен по споронамъ Пепербургской дороги, въ Бѣлорусіи уже возвышается въ спройныя, огромныя деревья, и составляетъ непроходимыя дебри, въ копорыхъ обитають безстрашно муравейники медвѣди, рышуть волки, быстро пробѣгають массивныя лоси, прятуются лукавыя лисицы, и находятъ себѣ лучшую пищу дальнзоркія рыси. На разсвѣтъ, переѣхавши на паромъ быструю Западную Двину близъ г. Суража, роскошно извивающуюся въ крутыхъ, глинистыхъ берегахъ, мы достигли въ непродолжительное время самага губернскаго города Вишсбска, въ копоромъ старинныя уніатскіе и католическіе костелы и монастыри составляютъ рѣдкость, замѣчательную по характеру древней архитсктуры; немного Русскихъ церквей и весьма мало каменныхъ домовъ, могущихъ назваться хорошими. Не буду говорить о достопамяностяхъ города въ отношеніи историческомъ: онъ заняли бы слишкомъ много мѣста. Весь онъ расположенъ на полугорь, и кажется очень бѣденъ по наружности; за то, взаменъ всего, составляютъ отличительный его признакъ Жиды, копорыхъ тамъ такъ много, что невольно подумаешь о Вишсбскѣ, какъ о столицѣ Евреевъ. Вся торговля рѣшительно въ ихъ рукахъ: множество мелочныхъ лавокъ наполнено Жидами и Жидовками, имѣющими природныя коммерціальные способности, искусно обманывать, просподушныхъ покупателей. Надо видѣть это множество Евреевъ, въ нечисломъ и изорванномъ платьѣ, по сидящихъ за стойками (лавочные столы), по всающихъ съ мѣстъ при

видѣ покупателей, по бѣгущихъ съ товаромъ въ рукахъ вслѣдъ за ними, по бормочущихъ непонятныя слова недовольства на сосѣдей торгашей, по наконецъ испсшающихъ все свое краснорѣчіе о достоинствѣ негоднаго товара, и по рицающихъ доброту хорошаго издѣлья, чтобы удобнѣе обмануть пробзжихъ покупателей. Торговля Евреевъ есть рынокъ обмана. Эшого кагальнаго опродья, поперявшаго свое опечесиво, главная принадлежность, замѣтная даже и у зажиточныхъ, есть свойственная имъ неопрятность и нечистота; опъ эшого и Вишсбскъ кажется гордомъ грязнымъ, мало похожимъ на наши Русскіе города. Въ Могилевскую Губернію мы въѣхали по пынистой березовой аллеѣ, насаженной бывшимъ Ген. Губернашоромъ Графомъ З. Г. Чернышевымъ, лѣтъ 60 назадъ; стволы спройныхъ березъ потеряли, опъ вліянія времени, бѣлую свою одежду, и со всѣхъ почти споронъ покрываются разросшимися ягелями (lichens), придающими имъ нѣкоторую мрачность. Въ критическую минуту для Россіи, въ 1812 году, по эшой самой аллеѣ опъ Вильны шанулись обозы Наполеона, и шли его неустрашимыя полчища воиновъ, готовыя разрушить все. Гор. Орша служилъ имъ мѣстомъ поржсшвеннаго выхода въ Смоленскъ и убійсшвенной реширады. Въ недалекомъ располніи (черезъ спанцію) опъ нее вправо, г. Борисовъ, на р. Березинѣ, а влѣво г. Красной, являюся свидѣтелями спрашнаго пораженія непріятелей: эти мѣста остануся вѣчными памяниками храбрости и поржсшва Русскихъ надъ врагомъ иноплемен-

нымъ; шупъ уже великій геній Наполеона перешагалъ руководить своихъ храбрыхъ сподвижниковъ, и жребій ихъ совершился ужасно. Теперь, (ровно черезъ 24 года), каждый, проѣзжая по этой самой аллеѣ, представляешь себѣ ту страшную минушу, когда быспро двигалась армія завоевателя Европы, и нынѣшнее, совершенное спокойствіе, глубокую тишину и полузабвеніе, невольно погружаешь въ пучину думъ, увлекающихъ его далеко изъ существенности въ міръ фантазій! Такъ пройдешь все въ человѣческой жизни, какъ прошлый день невозвратимый: вмѣсто всѣхъ памятниковъ, оставшихся опъ прошлыхъ событий, сохранились однѣ только, полувѣковые свидѣтели, березы, копорья шакже безмолвствуютъ, какъ и въ роковой день для Россіи, за 24 года.

Опъ Вишеска до Могилева на Днѣпръ, слышомъ 160 верстъ: дорога эша, обсаженная съ обѣихъ сторонъ двойнымъ рядомъ березъ, представляется лучшею аллеєю для Англійскаго сада. Мы проѣхали ее довольно скоро, и нашли хорошую кварширу при въѣздѣ въ самый городъ, въ госпитальницѣ для Русскихъ, содержимой иностранцемъ. Числоша дома, гостепріимство хозяина и вкусный обѣдъ, заславили насъ памъ отдохнушь нѣсколко часовъ опъ нашей дороги. Къ вечеру мы проспились съ Могилевымъ, въ кошоромъ шакъ долго пребывала главная кваршира 2-й нашей Арміи, и въ кошоромъ, можно сказать, находилса довольно хорошихъ зданій, какъ казенныхъ, шакъ и частныхъ, занимающихъ гористое мѣсто, откуда открываютса живописные виды, по логовищу

Днѣпра обильно разбросанные. За Могилевымъ до самаго г. Чернигова спройно тянется Чернышевская аллея. Удивительно шю, что на песчаномъ совершенно груншъ, на пространствѣ больше 500 верстъ, она разведена съ одинаковымъ успѣхомъ: взявъ въ примѣръ разведеніе деревьевъ, для прохлады и тени пушникамъ по дорогѣ, въ наше время, сообразивъ все прудности, и наконецъ рѣшилса неудачи, свидѣтельствующія, что въ продолженіе больше 15-ти лѣтъ посадки разныхъ деревьевъ, всякую весну и осень возобновляющіяся, малоуспѣшны, можно представить каждому все прудности, какія вспрымили за 60 лѣтъ дѣятельный Графъ Чернышевъ. Память его добрыхъ дѣлъ и шеперь сохранилась въ Бѣлоруссіи между ея жителеми, а удобство пути и питья, доставляемая деревьями по дорогѣ песчаной и во время лѣта непріятно знойной, есть лучшее право на благодарности ему признательныхъ путешественниковъ. Проѣзжая по этой дорогѣ, живо себѣ представляешь Англійскій садъ; предметы, попадающіеся по шпорамъ ея, кажутся болѣе лобопышными, показываясь несовершенно изъ-за деревьевъ.

Границы Малороссіи начинающаея въ деревнѣ Добрянкѣ, поселеніи старообрядцевъ, невѣждъ, чуждыхъ образованія. Небольшой источникъ раздѣляетъ деревушку Жидовъ, находящуюся еще въ Могилевской Губерніи, опъ поселенцевъ староверовъ, у кошорыхъ домики хорошо выстроены, ограждены высокими заборами; воронна и каминки всегда у нихъ запершы, и если кому

либо нужно найти хозяина дома, шопъ напередъ долженъ запасшись шерпвнємъ, чшобы простояшь на улицъ, спуча въ вороша, пока отпопрушь. Перетхавъ за Черниговымъ рѣку Десну, можно уже всякому замыслишь, что груншь земли изъ песчаного и глинистаго переходить поспепенно въ глинистый и черноземный, вознаграждающій споридею шруды земледѣльца; шупъ уже можно видѣшь благословенную Малороссію со всѣми возможными украшеніями, свойственными умѣренному климату. По споронамъ дороги разбросаны рощи съ дикими фруктовыми деревьями, которыя красуются на зеленыхъ лугахъ, убранныхъ дарами роскошной Малороссійской флоры. Упомнвшись опъ дороги, и проѣхавъ при спанціи опъ Чернигова, мы были приманены чисенькимъ домикомъ, окруженнымъ съ двухъ спорогъ дубнякомъ, спереді копорого разспилался зеленый коверъ, засыпанный неспрыми цвѣтами, всземлянными благошворнымъ небомъ. Тихій прекрасный вечеръ, простой, деревенскій видъ окрестностей, чистый жививельный воздухъ, шившина и спокойствіе въ опрятныхъ комнахахъ домика, расположили насъ провеспи ночь въ эпош Малороссійской ханш, сосшавляющей все доспояніе спанціи, называемой Дремайловкою. Пользуясь хорошею, шеплою погодою, я опсправился вскоръ въ дубраву на бошаническую прогулку: благовоніе цвѣтовъ, живописное мѣсто, яркая зелень убранства деревьевъ расположили мою душу къ чиспому наслажденію. При входѣ въ чащу лѣса болѣе и болѣе, мнѣ попадались очень красивыя растенія, между которыми

Венеринъ башмачекъ (*cyrtipedium calceolus*) особенною формою вѣнчика и темнопурпуровымъ бархашнымъ цвѣшомъ его, привлекъ мое вниманіе; вскоръ благовонная любка (*orphis bifolia*) съ бѣлыми коронками, напомнила о своемъ укромномъ мѣспѣ рожденія, разливая нѣжно-пріяшный запахъ; шамъ, въ нѣсколькихъ шагахъ опъ нея, лилія маслянка (*lilium mortagon*), роскошно убранная цвѣтами, выказалась надъ другими; въ сосѣдствѣ ея, длинными, цѣпкими спеблями, красиво заспилала лѣсная виція (*vicia sylvatica*) пустой промежуткомъ между цвѣшущими липами. Вошедъ въ свяпилище природы, поражалась неволью разнообразіемъ пышныхъ произведеній флоры, разгадывая ея нѣмой говоръ, объясняя символическіе ея знаки, для глазъ многихъ людей навсегда закрышые, и безошчепливо наслаждаясь удовольспвіемъ чиспымъ, злыми дѣйспвіями челошва неомраченнымъ, каждый принесеш изъ глубины сердца шеплую молишву Творцу міровъ за все благодѣаніе, ниспосланное Имъ на радость и пользу челошву на земли. Уложа въ бошанической поршфель нужныя для меня, рѣдкія растенія, я возвратился съ удовольспвіемъ съ прогулки, и нашелъ уже всѣхъ своихъ спящими на спанціи. Я не могъ скоро уснуть, еще полный шѣхъ впечатлѣній, копорыя опспались въ моей душѣ во время прогулки, и долго внималъ шой глубокой шивинѣ, покрывавшей нашъ ночлегъ, копорая была, кажешся, предвѣспіемъ бури и худой погоды. Черезъ двѣ спанціи мы уже въ Башуринѣ, нѣкогда бывшей сполницъ Малороссійскихъ гершмановъ, сосшавляющей шеперь уже не шю, чшо было нѣ-

когда во времена Хмьльницкаго, Мазепы: трудно найти слѣды той славы и величія, копорыми онъ отличался отъ другихъ городовъ. Одинъ видъ Малороссійской слободы теперь онъ представляешь; исчезло все! Проливной дождь, сильный вѣтеръ и сырой холодный воздухъ заславили насъ оспашься всю темную ночь въ Бапуринѣ, и только на разсвѣтъ мы поѣхали дальше; дурная дорога сдѣлала намъ разницы болѣе одного дня, пока пріѣхали къ назначенному мѣсту. За нами уже оспались и трясинный г. Коношопъ, и шрудолубивый и богатый пшабачными планшациями Хмьлевъ, и пригошовающійся къ годовой Ильинской ярмаркѣ г. Ромень, гдѣ некогда провелъ всю зиму предъ Полшавскою бившою неушрашимъ Карлъ XII, Король Шведскій. Въ 28 версахъ отъ г. Ромна находилъсь мѣстечко Коншпаншиново, принадлежавшее сначала Князьямъ Вишневецкимъ, перешедшее потомъ въ фамилію Мишехъ, отъ коихъ досталось Мазепѣ, и было отдано во владѣніе его другу Зеленскому; теперь же оно, съ 1711 года, принадлежитъ постоянно Графу Г.... Перемѣнивъ лошадей на Роменской спанціи, черезъ два часа мы уже были въ сел. Коровинцахъ, окруженномъ съ одной стороны сыпучимъ пескомъ, отъ котораго мѣсто нашего назначенія находилъсь въ шрехъ версахъ. Вотъ перевозимъ рѣку Сулу по длинной, опшно опдѣланной площинѣ и превосходно укрѣпленной, съ лѣвой стороны копорой усшроена двухъ-этажная мельница, удивительнаго механизма, доставляющая большія выгоды владѣтелю. Тутъ наконецъ являешся и Коншпаншиново, рас-

положенное на берегу рѣки. у подножія довольно высокой горы, на копорой высшроенъ господскій домъ съ бельведеромъ превосходной опдѣлки, и два флигеля; вблизи его расположенъ садъ со всѣми заманчивыми своими дорожками, украшеніями и группами плодовыхъ деревьевъ; на одной оконечности сада сооруженъ сельскій Божій храмъ. Нѣсколько опдохнувъ и воспользовавшись промежушкомъ времени отъ дурной. дождливой погоды, копорая, кажешся, во весь Іюнь, сдѣлалась общимъ достояніемъ, я осмолрѣлъ все, что только могло представиться моему любопытшству, и вотъ вамъ опчешъ. Мѣстечко Коншпаншиново расположено по оплогосни горы, обращенной на юговостокъ; передъ нимъ расшнута картина, достшпная кисти лучшаго художника-пейзажиста. Въ первый разъ взойдя на это любопытное возвышеніе, вы будете поражены множешвомъ предметовъ, коими сама природа украсила его. Это натуральное сліяніе произведеній ея васъ займешъ сильно, увлеченъ далеко шуда, гдѣ обнимаешся земля съ синешою горизонтомъ, и гдѣ ваше любопытштво опкроешъ множештво подробностей. Съ шого самаго мѣста, гдѣ высшроенъ красивый домъ для лѣшняго пребыванія господъ, ш. е. почти изъ центральной точки этой непшунической насыши (наносной горы), вы увидите передъ собою амьшешшрѣ, чудесно обспавленный группами деревьевъ, рошамъ, садами, между коими выказываются деревни, селенія, хутора; въ 28 версахъ г. Ромень, съ правой стороны находящійся, представляешъ вамъ ясно со всѣми своими шроеніями, церквами, а съ лѣвой

спороны заштатный городъ Недригайловъ (Лебединскаго Уѣзда) красуется на зеленой равнинѣ, по которой роскошно извивается рѣка Сула, и кажется со всеми подробностями какъ на ладони. Если вашъ любопытствующій взоръ не уснаеишь оиъ разсмаиванія часней эпои обширной карпины, ему представишь далье еще слобода Ольшанка, помѣщенная на песчаной равнинѣ, которая издали кажется бѣлымъ ковромъ, противоположнымъ съ разнохарактерными ошлвами зеленого цвѣта полей. Преслѣдуя далье неумолимый горизонтъ на востокъ, вы постепенно будете замѣчать, какъ выплываютъ и исчезаютъ на его непоснолннхъ, обманчивыхъ волнахъ, группирующіяся обипалища граждансвеннаго человека и наконецъ слабость и ограниченность вашего зрѣнiя кладетъ препону вашему любопытству разсмаивать предѣлы видимаго.

Переѣхавъ въ деревню на лѣтние мѣсяцы наслаждаться природою и жизнью, какъ не прiидеть на мысль каждому пресыщаться прогулками? Изъ всѣхъ пресыщенiй, убивающихъ здоровье, оиъ менѣе всего ему вредны; оиъ не оставляютъ шѣхъ послѣдствiй, которыхъ часто преслѣдуютъ насъ до могилы своими непрiятными воспоминанiями и тысячью раскаянiй, преждевременно ошравляющихъ всю сладость жизни; напротивъ, оиъ составляютъ чистое удовольствiе, ничѣмъ не омраченное и оставяющее надолго живое впечатлѣнiе прошедшихъ минутъ радости. Эти прогулки такъ необходимы въ деревнѣ, что безъ нихъ жизнь была бы въ нѣгоси горожанину, перемѣ-

нившему душную пыльную атмосферу своего пребывания на легкой, чистый воздухъ деревни. Къ сельскимъ прогулкамъ жительство города легко и скоро привыкаетъ: оиъ дѣлается для него необходимостiю. Такъ и я вскорѣ полюбилъ ихъ, и позднiй вечеръ и румяную зарю свѣтлаго востока часто встрѣчалъ на вольномъ воздухѣ. Пропротивоположность свѣта и тмы сопровождается прелестными карпинами, какъ на поляхъ и зеленыхъ рощахъ, такъ и въ склоняющемся горизонтѣ окрестностей Констаншинова. Восхожденiе солнца рисуется неподражаемо за Констаншиновскими лѣсами, и шунъ представляется дѣйствительно ш изящное произведенiе природы, которое свойственно гористымъ мѣстамъ Швейцарiи, Кавказа предъ началомъ ушрениа сумрака. Скажу вамъ болѣе: восхищенiе мое осуществилось въ такихъ невыразимыхъ формахъ, что я представлялъ себя, живя въ Констаншиновѣ, перенесеннымъ въ горныя страны прелестной Пятигорiи Кавказа. Все перемѣны дня сопровождаются перемѣнами видовъ. Когда солнце позлашитъ своимъ огненнымъ свѣтомъ всю картину окрестностей, и когда воздухъ заструится въ ея предѣлахъ, оиъ перемѣны теплоты, тогда околежащiе предметы, ясно видимые за нѣсколько часовъ, покрываются свѣтлою мглою, и представляется необозримая даль, наводящая усалость на любопытствующiе взоры. Тунъ уже блескъ свѣта и сила его отраженiя представляютъ предметы не полными, не всеми видимыми, а вмѣстѣ съ симъ невольно раждается мысль о безпредельности пространства.

Послѣ полудня, когда наше полушаріе удаляется въ другую сторону отъ источника свѣта, вечерній пейзажный видъ окрестностей Констанцинова не менѣе величественъ и прелевателенъ, какъ и утромъ: успавшія стада домашнихъ животныхъ, разсыпавшіяся по оплогости горы, медленнымъ шагомъ по такту Украинской дудки, наигрывающей свою мелодію, возвращаются къ покою въ села, расположенныя симметрически у подножія Констанцинова; догорающіе лучи солнца позлащаютъ блуждающія тонкія облака въ верхнихъ сферахъ атмосферы, рисуются въ нихъ по радужнымъ цвѣтамъ, по огненной полосой, по заревомъ небеснаго пожара, по убираютъ ихъ роскошными опливами пурпура, но, наконецъ, на чистомъ лазоревомъ небѣ скользятъ въ безпредѣльность. Съ величественною переменю, происходящею въ верхнихъ слояхъ воздуха, въ окрестностяхъ описываемаго мѣста является также переменъ: прохлада непримѣнно смѣняется зной, а тѣнь, лежащая въ долинахъ, на мягкой муравѣ рисуется разнообразныя фигуры, копорья, отъ легкаго въперка, потрясающаго предметы, по сокращаются, по расширяются, по мечутся въ споры и оживаютъ, такъ сказать, движеніемъ тѣни, самыя предметы безъ яснаго выраженія жизни. Чтобы описать вамъ прелеватѣйшее мѣсто Констанцинова, одного изъ тѣхъ завидныхъ положеній, на которое все пробуждающіе обращаютъ неравнодушное свое вниманіе, я долженъ бы былъ представить вамъ все подробности, копорья могли бы раскрыть всю прелесть этого Украинскаго

мѣстечка, но нѣтъ возможности въ письмѣ это исполнить. Не могу еще не сказать вамъ объ одной картинѣ, копорая услащивается съ площадки, впереди дома находящейся, гдѣ четыре сосновыхъ дерева (*pinus conica*) сплетаются въпьями своими, и дославляютъ укромную тѣнь, осѣняющую холщяную палашку, тамъ спавленную и оплично опдѣланную. Съ этого возвышеннаго мѣста, составляющаго почти центръ террасы, опоясывающей гору, по копорой гибкія лозы винограда сплетаясь между собою цѣпкими усамы (*cirrhii*), напоминаютъ что по южнобережное Крыма, является въ большомъ видѣ панорама: на разоспавшемся неспромъ коврѣ впереди васъ у подножія горы запруженная рѣка Сула роскошно разливается и образуетъ зеркальную, зыбкую поверхность воды на значительное пространство, усѣянную натуральными камышевыми островками, на копорыхъ изрѣдка распушь ольха и лоза (*salix*). Острова эти исключительно обинаемы птичками *очеретяками* (*sylvia phragmites*), копорья во все мѣсяцы лѣта заспываютъ здѣсь мѣсто весеннаго соловья, и самою пріятною переливнымъ своею мелодіею услаждаютъ слухъ гуляющихъ; и въ лунную, свѣтлую ночь, часто эти пѣвцы природы наполняютъ окрестности своими прелами, шебешаньемъ, какъ бы недовольные дневными трудами и какъ бы радуясь еще болѣе, что пѣсни ихъ вечеромъ и ночью голосистѣе, звучнѣе.

Съ одной споры разлившейся рѣки Сулы находилась село Березняки, и по тому же направлению, съ другой споры, является на блѣтомъ,

песчаномъ грунтѣ село. Курманы, а между ими прямо пропиту васъ, въ чепырехъ верспахъ, нянется леппочною спарая почпвая дорога изъ Ромна въ Недригайловъ, обсаженная вербою (*salix alba*), въпви копорой, разраспаясь равномърно, принимають форму продолговатаго шара, запканнаго зеленью лиспьевъ; далье, за дорогою, представився вамъ глвниспо-песчаная, наносная гора, произведенная дѣйсвиемъ воды, разливавшейся нѣкогда по логовину шеперешней укромной Сулы морскими волнами, и разрушавшей всъ сущесва, довольспвовавшійся шамъ жизни. Эпа гора параллельна шой горѣ, на копорой выспроенъ домъ, опличноубранный и гдѣ расположенъ Англійскій садъ со всѣми сокровищами южно-Россійской флоры. Я чудеспвую, что описаніе мое предспавишь вамъ полько одну слабую пѣнь всего мною видѣннаго. Прекрасное мѣсто! чудесное мѣсто! Если вы заховише обозрѣшь окреспности Констаншинова, то найдете множество любопытнаго. Амаліина роща въ знойное время доставишь вамъ лучшее мѣсто для гулянья: полувѣковыя липы и спройные дубы составляютъ ея украшеніе. Тамъ ваше любопытство оспановишия нѣкопорое время на спраннымъ случаѣ натуральной привычки, соединившей въ одинъ спволъ липу съ дубомъ: не емопря на разнородность, свойспвенную имъ обомъ, распшиельныя ихъ силы слыпы въ общность, и неизмѣннымъ порядкомъ липа украшается ежегодно широкими темнозелеными лиспьями и благовопными цвѣшами, а дубъ, въ свою очередь, пишаясь нѣжными соками, нсходящими изъ

своей родной сроспницы, сохраняетъ все достояніе крѣпости, могучести и кажется еще обильнѣе покрываешся лиспьями и больше приноситъ желудей. Спволъ при землѣ въ этомъ рѣдкомъ примѣрѣ ешь господспвующій дубъ, а липовый показывается уже на дубовомъ въ полшора аршина опъ земли, какъ омела на деревьяхъ. Спранный случай, достойный вниманія образованнаго фипнома!

Если вы нижею дорогою проѣдете изъ Амаліиной рощи къ городку, находящемуся на продолженіи одной горы съ Констаншиновымъ (въ 8 вер. опъ Консп.) въ сѣверовостоку, и если вы взойдете въ бесѣдку, находящуюся на самой верхней части горы, то шамъ дѣйсвиешельно приклонише кольна Творцу міровъ, и погрузишесь неволью въ пишую молишву, благословляющую Всевышняго за все благо, ниспосланное имъ роду смерпныхъ. Здѣсь вы будете очарованы, прикованы къ этому чудесному мѣсту непоняшною силою. Пройдетъ нѣсколько часовъ, и ваше вниманіе не оцспанешъ опъ созерцанія шой карпины, копорая такъ живо, такъ восхишительно рисуешся у вашихъ ногъ. Мнѣ кажешся эпомъ ландшафтъ неподражаемъ; онъ слишкомъ много предспавляетъ подробностей, чпобы можно рѣшишся и лучшему художнику живописцу нимащъ его на бумагу. Я лучшихъ мѣспъ не видалъ никогда. Въ этомъ городкѣ во времена Гешманства Украинскаго, Мазепа и другъ его, Зеленскій, имѣли крѣпость, окруженную глубокимъ ровомъ, копорыхъ полько одни ушлые останки шеперь напоминають о ихъ сущеспвовапніи. Тамъ часшо хипрый Мазепа съ своимъ дру-

гомъ предавался порывамъ самолюбія и измѣническимъ замысламъ прошивъ Великаго Петра. Побѣда подъ Полтавою рѣшила судьбу ненавистника Мазепы, и всѣ его доспоянія и недвижимыя имѣнія щедрою рукою побѣдителя розданы были доспойнѣйшимъ сановникамъ того времени. Въ 1711 года Декабря 6 дня, Петръ Великій пожаловалъ всѣ недвижимыя имѣнія, принадлежавшія Зеленскому, Чуйкевичу, Гамалю, во времена Мазепы, и грамматкою утвердилъ Государственному Канцлеру, Тайному Совѣтнику и кавалеру ордена Святаго Андрея, Графу Гавріилу Ивановичу Головкину, за ревностно-усердные труды по службѣ и полезныя совѣты во время войны съ Карломъ XII, Королемъ Шведскимъ. Эша граммаша, съ собственноручнымъ подписомъ Великаго Петра, въ богатомъ переплетѣ изъ Венеціанскаго бархаша, съ государспвенною печашью, въ золотомъ кругломъ ящичкѣ, висящю на золотыхъ шуркахъ со всеми украшеніями того времени, хранился и шеперь въ церкви мѣспечка Конспанпинова.

Ив. Калениченко.

Г. Харьковъ.

1836 года Сентяб. 12 дня.

II.

ДРЕВНОСТИ.

ГОРЫ УТЕНЕСА, ЛИТОВСКАГО КНЯЗЯ, ОСНОВАТЕЛЯ УЦЯНЫ (*).

Близкій сосѣдъ древностей Липовскихъ, никому почти не извѣстныхъ, и только вкращцѣ и случайно описанныхъ Спрыйковскимъ, давно бы я долженъ былъ увѣдомить о нихъ Липовцевъ, и для почтѣйшаго ихъ узнанія, предпринять путешествіе къ этимъ мѣстамъ. Но только шеперь, въ Маѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года, собрался я къ владѣльцу села Покольнѣ, именуемаго по Литовски *Пакальнѣй*, (*Pacalniej*) что значить: *подгорье*, лежащаго въ 11 верстахъ отъ Уцяны (*Uceny*), приглашая его съ собою посѣтить гору, обитаемую нѣкогда, по словамъ Спрыйковскаго, Липовскимъ Княземъ Упенесомъ, и поискать тамъ Липовскихъ древностей. Вершина этой горы постоянно воздѣлывается, и уже не мало найдено на ней памятниковъ старины, какъ то, треугольное желѣзо съ подписями, мелкая монета, и у подножія ея выкопанныхъ рововъ мѣдныя остатки удиль. Еще въ прошломъ году найдена тамъ черная монета, не извѣстно мѣдная или золотая, которую показывалъ мнѣ старый владѣлецъ. На

(*) Ст. Г. Франц. Вильчичскаго.

одной сторонѣ этой монеты изображена волчица, кормящая двоихъ въшей, съ надписью, съ лѣвой руки *Remus*, а съ правой *Romulus*. На другой ея сторонѣ два рыцаря со щитами, изъ коихъ одинъ, поверженный, лежитъ, и кругомъ подпись: MATTH: AURER REC NRA. M.; года не означено.

Изображеніе на этой монетѣ волчицы, дѣшей, рыцарей, щитовъ, и ш. п. шакъ хорошо и естественно, что, кажется, монета эта принадлежишь къ позднѣйшимъ временамъ.

Нынѣшній розыскъ, на горѣ, спарый владѣлецъ опложилъ до осени, по есѣ до свободнѣйшаго времени ошъ земледѣльческихъ занятій. Авшоритетъ Спрыйковскаго завелъ меня въ Покольнѣ, но болѣе увлекали меня значительные и величественнѣе памятники древности, находящіеся близъ Уцяны. Въ чешырехъ верспахъ ошъ Уцяны, по спарому почшовому шракшу, ведущему въ Вилькомирь, при началѣ лѣса показывающа, съ правой спороны, поросшія въковыми дубами, вознесенныя человѣческою рукою, на прекрасномъ мѣстоположеніи, двѣ горы, именуемыя по Липовски: *пилекальнисъ* (*pilecalnis*), ш. е. насыпная гора; не подалеку ошъ нихъ находѣтся того же имени и деревушка, и поблизосши не малое селеніе, называемое *Наркуней* (*Narcunei*), что значить: *желаніе тѣль*. На этихъ горахъ, идетъ преданіе въ въ просшонародіи, былъ погребенъ Упенесъ въ золотомъ сосудѣ или урнѣ. 2 Августа нынѣшняго года, взявъ съ собою слугу и желѣзный шупъ, опсправился я въ эти мѣста, для археологическихъ изслѣдованій. Двѣ есѣ горы, именуемыя *Пилекаль-*

нисъ, въ 4 верспахъ ошъ коихъ лежитъ Уцяна и въ нѣсколкихъ шагахъ шагахъ деревушка *Пилекальнисъ*; въ полуверспѣ на югѣ селеніе *Наркуней*, въ 2 верспахъ на сѣверѣ дорога, Ковенское шоссе и имѣнне *Ясаны*, а въ 2 верспахъ на западѣ село *Вазгеле*. Первый курганъ квадратный, насыпной, въ видѣ спроенія съ валомъ ошъ сѣвера, находѣтся на другой, природной горѣ, соединенной съ большою дорогою, и имѣющей съ шрехъ споронъ глубокія ущелія. Шагахъ въ пятидесяти возвышается и другая гора, высокою равняющаяся *Виленской* замковой горѣ; ошъ самаго почти основанія насыпанная человѣческою рукою, обложенная дерномъ, къ верху суженая и образующая тамъ квадратъ. И она имѣетъ шакже валъ съ сѣверной спороны и кругомъ обломана глубокими рвами; съ южной спороны шечетъ подъ самую горою рѣчка *Уцянка* (*Uieneta*); на западѣ примыкающъ горы, шожѣ укрѣпленныя валами; на первой, гдѣ будшо бы находѣтся гробница *Упенеса*, я не могъ ничего опкрышь. При всходѣ на вторую, найденные куски обломковъ, копорыхъ еще большее количество опкрылось на ея вершинѣ, подавали мнѣ надежду найши кирпичи шклеповъ или развалинъ спроенія. 3 Августа, взявъ уже съ засшупами, двухъ людей съ собою (копорыхъ буду называть поимянно), приступилъ я снова къ изслѣдованію первой горы, но снова ничего не могли найши, опсправился на вторую. Петръ раскапывалъ уголь сѣвернаго вала, но когда, дорывшись глубиною до шрехъ аршиннъ, копорые сосшавлялъ чистый черноземъ, кухонный соръ, разныя кости,

черепки бишыхъ горшковъ и обломки, похожіе на куски кирпича, добрался до твердой глины, по перешель съ работою на средину вала. Иванъ рылъ посредичь горы; черноземъ, годный для воздѣлки полей, коспи, черепки горшковъ, обломки, похожіе на кирпичные, и порядкомъ сложенные камни, въ видѣ мостовой, обѣщали важнѣйшія открытія, но и онъ глубиною въ сажень дорылся до твердаго кряжа, и перешель на восточную сторону горы, гдѣ, въ аршинной глубинѣ, нашель древнее, конечно за тысячу лѣтъ употребляемое Липовцами, желѣзное копье, длиною въ поларшина съ дюймомъ, выкованное для насажденія на древко; не смощря на то, что оно такъ долго находилось въ землѣ, видѣ копы и острее его ни сколько не испортились отъ ржавчины; когда смаль рылъ глубже, оказался маперикъ. По снятіи чернозема глубиною въ два аршина, найдено Пешромъ множество пережженцаго камня и обломковъ, складенныхъ безъ земли. По наступленію ночи, работы были опложены до слѣдующаго дня. 4-го Августа, Пешръ, дорывшись глубже, напкнулся на толстый слой пережженныхъ камней и глиняныхъ обломковъ, по снятіи которыхъ образовался подъ землею родъ обширнаго склепа. Дотоль все я надѣялся опыскачь кирпичъ, но обнаруженные теперь большими кусками обломки и глиняная шпукатурка отъ снѣгъ, убѣдили меня, что Князь Упенесь не употреблялъ для своихъ построекъ кирпича и известки, и что мнимые осколки кирпича были просто обломки отъ глиняныхъ печей, наподобіе и нынѣ еще дѣлаемыхъ въ избахъ Липов-

скихъ поселянъ. Что замокъ Ушенеса былъ бревенчатый безъ трубъ, это доказываетъ шпукатурка и обломки печей; что Упенесь не имѣлъ сшекла и фаянса, и въ этомъ, кажется, нѣтъ сомнѣнія, ибо найдены были одни только черепки простыхъ глиняныхъ горшковъ. Кухня его, надо полагать, обильна была мясомъ, судя по количеству оставшихся костей воловьихъ, свиныхъ и клыковъ веприхъ. По снятіи значительной части обломковъ, найдены Пешромъ куски пережженной мѣди, явственно опломанной отъ края копла, изъ чего можно видѣть, что кромъ желѣза, называющагося по Липовски *гелажусъ* (*getazys*), Липовцы имѣли также и мѣдь *варисъ* (*warys*), и мѣдниковъ для дѣланія копловъ. Иванъ рылся по близости найденнаго копыя, въ разныхъ мѣстахъ и глубинахъ; но ничего болѣе въ этошь день онъ не нашель, и по случаю наступленія ночи, работа была остановлена до слѣдующаго утра. 5-го Августа, работы были возобновлены съ большимъ усиліемъ на первой горѣ, и хотя полагають, что шамъ погребень Упенесь, ничего однако не открышо, въ разныхъ мѣстахъ и глубинахъ, кромъ одного твердаго глинянаго кряжа.

Перешель на другую гору, Пешръ копаль у вала, попомъ переходилъ на разныя мѣста, но ничего не нашель кромъ однихъ обломковъ съ пережженными камнями. Иванъ поже переменяя часно мѣста, и ничего особеннаго не нашедши, ворошился на средину горы, гдѣ, между кухонными коспиями, попался ему кусокъ оленьаго рога, въ цѣлости сохранившагося, и который кажется былъ

употребляемъ для полированія чего-то. Такъ какъ спановилось уже поздно, то работы опложилъ я до дальнѣйшаго времени. Изъ всѣхъ эпитъ открытій оказывается, что другая гора (Пилекальнисъ) была насыпная и обипаема нѣскольکو согъ лѣтъ; что слой чернозема, котораго нигдѣ не видно на окрестныхъ поляхъ, образовался на горѣ изъ разнаго кухоннаго сору и костей; что замокъ на этой горѣ, вѣроятно, былъ сожженъ или разрушенъ до основанія; что потомъ насыпанъ былъ валъ и употреблены для этого обломки и камни; что владѣлецъ этой горы имѣлъ значительное число людей въ своемъ распоряженіи, когда успѣлъ насыпать такую громаду; что по сдѣланіи этой насыпи, уже не могъ найдтись тамъ замокъ, ибо на поверхности нигдѣ нельзя найши слѣдовъ печей.

15-го Октябрия, былъ я на замковой горѣ въ Вилькомирь, очень похожей на гору Ушенеса. До селъ полагали, что она оппоргнупа отъ соседнихъ горъ, но теперь хоня разрыли половину ея и употребили на кирпичъ, обнаружилась изъ среды и снизу порчація бревна, лежація однѣ ва другихъ, какъ дѣлается въ спроенїяхъ; равнымъ образомъ, найденъ, шому нѣскольکو лѣтъ, въ глубинѣ горы сухой колодезь, со срубомъ и уцѣлѣвшею отъ времени дубовою лопатою; все это доказываетъ, что и эта Липовская гора была насыпана человѣческой рукою.

Такъ какъ владѣлецъ Покольнинъ и этою осенью, по случаю засѣва полей, опложилъ археологическія изслѣдованія до будущаго года, то сно-

ва я самъ, 4-го Ноября, взявъ съ собою слугу, опсправился къ горѣ Ушенеса, описанной Спрыйковскимъ. Съ сѣверной стороны близъ ея находится усадьба Кудры и озеро Видинкста, далѣе село Милюна, съ востока село Кваселе, съ юга Покольны, съ запада лѣсъ, и за нимъ озеро Вермина. По измѣренію инженеровъ въ 1827 г., высота горы отъ поверхности озера Видинксты, составляетъ 58 трехъ-аршинныхъ сажень; сторона квадрата на вершинѣ горы 30 такихъ же саж. Гора эта, занимая весьма красивое мѣстоположеніе, господствуетъ надъ прочими; видъ съ нея простирается почти на полторы мили; вся она образована природою, кромѣ квадрата на самой вершинѣ, который насыпанъ около сажени вышиною. Одну сторону квадрата нашелъ я недавно нѣскольکو разрышою, но ничего въ ней не замѣтилъ кромѣ стараго песку. Не прогая засѣянной ржи посреднѣ, велѣлъ я копать ямы глубиною въ аршинъ вездѣ по краямъ и въ разныхъ мѣстахъ этой горы, но и тутъ ничего не встрѣтилъ, кромѣ песку да иногда чернозема. Пашущій на горѣ шакже ничего не нашелъ. Изъ этого слѣдуетъ, что, шакъ какъ не находтись обломковъ отъ печей, а безъ нихъ Липовцы въ холодномъ климатѣ не могли спроеишь себѣ замковъ, и не встрѣшилось нигдѣ какихъ нибудь кухонныхъ принадлежностей, костей, черепковъ горшковъ и ш. п., что безъ всякаго сомнѣнїя не жилъ въ этомъ мѣстѣ Ушенесъ, и Спрыйковскій, не замѣшивъ горъ въ 4 верспахъ отъ Уцяны, бывшихъ наспоющимъ жилищемъ Ушеня, бросился за 11 версшъ далѣе, гдѣ кромѣ горы,

имъ описанной, служившей для защиты отъ враговъ, находящаяся еще и другія явныя укрѣпленія, принадлежащія, повидимому, къ позднѣйшимъ уже временамъ, какъ наприм. гора подь селомъ Вилкунами, въ 4 верстахъ за Полольнями, имѣющая совершенный видъ башипарен, и Сончайлишкахъ въ 8 верстахъ по Ковенскому шоссе, холмъ, надлежащимъ образомъ укрѣпленный валами.

И такъ очевидно, что на Покольнись близъ Уцяны, былъ замокъ Ушенеса, Липовскаго Князя, основателя Уцяны, а гора Покольни мѣстомъ, только служившимъ для обороны.

Изъ Tyg. Peters. В. Романовичъ.

К Р И Т И К А.

Всеобщая Естественная Исторія для всѣхъ состояній. Сочиненіе Окена. Переводъ съ Нѣмецкаго. Томъ пятый. Зоологическая часть вторая. Тетрадка 1—1, съ таблицею наливляковъ. Стран. 1—20. Санкт-Петербургъ. Въ типографіи Христиана Гинце. 1836.

Благое предпріятіе, добрый трудъ! Окенъ, одинъ изъ глубокомысленнѣйшихъ изслѣдователей природы, извѣстный у насъ по нѣкоторымъ журнальнымъ спашьямъ, по брошюрамъ Максимовича (*Основныя положенія Зоологіи*) и Велландскаго (*О свѣтъ и теплотѣ*), по жестокимъ нападкамъ эмпириковъ и спраспному увлеченію поклонниковъ идеализма, Окенъ спановишся извѣстнымъ по сочиненію обширному и важному, по Всеобщей Естественной Исторіи для всѣхъ состояній. Дѣйствительно, изъ журнальной спашьи, какъ бы она ни была хороша, трудно получишь корешкое знакомство съ ученостію цѣнимаго автора, а въ опзывахъ прошивниковъ и послѣдователей много ли сыщешь правды?

И такъ сближеніе съ духомъ ученія и понятіями автора о природѣ, первая польза перевода, первое право переводчиковъ на благодарность публики; вторая заключается въ томъ, что швореніе Окена, богатый матеріалъ въ массѣ естественныхъ знаній, прекрасное руководство для

занимающихся Натуральною Исторіею. Въ этомъ отношеніи, передать извѣстнаго писателя на отечественный языкъ, значить оказать большую услугу прошивъ тѣхъ, копорые заботятся о произведеніяхъ оригинальныхъ. Ограничимся, для примѣра, однимъ классомъ живошныхъ, наливняками (Infusoria); возьмемъ въ соображеніе только Московку, не касаясь Пешербурга: гдѣ у насъ описанія эшихъ дивнымъ, мельчайшихъ тварей, доступныхъ только вооруженному глазу? Въ Зоологическихъ таблицахъ Фишера, Естественной Исторіи живошныхъ Ловецкаго и Буллешенъ Московскаго Общества Испышашелей Природы. Но первая книга, давно изданная, не содержишь въ себѣ новыхъ открытій и наблюдений, и только что собраніе таблицъ, не болѣе; впрочемъ, не смотря на ея опоспешельное достоинство, не выходитъ изъ предѣловъ крашкаго изложенія; третья, представляя извѣщеніе изъ важнаго творенія Эренбергова, имѣешь въ виду преимущественно кругъ людей, принадлежащихъ къ Обществу, и не всѣмъ, можетъ быть, доступна, пошому что написана на Французскомъ языкѣ.

Человѣкъ есть существо многосложнѣйшее, копорое не иначе понять возможно, какъ изучивъ напередъ живошныхъ, растенія и минералы, и химическій составъ ихъ. Поэтому, для глубокаго изслѣдованія предмета, надлежало бы начать Естественную Исторію съ низшаго царства природы, съ минераловъ. Но съ другой стороны, зная, что человѣкъ и ближе подходящія къ нему живошныя, вообще важнѣе и болѣе знакомы, и что

черезъ переходъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному облегчается самое изслѣдованіе, Окенъ, послѣ долгой нерѣшимости, началъ изданіе Естественной Исторіи съ Зоологіи. Вотъ планъ сочиненія:

Сперва говорено будетъ вообще объ органахъ и опправленіяхъ ихъ, по есть Анапомія и Физиологія живошнаго вообще, причемъ, естественно, человекъ долженъ служишь первообразомъ. Эти общія спашьи будутъ сопровождаться сопвтспственными изображеніями. Далѣе слѣдуютъ правила классификаціи и самая классификація. Далѣе система, именно классы, съ описаніемъ опдѣльныхъ живошныхъ, особенно важныхъ по пользѣ или вреду, какъ-то: мягкошлыхъ, рыбъ, земноводныхъ, пшицъ, млекопитающихъ. Описанію каждаго класса предшествовать будутъ анатомическія и физиологическія объясненія, развитіе организма; за этимъ географическое распространеніе, мѣстопребываніе, перемѣна его по временамъ года и образъ жизни; послѣ, указаніе пользы и вреда въ домашнемъ быту, въ ремеслахъ, художествыхъ и медицинѣ. Пошомъ ловля, охота, собираніе и п. д., напоследокъ исторія и литература. Почти по же самое повторится при всѣхъ классахъ въ концѣ описанія каждаго царства природы. Къ сочиненію приложатся изображенія, по лучшимъ образцамъ составленныя и тщательнао раскрашенныя.

Попребности Русской публики заставили Гг. переводчиковъ позволить себѣ нѣкоторое измѣненіе въ порядкѣ изданія Океновой Естественной Исторіи, копорой вышло 29 тетрадей, п. е. 2-й

помъ Зоологіи оппечатанъ до половины. «Изданіе нашего перевода,» говорятъ переводчики, «мы начинаемъ съ 5-го тома, ш. е. со 2-й части Зоологіи, а именно съ наливняковъ. Эпошъ классъ жившнихъ, такъ мало у насъ знакомый, больше займешь чипапелей нашихъ, нежели анатомія чельвѣка, наполняющая первый томъ. Подобное изменение сохранился и впредь во всѣхъ прочихъ томахъ. Опсылая наконецъ общія сужденія, мы не только имѣемъ въ виду угодишь чипапелямъ нашимъ, но съ шѣмъ вмѣстѣ сохранишь еспешивенность методы изученія; ибо прежде надлежитъ познакомиться съ предметами, а послѣ сославляшь о нихъ общія сужденія, или обобщаешь собранные факшы.»

Въ вышедшихъ чепырехъ книжкахъ, кромѣ Исторіи Зоологіи и введенія въ частную Еспешивенную Исторію жившнихъ, находятся описанія инфузорій и всего почти класса полиповъ.

Исторія Зоологіи, какъ и всѣхъ другихъ наукъ, должна, по мнѣнію Окена, раздѣляться на два періода: до изобрѣшенія и по изобрѣшеніи книгопечатанія. Среди обширнаго пространства многихъ тысячелѣтій, предшествующихъ Гутшенбергу, свѣтлѣтъ одна звѣзда для Зоологіи, Аристотель, кошорый естъ шворецъ не только эпои науки, но также Сравнительной Анатоміи и Физиологіи. По изобрѣшеніи книгопечатанія, науки вышли внезапно изъ своего уединенія, и распространились по свѣту. Уже ни сословіе, ни каста, ни шайное общество, ни монастырь не скрывали ихъ болѣе отъ народа. Книгопечатаніе дало имъ крылья, и

онѣ проникли въ хижины бѣднаго и чертоги богатаго, сдѣлались дѣломъ государственнымъ. Правительсшва спарались либо подавить ихъ, либо споспѣшествовать имъ, смотря по степени образования, недоумѣнія или мудросши, спраха или мужества. Та же участь постигла и Еспешивенную Исторію. Сначала преслѣдуемая суевѣрнымъ невѣжествомъ, кошорое все, чего не понимаетъ, спавишь въ число чудесъ, она съ переменнымъ счастиемъ, переходя отъ преслѣдованія подъ щипъ и покровительство мудрыхъ законовъ, и наоборотъ, такъ распроспранилась, такъ обогатилась, сдѣлалась споль важною, что въ наше время пользуется одобреніемъ и попеченіемъ какъ правительствъ, такъ и народовъ. Она нынѣ, по нравсшвенному своему достоинству съ одной спороны, а съ другой по матеріальной пользѣ своей, принимается всюду съ честію и радушіемъ, гдѣ ни появится

Линней успѣлъ привести всѣ извѣстныя въ его время еспешивенныя шѣла въ систему, въ краткихъ выраженіяхъ опличаешь одни отъ другихъ и дашь имъ названія. Его система скоро распроспранилась по всему свѣту, существуетъ уже цѣлое спольштіе во всей своей силѣ, и будетъ вѣчно существовать, доколѣ науки останутся достояніемъ чельвчества.

Но система Линнея была система искусственная. Изъ многихъ признаковъ распеній и жившнихъ онъ выбиралъ какой либо одинъ признакъ; причемъ, по большей части, удачно нападалъ на важнѣйшій. По этому признаку, онъ приводилъ въ

порядокъ органической шѣла почти такъ же, какъ приводятся въ порядокъ слова въ словарь. Еще не было граммашики, которая раздѣляетъ и соединяетъ слова по внутреннему ихъ характеру, не заботясь о начальныхъ буквахъ. Соотвѣтствующее расположеніе естественныхъ шѣлъ называется, конечно несправедливо, естественною системою, на которую уже намѣкалъ самъ Линней, и уже прудился надъ нею.

Какъ Линней соединяетъ всѣ естественныя шѣла въ одно цѣлое, такъ Галлеръ всѣ ихъ оуправленія, ш. е. анатомію и физиологію, и чрезъ это приготовляетъ поприще и указываетъ способъ поспояншву, какимъ образомъ можно съ успѣхомъ обрабатывать объ науки, и какое направленіе имъ давать, дабы рѣшить великую задачу, именно: найши законы царства животноныхъ, и основать на рѣшеніи этой задачи естественную систему.

Все, что Аристотель и Галлеръ сдѣлали для Анатоміи и Физиологіи и Линней для Зоологіи, по Кювье собралъ, обработалъ и соединилъ. Ему обязаны мы первою системою Сравнительной Анатоміи. Въ этомъ отношеніи собственные его пруды могутъ сравн шся со всѣмъ, что онъ уже нашелъ пригошвеннымъ. Изъ его шворенія испекла система животноныхъ, досель самая естественная, какую мы имѣемъ. Имъ, слѣдовательно, начинается въ исторіи науки новая эпоха—эпоха естественной методы.

Но духъ языка не можетъ быть поспигнуть изъ обыкновенной граммашики, и естественная

система въ словахъ и языкѣ можетъ быть создана только въ философской граммашикѣ: такъ и нынѣшняя естественная система животноныхъ не есть еще настоящее зданіе. Она приводитъ въ порядокъ матеріялы, подобно зодчему, кошорый, при началѣ своего шруда, складываетъ бревна къ бревнамъ, кирпичи къ кирпичамъ, черепицы къ черепицамъ, песокъ къ песку, чтобы въ послѣдствіи, раздѣляя и соединяя эти матеріялы, воздвигнуть удобное жилище. Такъ должна дѣйствовать и Зоологія, если она намѣрена дѣйствительно расположить животноныхъ, какъ расположила ихъ природа, ш. е. она должна, кромѣ ихъ усройства, изслѣдовать законы ихъ сродства, ихъ степенъ въ природѣ: чего достигнуть возможно только чрезъ изслѣдованіе исторіи ихъ развитія. Отсюда видно, что настоящая естественная система должна быть системою развитія (генетической), или физиологической. Надъ этой задачей прудятся нынѣ естественныиспытатели, но она долго еще не будетъ рѣшена.

И такъ царство животноныхъ есть развитіе въ поспепенности и изображеніе въ опдаленности органовъ совершеннѣйшаго животнона, ш. е. чловѣка, а потому онъ раздѣляется на сколько же ступеней, классовъ, порядковъ, разрядовъ и родовъ, сколько обрѣшается въ чловѣкѣ анатомическихкихъ системъ, органовъ и ихъ степеней. Не должно думать, что животноныя, образующія опдѣльный классъ, состоятъ изъ одного только органа; но не подлежитъ сомнѣнію, что въ числѣ ихъ органовъ одинъ какой-либо надъ прочими господствуетъ

и занимаетъ главное мѣсто, наприм., сердце у раковинъ и улитокъ, кольчатая кожа у червей, сосавчашья нога у раковъ, свободно движущіяся дыхательныя шпубочки у крылатыхъ насекомыхъ, костная система у рыбъ, наслоящая мышечная система у земноводныхъ, и ш. д. Такимъ образомъ, по отличительнымъ существеннымъ признакамъ, животныя должны бытъ расположены въ слѣдующемъ порядкѣ.

Область I. Животныя, образовавшіяся по подобію внутренностей. Имѣютъ только внутренности и кожные органы, безъ костей, мышцъ и спиннаго мозга.

Округъ I. Животныя, образовавшіяся по подобію чревныхъ внутренностей, или чревники (*студенистыя животныя*).

Классъ 1. Животныя, образовавшіяся по подобію желудка, *желудоваки* (*наливники, инфузоріи*).

Классъ 2. Животныя, образовавшіяся по подобію кишекъ, *кишковаки* (*полипы*).

Классъ 3. Животныя, образовавшіяся по подобію пасочныхъ сосудовъ, *пасочники* (*слизни*).

Округъ II. Животныя, образовавшіяся по кровеноснымъ сосудамъ или жиламъ, *жиловки* (*черепокожныя*).

Классъ 4. Животныя дву-

ушковыя, *двуушковые жилловки* (*раковины*).

Классъ 5. Животныя одноушковыя, *одноушковые жилловки* (*улитки*).

Классъ 6. Животныя двусердечныя, *двусердечные жилловки* (*каракатицы*).

Округъ III. Животныя, образовавшіяся по подобію органовъ дыханія, *кольчатки*.

Классъ 7. Животныя, образовавшіяся по подобію кожи, *кожеваки* (*черви*).

Классъ 8. Животныя, образовавшіяся по подобію жабръ, *жаберники* (*морскіе раки*).

Классъ 9. Животныя, образовавшіяся по подобію легкихъ, *дыхаловаки* (*крылатыя насекомыя*).

Область II. Животныя, образовавшіяся по мышечной системѣ. Имѣютъ, кромѣ внутренностей, кости, мышцы и спинной мозгъ.

Округъ IV. Состоящая изъ однихъ только мышцъ; чувственные орудія еще не развились.

Классъ 10. Животныя, образовавшіяся по подобію костей, *костоваки* (*рыбы*).

Классъ 11. Животныя, образовавшіяся по подобію мы-

щиць, мышцевяки (земноводныя или гады).

Классъ 12. Живошныя, образовавшіяся по подобію нервовъ, нервяки (птицы).

Округъ V. Живошныя, одаренныя всеми органами чувствъ; въ нихъ вся анапомическія системы и вся чувства развиты въ совершенствъ.

Классъ 13. Живошныя, образовавшіяся по вѣшнимъ чувствамъ, чувствяки (млекопитающія животныя).

И такъ инфузоріи суть животныя, образовавшіяся по подобію желудка. Тѣло у нихъ съ одною кишечною полостью и ртомъ, водоворотъ производящимъ. По своему виду и существу, они суть желудка, которыя свободно плавають и выпадаютъ посредствомъ одного только рта, производя щупальцами вращательное движеніе жидкости.

Они такъ малы, что большая часть изъ нихъ могутъ быть усмотрѣны по увеличенію, съ помощію микроскопа, болѣе нежели во сто разъ; по этому, до изобрѣшенія микроскопа Левенгукомъ, объ нихъ ничего не было извѣстно. Левенгукъ, за 150 лѣтъ до насъ, открылъ естественнаго существа, показавъ, что вся жидкости, въ которыхъ органическія вещества разлагаются посредствомъ нѣкопорого гніенія, наполнены несчетнымъ множествомъ безконечно малыхъ живошныхъ. Это открытіе привело въ движеніе всѣхъ изслѣдователей, и кто только могъ достать себѣ ми-

крскопъ, спѣшилъ полюбоваться неупомимою игрою невидимаго міра. Не только въ искусственныхъ насояхъ (ошъ чего происходитъ и самое названіе инфузорій) распишельныхъ и живошныхъ шѣлъ, но и въ споячихъ прѣсныхъ и морскихъ водахъ, также въ молокахъ рыбъ и всѣхъ другихъ живошныхъ усмотрѣны эти маленькія существа, весьма разнообразныя видомъ, безоспавочно кругомъ плавающія. Наконецъ, по испеченіи спа лѣтъ послѣ ихъ открытія, удалось Ошпону Миллеру, въ Даніи, сдѣлать этимъ живошнымъ систематическую классификацію. Хотя уже и прежде извѣстно было, что эти живошныя имѣютъ ротъ со щупальцами и кишечку, иногда съ заднимъ опверзпиемъ, равно какъ и яичники, однако только недавно доказано это Эренбергомъ, и чрезъ шо дана возможность ихъ естественной классификаціи! Открытія рта и устройства кишечки Эренбергъ достигъ шѣмъ, что распускалъ въ капль воды распершныя краски, каковы индиго и карминъ. Цвѣшныя пылинки этихъ веществъ бывають поглощаемы даже самомалѣйшими инфузоріями, и усматриваються въ прозрачномъ ихъ шѣлѣ. Такимъ образомъ легко опмичить очерпаніе кашки, къ которой присоединяються по большой части многія слѣпыя кишечки; равно легко распознать и прочіе органы, вокругъ ней лежащіе.

Для полученія инфузорій, достапночно взять кусочекъ мяса или какую либо часть распенія, сыраго или варенаго, и предать гніенію въ водѣ. Какъ скоро вода начнетъ дѣлаться мутною, что, смотря по степени теплоты, случается въ 8 или

14 дней, тогда берется одна капля, лучше всего съ самого верху, и кладется подъ микроскопъ: мы увидимъ въ ней сотни почекъ, движущихся съ удивительною скоростію, а между ими другихъ, какъ плавающихъ киповъ. Конечно, въ спящей водѣ и въ морѣ они не столь многочисленны; но ежели соскоблишь зеленоватую слизь, покрывающую водяныя расшенія, сваи, камни и п. п., то ловля наша будетъ весьма изобильна.

Многіе думали, что инфузоріи суть неорганическіе шарики или малыя водяныя расшенія, которыя держатся въ водѣ, по равновѣсію съ нею, и движутся отъ ея испареній; но потъ, кто разсмотритъ ближе движеніе эпихъ шварей и сравнитъ ихъ съ движеніемъ неорганическихъ пылинокъ, потъ не можетъ усомниться въ ихъ живономъ свойствѣ; если же разсмотритъ ихъ ротъ, ихъ кишку и другіе органы, и даже замѣтитъ внутреннія движенія, то увѣренность его уже будетъ непоколебима. Движенія эпихъ живомныхъ весьма разнообразны и неправильны, и не могутъ происходить отъ физическихъ вліяній: по мечутся они быстро впередъ, внезапно останавливаются, обращаются назадъ и обходятъ одно другое; по вертятся кругомъ, вытнутся, сходясь и расходясь, сжимаются и распадаются легко и произвольно, какъ большія живомныя другихъ классовъ.

Наблюдатели еще не согласны между собою относительно происхожденія инфузорій. Одни утверждаютъ, что они видѣли, какъ органическія пылинки, при гніеніи, мало по малу ошдѣляются,

получаютъ движеніе и превращаются въ паспоящихъ инфузорій; другіе ничего подобнаго не примѣчали, но видѣли, что чрезъ раздѣленіе шѣла инфузорій происходили пѣ же самыя живомныя.

Не подлежатъ ни какому сомнѣнію, что они размножаются посредствомъ яицъ; изъ этого однако не слѣдуетъ, что они не могутъ происходить чрезъ распаденіе органической массы при гніеніи. Грибы размножаются также отъ сѣмени, но едва ли можно опровергать, что они происходятъ также чрезъ поврежденіе распивельныхъ соковъ. То же разумѣется и о глїстахъ, заражающихся изъ соковъ живомныхъ. Припомъ невозможно повѣрять, чтобы миллионы живомныхъ въ рыбьихъ молокахъ могли произойти отъ того, что въ нихъ загнились чуждыя швари. Молоки сами по себѣ есть продуктъ органической гнилости. Наконецъ, даже происхожденіе органической массы отъ неорганическихъ началъ не подлежатъ ни какому сомнѣнію. Когда образовались первыя живомныя въ морѣ, то имъ должна была предшествовать слизь, изъ кошорой они и произошли. Слизь же эта состоитъ изъ углерода, водорода и кислорода, съ нѣкоторымъ прибавленіемъ поваренной соли и извѣстковой земли, и веществъ, которыя частію находятъ въ морѣ, частію припигиваются изъ воздуха; но слизь морская состоитъ всегда изъ шариковъ, и эти шарики суть живомныя. Безъ сомнѣнія, существуетъ пять способовъ происхожденія эпихъ малѣйшихъ существъ: первоначальный, изъ неорганическихъ началъ въ морѣ; пакъ называемый двусмысленный,

посредствомъ гніенія; способъ размноженія чрезъ раздѣленіе на части; размноженіе опроспками; наконецъ, появленіе изъ яицъ. Впрочемъ, размноженіе эпихъ живописныхъ посредствомъ яицъ и чрезъ раздѣленіе на части чрезвычайно, и по Эренбергу, просширается въ печеніе 8—14 дней до милліоновъ, особенно, когда у нихъ нѣтъ недостатка въ хорошей пищѣ. Но эпитъ способъ размноженія не противорѣчитъ первоначальному образованію изъ неорганическихъ веществъ; въ противномъ случаѣ, онъ опровергалъ бы образованіе всѣхъ органическихъ существъ вообще, что было бы, слишкомъ много.

Что касается до географическаго распространенія, то кажется, что во всѣхъ странахъ Земнаго Шара находящіяся однѣ и тѣ же породы, ибо спихія ихъ вездѣ однообразна; однако въ жаркихъ странахъ попадаются такія породы, какихъ въ холодныхъ еще не замѣтили (*).

(*) Вотъ выводы Эренберга о географическомъ распределеніи инфузорій:

- 1) Существованіе инфузорій въ 4-хъ частяхъ Свѣта неоспоримо доказано; нѣкоторыя сходныя породы разсытаны въ отдаленнѣйшихъ другъ отъ друга странахъ міра.
- 2) Соленая вода озеръ, лежащихъ въ степяхъ Сибири, не содержитъ въ себѣ инфузорій.
- 3) Ихъ также не замѣчено въ испареніяхъ атмосферныхъ, испадающихъ на землю росой или дождемъ.
- 4) Во глубинѣ земли, доступной атмосферному воздуху, но не подверженной вліянію свѣта, встрѣчаются тѣ же семейства наливочныхъ, какія и на ея поверхности (*Bulletin de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou*). А. Г-ва.

Никто не подумаетъ, чпобъ эпитъ невидимыя, малѣйшія живописныя могли бытъ полезны или вредны, но и шо и другое должно приписатьъ имъ въ высокой степени. Когда бользенныя части пѣла живописнаго превращаются въ инфузоріи, то, конечно, не инфузорія причиною болѣзни; но какъ онѣ кладутъ яйца и быспро размножаются, шо, безъ сомнѣнія, споспшествуютъ болѣзни. Наливники находящіяся въ большемъ количествѣ въ кишечномъ каналѣ у челоука и живописныхъ, и даже въ мочевомъ пузырьѣ послѣднихъ. Если они попадаютъ въ клей, уксусъ и другіе заготовляемые съѣстные припасы, шо, безъ сомнѣнія, причиною порчу.

Инфузоріи можно раздѣлить на три разряда: онѣ имѣютъ совершенную кишку съ переднимъ и заднимъ опверзшіемъ, и круговращающійся органъ по близости рта (слизнеобразныя наливники); другія не имѣютъ круговращающагося органа, но раздѣляются на шакихъ, копорые имѣютъ совершенный кишечный каналъ съ двумя опверзшіями (*полипообразныя наливники*), и шакихъ, копорыя не имѣютъ задняго опверзшія, и кишка образуетъ многораздѣльный желудокъ: эпитъ, безъ сомнѣнія, супъ самыя несовершенныя (*настолиця инфузорій*). Первыя имѣютъ сходство съ слизилми, другія съ полипами, прешни оснаются на степени инфузорій.

Послѣ этого общаго обозрѣнія инфузорій, копорыя, какъ предметъ любопытный, мы предспавили въ довольно пространномъ извлеченіи, слѣдуемъ описанія разрядовъ, семействъ, родовъ и

видовъ. Почти вездѣ находясь ссылки на авпоровъ, занимавшихся изслѣдованіемъ наливняковъ. Таблицу изображеній эпихъ живошныхъ, приложенную къ первой шепрадкѣ, господина переводчики общаются замѣнить новыми, заказанными въ Германіи и гравированными подъ руководствомъ самаго авпора.

Далѣ идетъ второй классъ живошныхъ, *полипы*.

Полипы, по системѣ Окена, суть животныя, образовавшіяся по подобію кишекъ. Это простыя, сокращающіяся спуденистыя шрубки, съ усами около рта; плавать не могутъ; шло почти у всѣхъ безъ исключенія содержится въ неподвижной оболочкѣ. Оно есть простая кишка съ шонками, какъ волосъ, усами около рта, рѣдко съ порошицею подлѣ него. Внутри нѣтъ ни какихъ органовъ, кромѣ иногда яичниковъ и слѣдовъ сосудовъ, безъ печени и сердца. Они размножаются чрезъ развѣтвленіе и образуютъ шволы, подобные расшеніямъ.

Полипы въ сущности проще успроены, нежели наливняки, потому что кишка у нихъ не оплещается ошъ шла, по большей части имѣетъ одно шолько опшвершіе, и безъ приросшковъ или мѣшечковъ, безъ желзковъ, челюстей и глазъ; но они всегда видны простому глазу, по большей части окружены неподвижною оболочкою, которая хотя также не иное что, какъ засохшая слизь, но имѣетъ видъ роговой, бумажной или мясистой кожи, въ которую осаждаются по снушри, по снаружи

углекислая извесь: эту массу называютъ коралловымъ или полипнымъ шволомъ.

Ихъ питаніе совершается чрезъ ротъ, и пища состоитъ, какъ извѣстно, изъ наливняковъ, маленькихъ раковъ и, можетъ быть, мягкихъ, свободно плавающихъ водяныхъ расшеній; она однако не увлекается въ ротъ съ помощію водворота, производимаго шупальцами, но ухватывается ими или краемъ рта, и поглощается, какъ глотаютъ пищу совершеннѣйшія животныя.

Полипы размножаются посредствомъ яицъ или опшросшковъ, но не чрезъ раздѣленіе цѣлаго шла, какъ многіе изъ наливняковъ. Яйца многихъ изъ нихъ имѣютъ по замѣчательное свойство, что они уже живы, и чрезъ нѣкоторое время плаваютъ свободно, попомъ къ чему нибудь приспаютъ и лопаются; послѣ чего полипъ вырастаетъ изъ скорлупы. Яйцо обыкновенно покрыто волосками, служащими для гребли. Оно состоитъ, можетъ быть, наружную оболочку животною, которое попомъ возрастаетъ и превращается въ коралловый шволъ. Слѣдов. оно есть зародышъ, подобный луковичамъ, которыхъ у нѣкоторыхъ расшеній, наприм. лиміи и ш. п., развиваются на шбляхъ.

Въ развитіи своемъ, полипы слѣдуютъ шпеніямъ своего округа, и именно: полипы бываютъ наливнякообразныя, по большей части очень малые, колокольчатые, и сушь или совершенно голые, какъ прѣсноводные полипы, или заключаются въ бумагообразныхъ шрубочкахъ и ячейкахъ, часто призобилующихъ извесью, какъ моховидныя

коралины, или, наконецъ въ слизистой кожицѣ, и тогда имѣютъ два кишечныя отверстія; ихъ причисле всего называють *кожистыми полипами*. Иные заключаются въ мясистой кожѣ, по большей части около рогообразнаго или известковаго стержня, рѣдко въ известковой шрубчкѣ, и имѣютъ 8 широкихъ перистыхъ щупальцевъ около рта: *кустарные полипы*. Иные бывають похожи на слизи, и окружають себя известковою скорлупою, и имѣютъ нерѣдко, вмѣстѣ съ многочисленными простыми щупальцами, широкія лопасти около рта: *полипы каменистые*.

И здѣсь точно такъ же, какъ въ классѣ инфузорій, за раздѣленіемъ полиповъ начинается описаніе ихъ семействъ, родовъ, видовъ.

Представивъ читателю сокращенное извлеченіе изъ четырехъ вышедшихъ книжекъ Естественной Исторіи Окена, скажемъ нѣсколько словъ о предпріятіи и трудахъ переводчиковъ.

1) Гг. переводчики, въ предисловіи своемъ, объявляютъ, что Океновой Естественной Истории вышло 29 тетрадъ, т. е. 2-й томъ Зоологіи отпечатанъ до половины. Ограничимся тридцатью для каждаго царства природы, это составитъ 90 тетрадъ; цѣна каждому 2 руб. въ Петербургѣ и 2 р. 50 коп. въ другихъ городахъ; слѣдовательно все изданіе будетъ стоить рублей 200, не смотря на уменьшеніе количества тетрадъ: не дорого ли?

2) Ежемѣсячно выходитъ тетрадь, слѣдовательно 90 тетрадъ отпечатываются въ 8 лѣтъ: не дорого ли?

3) Желудочки, кишковики, нервяки и прочія названія классовъ, кончающіяся на *вики*, чрезвычайно непріятны для слуха. Не лучше ли было бы отличительныя свойства каждаго класса выразить нѣсколькими словами, или оставивъ прежнія наименованія?

4) Перевода похвалить нельзя. Во многихъ мѣстахъ онъ такъ небреженъ, что трудно понять значеніе мыслей автора. Представляю доказательства изъ 1-й тетрадки:

Стр. 16: «Онъ бросилъ сіи деньги въ Тибръ... Изъ сего броска возникла новѣйшая Зоологія.»

— — 19: «Еще не было Грамматики, которая раздѣляетъ и соединяетъ слова по внутреннему ихъ характеру, не заботясь о начальныхъ буквахъ; такимъ образомъ имена существительныя, прилагательныя, мѣстоименія, глаголы и т. д.» Или послѣдняя фраза не кончена, или нѣтъ связи между двумя предложеніями.

— — 22: «Кюверъ», вмѣсто Кювье.

— — 23: Слово *такъ* употреблено пять разъ въ 18 строкахъ.

— — 25. «Умныхъ живописныхъ настояцій языкъ, а у другихъ впервые открывающейся къ наружи своею полоскою носъ.»

— — 48. «Безъ сомнѣнія, существуютъ пять способовъ происхожденія сихъ малѣйшихъ существъ: первоначальный изъ неорганическихъ началъ въ морѣ, такъ называемый, двусмысленный, посредствомъ гніенія; далье, способъ размноженія чрезъ раздѣленіе на части, и размноженіе одпростками и, наконецъ, изъ яицъ.» Здѣсь такъ дурно раз-

спавлены знаки препинанія, что невозможно узнать, почно ли пять способов происхожденія, или ихъ только четыре.

— 48. «Впрочемъ размноженіе сихъ живописныхъ посредствомъ яицъ, и раздѣленіе на часпи чрезвычайно.» Опущенъ предлогъ *чрезъ* и вышло двусмысліе. Надобно было сказать: *и чрезъ раздѣленіе на части.* — Далѣе: «и по Эренбергу проспирася въ печеніе 8 до 14 дней до миллионовъ.» Первый предлогъ до никакъ не вяжешся съ поспройкой фразы.

Тетрадь 2, спр. 138: Число щупальцевъ всегда почши бываешъ четное, а именно 6, либо 8, однако жъ и 12 и больше.»

Впрочемъ, не смотря на эти небрежности въ переводъ, мы считаемъ обязанностію благодарить переводчиковъ за ихъ полезный трудъ, и советуемъ всѣмъ любителямъ Естественныхъ Наукъ пріобрѣсти сочиненіе Окена.

А. Г-въ.

СЛОВЕСНОСТЬ.

МАРІЯ.

(Статья Герцогини Абрантской.)

I.

Въ шой часпи Испаніи, гдѣ Королевство Леонъ, прилагаешъ къ Эштремадуръ, справа примышно спановится гориспъе и угрюмъе. Тамъ очень немного обиаемыхъ мѣспъ, но спъ, копорья предспавляюща взорамъ пупешественника, разспашривающаго съ любопышспвомъ эшопъе пуспынный уголокъ Европы, довольно значительны, чпобъ привлечь все его вниманіе Саламанка (*) лежипъ въ безплодной равнинѣ, переспкаемой спруями Тормеса и Агеды. Ошсюда опсправился храбрый Муръ, копорый собспвенною жизнію заплашилъ за медленность съ нерадѣніемъ

(*) Саламанка (Salamantica), известная своимъ университетомъ, отстоитъ отъ Мадрита на 34 мили. Епископъ Саламанскій есть Викарій Св. Іакова Компостельскаго. Этотъ городъ лежитъ на р. Тормесъ, и, по своему пространству, населенъ весьма бѣдно. Въ 1808 году въ немъ считалось не болѣе 13,000 жителей. (Изъ нихъ большая часть жила въ монастыряхъ, которыхъ числомъ 31). Сюда же должно причислить три тысячи студентовъ, увеличивающихъ народонаселеніе. Едва ли въ какомъ нибудь городѣ есть такое множество церквей и часовенъ, какъ въ Саламанкѣ.

совершеннаго похода, когда Маршалъ Сульсъ преслѣдовалъ его до Коруньи. Въ Испаніи, даже въ самой Гренадской вегѣ (*), столь знаменитой по кровавымъ борьбамъ Христіанъ съ невѣрными, трудно найши мѣсто, болѣе славное по важности событій, случившихся на такомъ незначительномъ пространствѣ. Кровь, проливая на почву, должна бы сдѣлать ее плодороднѣе, какъ по было въ Андалузій, которая широкими пѣнями своихъ дубовъ одолжена попокамъ человѣческой крови, излитой Христіанами и Маврами въ ихъ продолжительныхъ распряхъ; но, напрошивъ этого, кажется, что гнѣвъ Божій, сопровождавшій враждующихъ, распространился и на ихъ попомковъ, не различая ни враговъ креста, ни его защитниковъ. Не много, говорю, мѣстъ въ Испаніи, безплоднѣе и печальнѣе этого. Группы деревьевъ не оживляютъ береговъ Тормеса, лишенныхъ всѣхъ очарованій роскошной природы. Только въ продолженіе двухъ мѣщевъ, въ цѣломъ году, обширныя равнины Тормесскія предспавляютъ собою пріятно-разнообразныя картины: тогда множествъ удивительныхъ цвѣтшвъ сладоспратно раскрываютъ свои чашечки и наполняютъ благоуханіемъ воздухъ а песирые ковры изъ красивыхъ гениспъ (**), gni-

(*) Известно что Гренадская вега, была постоянно въ продолженіе 800 лѣтъ театромъ войнъ между Христіанами и Маврами.

(**) *Genista Spharocarpa et monosperma*. У первыхъ лепестки желтые, а у вторыхъ бѣлые съ красною чашечкою, цвѣтуть въ Февраль.

dium, asphodilus ramosus, fumaria spicata (дымница), *anthirrinium amethystinum, laronium plantagineum, bellis sylvestris* (маргаритка) плѣняютъ взоръ. Иногда, по краямъ пустынныхъ дорогъ, виднѣется распускающаяся *Atropa mandragora* или прекрасная *Iris alata*, (*) кошорая, по мѣрѣ приближенія отъ Алмейды къ Сіудадъ-Родриго, замѣчается все рѣже и рѣже; но это крапковременное украшеніе плѣнно, какъ цвѣтш, его соснавлиющіе. Съ насупленіемъ первыхъ жаровъ, отъ палящаго солнца Испаніи всѣ растенія сбрасываютъ съ себя свою одежду, и предспавляютъ только одинъ изсохшій стебель; видъ эшотъ почти стольже печаленъ, какъ и окрестности Эскуриала, покрытыя обрушившимися скалами и кучами гольшей. Земля близъ Саламанки обнажена и безводна; пѣни такъ мало, что едва ли было бы ея достаточно даже и для сѣвернаго лѣта: судите же, какъ долженъ быть мучительнъ здѣсь жаръ въ Августъ! Иногда, по берегамъ какого нибудь ручья, или возлѣ струй Тормеса, встрѣчаются группы зеленыхъ дубовъ или рощи *Agave tus unedo*; (**) глубокая пищина, которая здѣсь царствуетъ, невольно навѣваетъ на сердце грусть и меланхолію. До войны 1808 года безмолвіе Леонскихъ пустынь прерывалось только одними

(*) Это растеніе долго оставляли безъ вниманія; наконецъ оно исчезло въ Европѣ. Пауретъ снова нашелъ его въ Варварійскихъ владѣніяхъ и назвалъ *Iris alata*.

(**) Дерево удивительное по своей прекрасной зелени листьевъ и румяности плодовъ.

обозами, доставлявшими каждой области необходимые припасы. Их обыкновенно сопровождает длинная нить мулов и ослов, навьюченных осмоленными козьими мѣхами съ шугемными винами; каждое изъ этихъ животнохъ медленно слѣдуетъ за начальникомъ обоза, муломъ, копорый гораздо образованнѣе и опытнѣе другихъ своихъ товарищей. Перья яркихъ цвѣтовъ на головахъ его означаютъ въ немъ начальника; онъ гордо покачивается ими, заснавая звенѣшь различные, шумъ же висающіе, позвонки и колокольчики. Вожакомъ этихъ обозовъ бываетъ только одинъ человекъ; иногда онъ сопровождаетъ до пятидесяти муловъ, идя съ боку, а если дурна погода, то сидитъ на первомъ мулѣ, *mula capitana* (*). Онъ почти всегда изъ Леона или изъ Аспури; вы его узнаете по черной бархатной монтерѣ (**), по безрукавому кафтану изъ кожи рыжаго цвѣта и по широкому кожаному же поясу, застегнутому мѣдною пряжкой. Два карабина крестообразно лежатъ на сѣдлѣ вмѣстѣ съ поклажей мула; къ этому наряду онъ присоединяетъ, для собственной защиты, Терсейской шесакъ, оружіе, ужасное въ рукахъ пѣхъ, копорые умбуютъ имъ владѣшь.

(*) Въ Испаніи каждый мулъ имѣетъ свое названіе, которое обыкновенно кончится на А.: *colonella*, *capitana*, *carbonera*. Любопытно знать, какимъ образомъ дается это имя; вѣроятно ихъ бьютъ до тѣхъ поръ, пока они стануть понимать желаемое.

(**) Родъ остроугольнаго колпака, надвинутаго напередъ.

Иногда безмолвіе пустынь между Тормесомъ и горами прерывается однообразнымъ шумомъ почтовой кареты, копорая везетъ наспошеля или прислужника Коглерасскаго монастыря, часпо начальника какого нибудь богатаго общества, пользующагося водами Аркены или какихъ нибудь другихъ теплыхъ источниковъ, въ окрестностяхъ Саламанки.

Когда я въ 1811 году была въ Королевствѣ Леонѣ, инья смуты прерывали погда пишину печальныхъ равнинъ. Тогда война свирѣпствовала во всей силѣ. Кровь не только лилась, но и лилась съ яростью подъ рукою безжалостнаго неприятеля. Ничего нѣтъ непопозволенаго, лишь бы только было мщеніе. При этомъ крикъ всѣ улыбались, все принимало другой видъ. Въ 1812 году я видѣла ужасный примѣръ неисповѣдства, была свидѣтельницею несчастія, и сожалѣніе, что не могла отвратить его, долго меня преслѣдовало.

Посреди этого дикаго мѣста лежитъ городъ Алба де-Тормеса, копорый всегда манилъ къ себѣ путешественника: здѣсь-то жила святая Тереза, это безконечно доброе сердце, созданное для любви; здѣсь спрадала она, пылая пою пламенною страстью, копорая помрачила ея разумъ; пошому что кто любитъ, пошь спрадаетъ: ужъ шаково условіе всякой любви;... горе не далеко отъ наслажденія и часпо его замѣняетъ.

Эта часпъ Леона весьма отлична отъ прилежащей къ нему, пою, копорую я вамъ описала. Здѣсь вы встрѣтите болѣе цвѣтовъ и луговъ

пустынныхъ, или кочующіе оспапки силъ ужаснаго Меспы, палача обѣихъ Каспильи и Эспремадурь. Около Альбы, стариннаго городка на Торместъ, нѣкогда опданнаго во владѣніе знаменишюму убійцѣ Филиппа II, мѣстоположеніе спановишся лѣсистѣе и гористѣе; роши зеленыхъ дубовъ съ вкусными желудями замѣняютъ усыпанная цвѣтами благоуханныя поля. Неподалеку опшуда находится ущелье Баньость, освященное бипвою Маршала Нея. Спрана эши знамениша важными воспоминаніями. Здѣсь происходили:

Таманесское сраженіе, гдѣ шестой корпусъ лишился своего храбраго начальника; осада Сіудадъ-Родриго, когда при доблестные воишеля выспавили древнюю свою славу на позоръ Англій, а она смѣлась надъ многочисленностью воиновъ, соединившихся для взятія ничпожной крѣпости, надъ копорою не задумался бы и малый ребенокъ; дѣло при Альбъ де-Тормеса, гдѣ Герцогъ Вальми поразилъ всю почши Испанскую армію, копорою предводилъспвовалъ Герцогъ дель Паркъ. Черезъ нѣсколько времени такою же славою увѣнчалась его конница близъ Саламанки. Подобныя воспоминанія очень занимательны и заспавляютъ бипшься сердце. Горе шому, кто не вполне чувспвуешъ всѣ эши перевороны, копорые исторгаютъ горькія слезы или вызываютъ на уста улыбку радости!.. Тотъ же сынъ Франціи.

Въ 1811 году между Альбою де-Тормеса и Мединою дель-Кампо (*) на берегу Сапарадіела,

стояла деревенька, изъ нѣсколькихъ домиковъ, довольно хорошо выспроенныхъ и гораздо лучшей наружности, нежели обыкновенные дома Спарой Каспильи и Леона. Въ то время ея окрестности изобиловали винами; виноградники не были вырваны или сожжены, и демонъ волны еще не коснулся береговъ Сапарадіела для ихъ опустошенія.

Эта часть Испаніи хопя и наводнялась иногда Англійскими и Французскими войсками, однако, не смотря на шо, долго избѣгала смертоносныхъ взоровъ грибипелей (мародеровъ), ужаснѣйшихъ всѣкой арміи. Деревня Санъ-Педро, о копорой я говорю, лежала возлѣ Pena de Francia, цѣпи горъ близъ Башуэкаской долины (*), шакъ романтически описанной госпожею Жанлисъ; но ничпо не напоминало шамъ о близости эшого мрачнаго мѣспа; напрошивъ шого, ея мирные жишели были веселы и дѣятельны, упражнялись въ земледѣліи, копорое давало имъ способы жишъ, и жишъ въ довольствѣ.

люднымъ городомъ; нѣкогда въ ней считалось до 30,000 жит., а нынѣ только 2,500!! Но, взамену этого, тамъ 14 монастырей и 15 приходскихъ церквей. Медина-дель-Кампо, такъ же какъ и Розеко, въ царствованіе трехъ Филипповъ была главнымъ мѣстомъ торговли.

(*) Г-жа Жанлисъ, которая, какъ извѣстно, во всемъ находила сюжеты для своихъ романовъ, между многими написала одинъ, тѣмъ болѣе достойный порицанія, что онъ даетъ весьма ошибочныя понятія объ этой долине. Она лежитъ на югъ отъ Леона на границахъ Эстремадурь, и до такой степени окружена скалами, что зимою солнечные лучи въ нее не проникаютъ.

(*) Медина дель-Кампо прежде была богатѣе и много-

Между ними были молодые люди, любимые и уважаемые прочими поселянами съ шѣмъ чувствомъ, копорое невольно обнаруживается какъ непремѣнная дань добродѣтели. Къ числу ихъ принадлежала одна дѣвушка, дочь знаменитаго чловѣка въ шой спрантъ, извѣснаго своею храбростію прошивъ коншрабандисовъ, копорые, еще до войны, дѣлали часпые набѣги на деревни, лежація, какъ Санъ-Педро, въ глубинѣ лѣсовъ и удаленныя опъ всякой посторонней помощи. Томасъ Муньось былъ одаренъ необыкновенною шѣлесною силою и шакою же швердоспію духа. — Когда шумъ войны распроспранился по Испаніи, онъ покинулъ на время заспунъ и всѣ сельскія работы. Онъ имѣлъ чешырехъ сыновей и дочь. Маріи де-ласъ-Долоресъ было двадцашъ лѣтъ. Прекрасна была она, но шѣми прелеспіями, копорыя происходятъ опъ чистоты души и нѣжнаго непорочнаго сердца. Ея лице было всегда спокойно, блѣдно; однако эша блѣдностъ не была признакомъ недоспашка жизни или свѣжеспи; въ черныхъ блиспательныхъ глазахъ ея выражалась кропоспъ души. Словомъ, эшо одна изъ шѣхъ Испанокъ, копорыя навсегда покоряющъ себѣ сердце мужчины, заспавляя его позабышъ и опечеспто, и все, чпо нравилось ему до шого времени (*).

(*) Не утѣю сказать, въ чемъ заключается прелестъ Испанокъ, такъ легко, такъ сильно очаровывающая! Болѣе всего поражаютъ ихъ взоры, въ которыхъ видны томность и сладострастіе, не подобныя ничему, что обыкновенно нравится во взорѣ. Испанка самая опасная со-

Долоресъ понимала своего опца, бышъ можешъ, лучше, нежели копорый нибудь изъ ея брашъевъ, и когда онъ принялъ начальство надъ первыми имъ набранными войсками, она поспѣшила за нимъ въ Сіерры, и наносила смершъ непріащелямъ съ храбростію самаго неуспрашимаго воина. Слово «опечеспто» было для нея волшебнымъ словомъ; произнося эшо слово, ея успа принимали удивительное выраженіе, а глаза, прежде свѣшлые и кропшіе, сверкали молніей. Въ числѣ подвласпныхъ ея опцу находился одинъ молодой чловѣкъ изъ Медины дель-Кампо; онъ былъ хорошъ собою, мужесшвенъ и не хотѣлъ даже и слышашъ о покореніи Испаніи. Узнавъ образъ его мыслей, Маріа скоро полюбила его, а онъ, пораженный ея красошою, благородспвомъ души и всѣмъ, чпо дѣлало ее какимъ-шо необыкновеннымъ сущеспвомъ, наконецъ рѣшился просишъ ея руки.....

Однажды, ночью, въ горахъ, два поселянина спояли на спорожѣ вокругъ бивуачнаго огня; всѣ другіе спали. Муньось бодрспвовалъ, а въ нѣкопоромъ опъ него разспояніи Хоакинъ Гаррига (шакъ назывался молодой чловѣкъ) созерцалъ Марію въ прекрасномъ, непринужденномъ ея положеніи. Она сидѣла у корня зеленого дуба, и голова ея, склоненная на суковатый стволъ дерева, казалось, взнемогла подъ бременемъ усшалости, превышаю-

перница сѣверной женщины, потому что соединяетъ въ себѣ и пльнительную безпечность и теплоту чувствованій, доставляющую ей постоянную привязанность, если только она дѣйствительно отъ чувствъ происходитъ.

щимъ силы слабой женщины; но едва малѣйшій шумъ поражалъ ея слухъ, она вздрагивала; большіе глаза открывались и быстро пробѣгали пространства окрестныя, проникая въ глубину лѣса. Вдругъ шумъ сдѣлался сильнѣе: Марія, вскочивъ, положила руку на оружіе. Шумъ замолкъ, она съела опять, и чершны, которыя еще недавно горѣли огнемъ мужской дѣлести, снова приняли природную свою крошечность, и все это не оставляло на ней ни малѣйшаго впечатлѣнія. По такимъ быстрымъ переменамъ не трудно было замѣнить, что ея обыкновенная фizioномія служила выраженіемъ пикой, безмятежной жизни. Давно Хоакинъ любилъ Марію; онъ дрожалъ, спрашась опказа; казалось, что только одно опечесство было предметомъ ея любви. Да и какъ не просить Хоакину его опасенія: вѣдь онъ любилъ! Опасеніе еспь дочь нѣжнаго сердца, говоритъ одинъ Аравійскій писатель. Чашо Хоакинъ хотѣлъ писать къ Маріи, но мужество снова его оставляло.

— Что, если она меня опвергнетъ, говоритъ онъ!.... шеперь, по крайней мѣрѣ, я смотрю на нее, сражаюсь для ея защиты; а тогда..... что, если она меня опвергнетъ!....

Въ эту ночь онъ не могъ болѣе пропивиться прелестямъ дѣвушки, одной посреди погруженнаго въ сонъ воинскаго спана; каждый взоръ Маріи, который на порою на него бросала, ускорялъ бѣненіе его сердца. Удивленіе Хоакина не имѣло предѣловъ, когда онъ замѣнилъ, что она, во время общей шревоги, подвергалась опасностямъ наравнѣ съ храбрѣйшими рашниками; но когда по-

помъ снова упавъ на влажную землю, Марія поникла услаою головою на спволъ дуба, чшобъ подь его сѣнію найши покой и опдохновеніе; онъ увидѣлъ ее, и не могъ сомкнуть успь, которыя неперпѣливо жаждали опкрыться.

— Марія! сказалъ онъ ей робко, я хочу у шво- его опца просить руки швоей..... согласна-ли шы на это?

Она, вздрогнувъ, вперила пронцашельный взоръ на юношу; легкая краска вышпунила на ея щекахъ, и на нѣсколько минутъ превршила ее въ роскошную, алую розу; она улыбулась печально, потомъ сказала, прощянувъ Хоакину свою бѣлую руку:

— Согласна!

— Ахъ! вскричалъ счастливый любовникъ, и уже хотѣлъ бѣжать къ шому дереву, на которое опершись споялъ Муньось, когда Доморестъ, опшано- вивъ его, сказала ему крошко:

Къ чему такая постѣнность, Хоакинъ! прежде выслушай меня, и опвѣчай какъ честный Каспильянецъ..... обѣщай мнѣ сражаться до послѣдней капли крови!

— Да..... и клянусь шобою!

Она нахмурилась.

— Не шаккой скорой, ребяческой кляшвы я шре- бую опъ тебѣ; но обѣща рѣшительнаго и обдуманнаго, какъ обѣщъ мужа: въ кляшвъ предметомъ любви нѣшъ ничего, что могло бы обезопасить опечесство.

— Если шакъ, шо клянусь эшимъ же опечес- ствомъ, которое видѣло меня подь своимъ знаме-

нами, среди вѣрныхъ своихъ рабниковъ, прежде нежели я узналъ шебя, Марія!

Чело юной Испанки прояснилось.

— Я шебъ вѣрю, но желаю еще одного: дай мнѣ слово никогда не признавашъ того чловѣка, подъ ярмо кошораго насильно хочешъ подклонить насъ неисповый ширакъ Европы, и всегда защищашъ нашего Короля Фердинанда VII!

— И въ эпомъ клянусь! вскричалъ Хоакинъ. О, не успрашисъ соединишь свою жизнь съ жизнью чловѣка, кошорый былъ бы не достоинъ понимать шебя! Ошечество и честь, вопшь мои идолы! а пы.... пы живешъ въ эпомъ сердце вмѣстѣ съ двумя эпими высокими предметами моего обожанія.

Глаза Долоресъ наполнились слезами; она любила Хоакина, и любила спрашно!.... Часпо, въ бою, не примѣчала, она какъ ея рука опражала опъ него ударъ непріятельскій, между шѣмъ какъ она сама подвергалась опасности.... Но можно-ли любить иначе? И какая женщина не жертвовала предмету своей спрашти собственнымъ существованіемъ, и приномъ самоопверженно и самодовольно.... Всъ чистѣйшія радости, всъ невинныя утѣхи любви заключаюся въ эпомъ самоопверженіи женщины; въ ея опрѣченіи опъ себя самой и всѣхъ ощущеній, поспоронныхъ для ея пламенной спрашти. Кровь и жизнь свою, она должна принестъ ей какъ послѣдній, важнѣйшій даръ; *все* ея существо должно бытьъ достояніемъ того, кого она любитъ!.... И погда она счастлива; погда наслаждается она блаженствомъ инаго міра, бла-

женствомъ ангеловъ. *Все* для него и *ничего* для нея, кромъ удовольствія его видѣшь, любивъ и бывъ любимой..... Женщина, кошорая не была рабою своего любовника, никогда его не любила (*).

Внимая этому объшу, Марія чувствовала живѣйшую радость, одно изъ шѣхъ впечатлѣній, кошорыя никогда не изглаживаюся изъ памяти!

— Теперь поидемъ, сказала она, опираясь на руку Хоакина..... поидемъ искашь бапшошку!

Они нашли Муньоса погруженнымъ въ глубокія размышленія; онъ смотрѣлъ въ даль, на развершывающуюся подъ его ногами равнину и считала огни непріятельскихъ опрядовъ. Услышавъ шумъ, онъ еще не успѣлъ схватиться за оружіе, какъ Марія уже его поцѣловала.

— Бапшошка! сказала она, мы съ Хоакиномъ къ шебъ пришли съ просьбою, приняшь его въ число швоихъ сыновей.

И юная дѣва обвивала руками шею родителя и прижималась къ его груди, чшобъ скрышь румянецъ лица своего, освѣщеннаго розовымъ пламенемъ бивуачнаго огня. Муньосъ улыбнулся; эпо супружесшво ему казалось выгоднымъ во многихъ опношеніяхъ: Хоакинъ былъ богашъ, оба они молоды, прекрасны и любили другъ друга!.... Чего жъ

(*) Женщина, которая любитъ такой любовью, ничему не должна уступать, и ея характеръ, мягкій и кроткій въ глазахъ обожаемаго ею предмета, долженъ имѣть твердость стали предъ всякою другою волею.

еще оставалось, опцу желашь опъ Неба?..... Въ знакъ согласія, онъ пожалъ руку счастливцу, и поцѣловалъ дочь, сказавъ ей:

— Будь благополучна, дитя мое! я шебя благословляю!

II.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Французскія войска были разбишы Герцогомъ Веллингтономъ. До того времени самое положеніе деревни Санъ-Педро предохраняло ее опъ всѣхъ нападеній; но, по опспуленіи непріятеля, ея безопасность удвоилась, пошому что Французскіе солдашы боялись сбисься съ дороги, а это и въ самомъ дѣлѣ было не безопасно. Муньось, воспользовавшись пишиною, выдалъ Марію: свадьба была въ Санъ-Педро, къ великой радости поселянъ, копорыхъ Муньось былъ почши властелиномъ, а его дочь ангеломъ хранишелемъ; она прилагала о нихъ попеченія въ бользняхъ, перевязывала имъ раны во время войны, и наконецъ спала защитницею шѣхъ, копорые прежде сами ее защищали.

Вышедши замужъ, Марія перемѣнила свой образъ жизни: она ужъ больше не ходила въ Сьерры, а оставалась дома, и съ рѣдкою нѣжностію ухаживала за престарѣлою, разбишою параличемъ бабушкою, которая уже нѣсколько мѣсяцевъ не вставала съ постели. Скоро ея обязанности умножились: она стала матерью. Марія поцѣловала своего сына, и крупная слеза упада на лице новорожденнаго,

— Бѣдное дитя! сказала она, дай Богъ, чпобъ шы не былъ рабомъ въ своемъ опечесствѣ!

До той поры скорби часпо помрачали жизнь ея; но пошомъ она не имѣла особенныхъ печалей, и даже собсвенная ея небезопасность была для нее какимъ-шо счастіемъ; однако приближалась минута, въ которую роковой часъ горестей долженъ былъ огласишься спрашнымъ погребальнымъ звономъ.

Массена вступилъ въ Испанію; его преслѣдовали опряды Веллингтона. Ведя многочисленныя легіоны на поприще славы и чести, онъ не умѣлъ вести самого себя: Французскія войска были безжалостно принесены въ жертву шѣмъ самымъ извергомъ, копорого всѣ шакъ долго величали возлюбленнымъ сыномъ победы. Вступивъ въ Испанію, многочисленные опряды, лишеныя всего необходимаго, даже пици, разсѣялись по мѣстамъ окреснымъ, производя вездѣ ужасныя грабительства. Муньось, копорый, оставивъ копье и кинжалъ, и хошѣлъ насладишься счастіемъ въ нѣдрахъ своего семейства, понялъ, что минута спокойствія еще не настала для Испаніи, и кровя должна снова обогришь его родную землю. Собравъ своихъ соопчицей, и созвавъ дѣшей, онъ ввѣрилъ защиту деревни Хоакину и спаршему сыну, а самъ воспѣшилъ въ горы, чпобъ заградить пуща непріятелю, копорый быспро шель на Санъ-Педро для ея разрушенія.

Чрезъ нѣсколько дней неспройныя толпы поселянъ въ безпорядкѣ бѣжали по дорогъ къ Санъ-Педро.

То были ошашки войскъ Муньоса. Спопридиашь человекъ изнемогли подь непріятельскими ударами въ ущеліяхъ, куда онъ ихъ завель, не имѣя доспапочныхъ познаній въ военномъ искусствѣ, но по влеченію сердца, ошважнѣйшаго, нежели сердце самага доблесшнаго героя.

Муньось палъ первый! за нимъ двое его сыновей. младшій былъ смертельно раненъ. Онъ сберегъ нѣсколько силъ, съ прудомъ добрель до сеспры, принесъ ей опцовское благословеніе, а Хоакину приказаніе веспи прошивъ непріятелей послѣдній опрядъ, и воспользовашься ихъ ошибками для поправленія своихъ.

Исполнивъ порученіе, онъ умеръ; казалось, что Небо для того шолько продлило минушы его жизни, чтобъ дашь ему возможность исполнишь священнѣйшую обязанность, принесши дочери благословеніе умирающаго опца.

Взирая на окровавленный шрупъ брата у ногъ своихъ, Марія сначала не могла плакашь; она испытала одно изъ шѣхъ ужасныхъ мученій, копорья, къ счастью, крапковременны, пошому что иначе были бы смертельны. Его холодныя, посинѣвшія и навсегда закрывшіяся уста напомнили ей кончину родителея и другихъ брательевъ, копорья, издыхая, можетъ бышь, лепепали ей послѣдній прощальный привѣшь! Марія чувствовала, что ея сердце разрывалось; она поднесла къ глазамъ дрожашія руки, надѣясь найши на нихъ слезы.. но они были сухи. Боже, вскричала она, Боже милосердый! дозвошь мнѣ плакашь; я чувствую, что умираю!

Хоакинъ подошелъ къ ней съ маленькимъ сыномъ, Мануилу былъ уже годъ, и онъ называль свою машь шѣми нѣжными именами, копорья шакъ для насъ усладительны и шакъ радостно волнуошь душу. Услышавъ его голось, Марія подняла опяжелѣвшую голову, вперила горящіе глаза на свѣжее, румяное личико малюшки. Бя братель любиль его. эшо возобновило въ ней воспоминаніе всего шого, что она сама шакъ много, шакъ пламенно любила, и слезы брызнули изъ ея глазъ, а рыданія испугали Хоакина. Онъ взялъ дипя на руки, пошомъ обнялъ ихъ обоихъ.

— Не накликай новыхъ бѣдъ, Марія, сказалъ онъ. Не позабывай, что у шебя еспь еще священныя узы, копорья должны привязывашь шебя къ жизни. Неужели захочешъ шы покинушь добрую свою спарушку? она всегда шебя шакъ горячо любила.

— Ахъ! нѣшь. нѣшь. вскричала, рыдая, Долоресь, я не хочу умирашь! Но я спрадаю! о Боже, какъ ужасно я спрадаю!!

Тѣло Муньоса въ полъ же вечеръ принесено въ деревню; его похоронили между шрема сыновьями. Послѣдній, бывшій еще въ живыхъ, вель вмѣспѣ съ Хоакиномъ опрядъ. Марія, видя, какъ роюошь могилу ея опцу и брательевъ, сказала съ горькою улыбною могильщику:

— Оспавьше мѣсшечко для меня и моего брата! не правда ли, милый? прибавила она, обернувшись къ мужу.

Хоакинъ опвѣчалъ ей наклоненіемъ головы. Онъ видѣлъ, что, или униженіе или смерть долж-

ны были рѣшишь ихъ участь, а потому выбралъ первое!..... Полкъ, разбившій храбрыхъ Муньосовыхъ поварищей, сославлялъ часть восьмага корпуса; командиръ его былъ жестокаго нрава и эту жестокость сообщилъ своимъ подчиненнымъ, увереннымъ, что они въ наказанія, если на упреки въ буйствахъ могутъ отвѣчать:

— Мы усмиряли мясоежниковъ!

Образъ ихъ жизни былъ самый гнусный, самый постыдный; извѣстія объ этомъ каждый день доходили до Пабло и Хоакина; несчастные, покрытые ранами, съ трудомъ достигали Санъ-Педро и, обезображенные, издыхали у ногъ своихъ неушѣшныхъ соотечественниковъ; дѣвушки и женщины, поруганныя, обезчещенныя, проливали слезы и вопіяли о мщеніи.

— Я немогу болѣе сносить этого! вскричалъ наконецъ Хоакинъ, пора положишь конецъ злодѣямъ чудовищей!..... Здѣшній воздухъ для меня несносенъ.... въ малѣйшемъ дуновеніи вѣтра съ стороны Сьерры, мнѣ слышатся стенанія отца и братьевъ; они меня упрекають въ медленности отмщенія.

Марія смотрѣла на него въ молчаніи; она не могла говорить!.... Смерть спановится спрассною для шѣхъ, кошорые пережили падшихъ подъ ея ударами. Она прижала къ груди сына, подошла къ мужу, обвила руку вокругъ шеи брата, и крѣпко сжала въ своихъ объятіяхъ..... она хотѣла-бы заключить всѣхъ ихъ въ своемъ расперзанномъ сердцѣ.....

— Я не въ силахъ шебя удерживать, сказала

она Хоакину, и еще менѣе въ силахъ посылать на смерть. Но, другъ мой, если Богъ шебя призываетъ, иди: Его десница въ помощь правымъ!...

А мыслію она переносилась на могилы отца и братьевъ, эшихъ чепырехъ мучениковъ, которые пожертвовали собою для ея защиты!... Тогда она задыхалась отъ вздоховъ. Эша, прежде споль мужеспвенная, споль крѣпкая женщина, шеперь спала нѣжною и слабою; она быспро изнемогла подъ шяжкимъ гнѣпомъ гореспней, а подъ нимъ такъ легко изнемочь!

Хоакинъ отправился; но, прежде нежели оставилъ Санъ-Педро, далъ своей женѣ нѣкошорья наспавленія: они были просны, попому что относились къ собственному благу Маріи, ко благу ея сына и преспарьмой бабушки.

III.

15-го Сеншября, въ одиннадцать часовъ вечера, Хоакинъ и Пабло Муньосъ пуспились въ путь; они вели двѣспи хорошо вооруженныхъ поселянь, часть жишелей деревень, разграбленыхъ хищною рукою Французовъ. Молодой военачальникъ, корошко знакомый со всеми извилинами Сьерры, вознамѣрился обойши одинъ небольшой Французскій редущъ и неожиданно перебить неприятели. Луна не свѣпила; ни звѣздочки не виднѣлось въ небѣ, и ночь была мрачна и дождлива. Доморесъ хотѣла проводить брата и мужа до подошвы горной.... Она, взявъ на руки сына, слѣдовала за ними по берегу Сапарадіела. Сильный вѣсперь не переспавалъ, и спольшпне дубы скри-

тели. Печальный видъ природы вокругъ Маріи умножалъ ея горесть, и сердце ея обливалось кровью; крупныя слезы, изрѣдка капающія изъ глазъ ея, кропили розовыя щеки бѣднаго малюшки, копорый, будучи прошивъ обыкновенія разбуженъ въ полночь, смущенный нѣмою горестью матери, спеналъ болѣзненно и плакалъ.

Наконецъ Хоакинъ прервалъ молчаніе:

— Теперь, сказалъ онъ, пора разстанься; дорога очень трудна, а сырой ночной воздухъ вреденъ для нашего Мануила.... Прощай, Марія!..... до завтра!

Онъ еще разъ поцѣловалъ сына, крѣпко сжалъ въ объятіяхъ жену, и передавъ ее на руки поселянина, который долженъ былъ возврѣнуться съ нею въ Санъ-Педро, исчезъ въ срединѣ обвивавшаго гору кусарника.

— Хоакинъ! вскричала Долоресъ прерывающимся голосомъ, не забудь меня, не забудь нашего Мануила!

— Я помню обоихъ, отвѣчалъ Хоакинъ, уже съ половины горы, прости, Марія!!

Она упала на землю.

— Несчастливая!..... и я сама пребывала отъ него такой клязвы!.... Сынъ мой, душа мое!....

Въ глубокой скорби, она вспала и пошла такъ скоро, что провожавшій ее поселянинъ едва успѣвалъ за нею слѣдовать. Черезъ полчаса подошли они къ деревнѣ: тогда Долоресъ остановилась. Ей хотѣлось бы не входить въ пуда; ей казалось, будто жизнь тамъ должна быть мрачна и угрюма, какъ шонъ лѣсъ, что видѣнъ въдали, подернутый шраурнымъ покрываломъ ночи.....

..... Какое-то неизяснимое предчувствіе говорило ей о разрушеніи. Вдругъ она услышала выстрѣлъ; она прислушивается и явственнѣе узнаетъ шонъ гулъ смерти, которую сама она такъ часто посылала въ ряды непріятельскіе. Шумъ все болѣе, все оглушительнѣе. Удвоивъ шаги, Марія спѣшила укрыться въ своей хижинѣ. Тамъ начала она молиться; но ея уста лепетали одну несвязную рѣчь, а сердце волновалось ужасно: она молилась для того только, чтобы упрекать небо въ сполькихъ незаслуженныхъ бѣдспвіяхъ. Мгновенно ея слухъ былъ пораженъ гуломъ выстрѣловъ, копорые менѣе ужасны для спящихъ подъ градомъ пуль и картечей, нежели какъ для женщины на колѣняхъ предъ распятіемъ..... О! подобное положеніе спрашивать смерти: это долгое и помпительное прощаніе съ жизнью.

Такимъ образомъ провела Долоресъ ночь, мучительнѣйшую изъ всѣхъ, бывшихъ въ теченіе двадцатилѣтняго ея существованія. Къ утру успалые глаза сомкнулись; она уснула, склонившись на колыбель сына и держа объ его ручки въ своихъ.

Смяшеніе возлѣ хижинъ пробудило ее отъ краткаго сна: она различала голоса, споны и рыданія; бросилась къ окошку, и ея судьба рѣшилась.

На большой улицѣ деревни шлопа женщины, въ слезахъ, окружала поселянинъ изъ отряда Пабло и Хоакина: всѣ были обрызганы кровью, покрыты ранами, и многіе изъ нихъ издыхали на порогѣ родительской хижинъ, не будучи въ состояніи умереть подъ его кровомъ.....

...Вдругъ кто-то произнесъ имя Хоакина: сила, дополь самой Маріи невѣдомая, заставила ее устремиться къ тому мѣсту, куда всѣхъ приковывалъ ужасъ и, быспро сбѣжавъ съ лѣспницы, она являея предъ грустную толпу раненыхъ и женщинъ, блѣднѣе, нежели всѣ они вмѣстѣ.

— Мой мужъ! вскричала она глухимъ голосомъ. . . . Хоакинъ! . . . что вы съ нимъ сдѣлали. . . . а брашъ, а мой Пабло? . . . гдѣ они? . . . говорите, отвѣчайте, что . . . они ранены, . . . въ плечу?

И каждый разъ, когда прерывался ея голосъ, она вперяла большіе, недвижные свои глаза на окружавшихъ ее.

— Но умереть они не могутъ! . . . о нѣтъ! . . .

Раздирающій душу крикъ вырвался изъ ея груди, когда она увидѣла одного изъ Хоакиновыхъ поваришей, Габріела; голова его поникла на грудь.

— Они умерли! . . . Оба? . . . и ты говоришь это? . . .

Габріель хотѣлъ подойти къ ней, чпобъ подробно разсказать все случившееся.

— Прочь отъ меня, гнусный! Какъ смѣешь ты вступать въ эту деревню, копорую мои предки защищали своею кровію, спасали собственною жизнію, и копорую ты пакъ хладнокровно предаешь теперь въ руки грабителей! . . . Прочь отъ меня! . . . О мой Хоакинъ! . . . зачѣмъ я не была съ тобою! . . . я бь тебя защитила! . . .

Въ изнеможеніи, испуская дикій вопль, Доло-

ресъ упала на землю; ея скорбь была велика и ужасна. Поселянки, подобно ей поперявшія любимыхъ супруговъ, не смѣли плакать въ ея присутствіи.

Наконецъ она пошла искать Мануила: малюпка обвивалъ рученками голову своей мащери, и покрывалъ поцѣлуями. Слезы облегчили горестъ Маріи; она уже была въ состояніи подробно выслушать исторію спрашнаго побойща, происшедшаго наканунѣ въ ущеліяхъ Сьерры, и скоро догадалась, чпо деревня въ пошь-же вечеръ должна быть занята Французами. Тогда, спавъ прѣвьше всѣхъ несчастій, она приказываетъ, чпобъ всѣ, и мужчины и женщины, немедленно за нею слѣдовали; достигаятъ большой площади, всходящъ на возвышенное крыльцо вешхой часовни и говоришь поселянамъ:

— Пусть каждый изъ васъ возьмешъ, сколько можешъ снести, хлѣба и съспныхъ припасовъ; все-же оспальное скорѣе шацише на эту площадь. . . .

Въ одно мгновеніе площадь была завалена гудами хлѣба и припасовъ, копорыми пакъ богаты Испанскія селенія. Большая часть ихъ состояла въ мѣхахъ съ винами.

— «Друзья мои!» сказала она имъ съ швердostí, «рѣшились ли вы ничего не оставяшь эшимъ жаднымъ разбойникамъ, копорые быспро идушь на Санъ-Педро?»

Громкія восклицанія были ей отвѣстомъ.

— «Если пакъ, опложите по, чпо намѣрены взять съ собою, сожгите хлѣбъ, и бросьте муку

въ спруи Сапарадіела; пронзили кинжалами мѣха съ винами, чѣтобъ изверги видѣли, какъ умѣюшъ Испанцы презирашъ ихъ свирѣбый гнѣвъ.

Вопли ярости и мщенія призывали проклятіе на Французовъ. Огонь запылалъ; хлѣбъ превратился въ пепель; мука, ячмень и всѣ припасы подверглись той же участи. По мѣрѣ того, какъ пламя пожирало добычу приближающагося непріятельскаго отряда, Долоресъ забывала свои страданія; великая мысль ее занимала. Когда Габріель хопѣлъ ударомъ кинжала распороть послѣдніе двѣнадцать мѣховъ, она схватила его руку.

— Поспой!..... Прикажи ошнеси ихъ въ мою хижину; они мнѣ нужны.....

Вѣтеръ, дунувшій со стороны Сьерры, донесъ звуки барабана.....

— Эшо они! сказала Марія, и вдругъ побѣднѣла и снова пошомъ побагровѣла.

— Время удалиться! вскричала она. Не медлите!.... идите всѣ.....

— А ты развѣ не пойдешъ съ нами? сказали въ одинъ голосъ нѣсколько поселанъ.

— И какъ пришло вамъ въ голову, чѣто я въ состояніи покинушъ мою престарѣлую бабушку?.... а она не въ силахъ за нами слѣдовать.... Ее надобно нести; эшо замедлитъ вашъ уходъ, и вы погибнете. Чѣто могушъ сдѣлать непріятели дряхлой, немощной женщины, ребенку и мнѣ, которая уже шакъ несчастна!!..... Оставьте насъ на произволь судьбы..... спускайте; да сохранитъ васъ Господь и Его Пречистая Матерь!....

Звуки барабана дѣлались слышнѣе.... Марія

проводила глазами и послѣдняго поселанина; нѣскольکو времени прислушивалась она къ шуму отъ шаговъ бѣгущихъ; лучи осенняго солнца играли на ихъ оружїи..... Наконецъ она ничего не видѣла; до нея доходилъ только плескъ волнъ Сапарадіела, и часъ отъ часу увеличивающійся гулъ отъ приближающагося барабана....

Оставшись одна, Марія была въ самомъ мучительномъ состояніи; дрожь пробѣжала по ея шѣлѣ; потомъ она почувствовала жаръ и трепетаніе всѣхъ нервовъ. Ей мечталось, чѣто она вступаетъ въ новый міръ, гдѣ ее ожидаютъ бѣдствія, допоть невѣдомыя.... Ея разумокъ шерялся; ее пугалъ собственннй голосъ: прежняя, спрашная мысль ею овладѣла.

— »И я еще не исповѣдалась въ грѣхахъ моихъ!« вскричала она въ глубочайшей тоскѣ, быстро побѣжала къ одру бабушки, положила подлѣ нея Мануила, и ушла помолишся. Чрезъ нѣсколько времени она возвратилась; старуха перебирала чешки, а дитя почивало.

— Бабушка! сказала Долоресъ: спавъ на колѣни возлѣ одра разслабленной; бабушка!.... выслушай моего исповѣль!

Старуха кропко улыбулась и, не въ состояніи будучи говорить, кивнула головою. Марія, собравшись съ мыслями, начала покаяніе.... Увы! слова ея были чисты, какъ небо ея родины, и безгрѣшны, какъ ангельская душа ея малюшки... Вдругъ ужась объялъ старуху; оправившись, она продолжилъ полупопухшимъ взглядомъ, казалось, одобряя дочь свою; наконецъ, положивъ

сухія морщиновашыя свои руки на черныя кудри Маріи, ее благословила. . . .

IV.

Марія была на колычяхъ, когда первый отрядъ Французскаго полка всушилъ въ Санъ-Педро. Имъ начальствовали поручикъ и капишанъ; они умирали ошъ неперпвнїа доспашъ чего нибудь съеспнаго, потому что ихъ полкъ цѣлые два дня былъ безъ ниши.

— Чоршъ побери! сказалъ одинъ уншеръ-офицеръ, копорый успѣлъ уже обревизовать два или три креспьянскіе двора. . . . Да въ эшой погаоцїи деревушкѣ нѣтъ ни души!

— Чшо жѣ шупшъ удивительнаго! возразилъ капишанъ; поселяне, чшо называешся, по добру, по здорovu ушли изъ деревни, а намъ расшворили свои кладовыя. . . .

Офицеры смѣялись. Между шѣмъ приблизились они къ площади: шамъ шекли послѣднїе спруи вина, и груди сожженнаго хлѣба какъ будшю издѣвались надъ ними.

— Чшо за черши, эши Испанцы, вскричали солдашы. Видано ли гдѣ нибудь шакъ дьявольски жечь хлѣбъ и бросашъ вино!!

Подняли мѣха, въ нихъ ни капли. Увѣрившись наконецъ, чшо въ деревнѣ ничего нѣтъ, они предались ярости, произносили спрашннїа угрозы и, бросившись на опущенныя хижины, хощѣли сжечь деревню. Печально сѣли они на обломки шѣхъ самыхъ камней, ошкуда Марія говорила съ поселянами, и дожидались, пока ошдохнушъ ихъ шовари-

ши, чшобъ ишши въ Medina-del-Campo. Вдругъ восьмеро солдашъ принесли мѣха съ виномъ и нѣсколько прекрасныхъ, сыпныхъ бѣлыхъ хлѣбовъ, копорые шакъ хорошо умѣютъ печь Испанки.

— Капишанъ, а капишанъ! сказалъ одинъ капраль, эша добыча дѣлаешъ мнѣ гораздо больше удовольствїа, нежели шо жемчужное ожерелье, копорое я нашелъ въ Канрѣ.

— Да; небось ты и нашелъ эту добычу, пробормоталъ насмѣшливо другой.

— Ну къ чоршу; полно врать! прервалъ шрепнїй солдашъ, взявшись за рукояшъ своей сабли.

— Молчашъ! вскричалъ капишанъ, чшо нужды. . . . кшо бы ни нашелъ, . . . пейше, шьште скорѣе, да и маршъ!

Въ эшо время солдашы привели къ капишану женщину съ ребенкомъ на рукахъ: шо была Марія. Блѣдная, съ пошупленными глазами, но съ швердосшью шла она. Хотя плашье обличало въ ней поселянку, но капишанъ, нѣсколько приподнявшись, машинально ей поклонился.

— Ты изъ эшой деревни, милая? спросилъ онъ ее учшиво, потому чшо былъ молодеъ, а она прекрасна.

— Да, ошвѣчала женщина.

— Ошъ чего жѣ она шакъ пуща и ошъ чего ты одна здѣсь?

— Ошъ шого, чшо всѣ наши поселяне ушли въ горы и въ Пена-де-Франсія, а я ошпалась одна съ маленькимъ сыномъ и большою бабушкой.

— Гмь!..... ну а зачѣмъ сожженъ эшошь хлѣбъ?

— Зачѣмъ?.... чшобъ не досшался въ ваши руки. Испанскія печки не обязаны гошовить кушанье для Французовъ.

Одинъ солдашъ началъ разрѣзывать мѣхъ.... Искра сомнѣнїа заронилась въ грудь поручика, копорый былъ спарше и опынше своего капишана, что случается довольно часто.

— Почему эшо вино не вылишо, такъ же какъ прочее, спросилъ онъ у Долоресь.

— Я надвѣялась его спряшашъ..... но съ вами..... величайшая ненависть прекрашила ея рчь.

— Что.... эшо вино не испорчено?

— Безъ сомнѣнїа нѣшъ.

— Сшало бышь, шы не опкажешься показашъ собою намъ примѣрь.

— Пожалуй!

Она пропшанула руку къ капишану, копорый наполнилъ виномъ свою серебряную чарку. Марїа выпила ее хладнокровно.

— Поподчуй же за компанїю и ребенка!....

Рука Марїи дрогнула; но эшо было почти незамѣшно. Она взяла чарку, поднесла къ губамъ Мануила, и ошдала поручику.

— Теперь можете пить, ребяна, сказалъ онъ солдатамъ; только смотрише, оспавше одинъ мѣхъ на дорогу.....

Услышавъ эшо, Марїи показалось, что небеса ошверзаются, и что она видитъ тамъ ошца и мужа, окруженныхъ брашьями. Но вдругъ слабый ма-

люшка почувспвовалъ первыя дѣйствїа мышьяка, копорый находился въ винѣ въ большомъ количествѣ. Бѣдное дшпя сначала поблѣднѣло, потомъ мгновенно посинѣло и скорчилось, въ ужасныхъ конвульсіяхъ. Долоресь нѣсколько времени боролась съ эшимъ ужащающимъ видомъ. Наконецъ маперинское сердце не выдержало такой сильной пышки: вопль умирающаго сына помрачилъ ея разумъ.

— Благодаренїе шебъ, мой добрый ангель! вскричала она, упавъ на колѣна и положивъ сына къ подножію большаго распшїа, у часовни. Благодаренїе шебъ, дшпя мое, моя радость, мое сокровище!... швоя мать скоро съ побою соединишя!

— Вино оправлено! вскричали офицеры....

Марїа всшала съ земли, и явилась предъ ними съ какимъ шо дивнымъ величїемъ. Она была вдвойнѣ блѣдна, и опъ волновавшихъ ее чувствъ и опъ начавшагося дѣйствїа яда.

— Да, сказала она, съ горькою улыбкою, да, вино оправлено!..... я сама бросила въ него оправу..... Презрѣнныя бичи всѣхъ моихъ родшвенниковъ! въ печенїе одного мѣсяца вы умершвили моего ошца, четверыхъ брашьевъ и мужа!.... Да, вы отравлены!!..... Проклятіе на васъ! Проклятіе на Францію! я произношу его при дверяхъ гроба, а проклятіе умирающихъ ужасно!!.....

Въ эшу минушу, новый крикъ ребенка зашпавилъ ее подбѣжашъ къ нему. Офицеры, изъ коихъ двое ничего не пили, хопшли спасши Марїю опъ ярости солдашъ, которые было на нее бросились, и шпали между ними и ею; но несчастная имъ не внимала. Маленькій ея Мануиль скончался въ стра-

даніяхъ; она держала его на своихъ рукахъ, холоднаго и блѣднаго какъ цвѣтокъ, ошорванный же спокною рукою оиъ роднаго сшебля.

— Чудовища! вскричала она еще разъ; вы принудили меня къ этому звѣрскому пошупку, пошому чшо безчеловѣчно умерщвляшь собшвенное дѣшпще..... Но нѣшъ, сказала она, сложивъ руки и поднявъ ихъ къ небу, нѣшъ!... я невинна!..... чшо бь спалось съ шобою, насчасшнѣй сироща!.... Ты, въ пошындномъ рабспшвѣ, влачилъ бы шяжелыя цѣпи, скованныя свирѣпоспшо Французовъ!.... Нѣшъ, благословляя свою мать!..... Проклятіе на Францію!....

Тогда уже не было ни какой возможности остановишь солдашъ; они бросились на злополучную, которая прижавъ къ груди бездушное шѣло ребенка, хопшля, чшобъ и онъ раздвлялъ ея учашь:

Едва могла испушпшь послѣдній стонъ; придцашъ кинжаловъ поразили ее прямо въ сердце!....

Она упала къ подножію креста, сжимая въ своихъ объашіяхъ сына. Солдашы схвапили ея нѣло и, не внявъ запрешеніямъ капишана, бросили въ шумящія волны Сапарадіела, привазавъ къ рукамъ и ногамъ множеспво камней..... Нѣсколько времени оно плавало на поверхности; но пошомъ шяжеспъ погрузила шрупъ, и влажный гробъ Маріи навѣки закрылся надъ нею!....

Солдашамъ помогли; однако не взирая на всѣ шшаранія, шридцашъ семь человекъ погибли ошъ послѣдспвій эшого бѣдшвенная приключенія.

Съ Французскаго Бочаровъ.

И С Т О Р І Я .

П О М П Е Я (*).

24 Августа (по другому показанію Плинія 23 Ноября), 79 года по Р. Х., въ полдень, поднялось надъ вершиною Везувія густое, мрачное облако и ошѣнило своею шѣвно всю окреспность. Медленно и грозно подвигалось оно къ югу, по направлению горы Лакпаріума, прозванной нынѣ горою Санпъ-Анжело. По вечеру внезапно полились пошпки лавы съ западной стороны Везувія и успремьясь къ морю, губили все вспрѣчавшееся на пуши; окреспная страна была колеблема сильными ударами землеспрясенія, и къ ушпру не спало Геркуланума. Между шѣмъ разразилось и облако: пепель и камни во множеспвѣ упали на землю, и засыпали Помпею съ близлежащими мѣспами. Въ шрешпемъ часу послѣ полуночи, масса пепла и камней сдѣлалась, какъ повѣспвуешъ Плиній, уже шакъ велика, чшо малѣшшее промедленіе могло бы остановишь бѣгспво. Діонъ Кассій разсказываетъ, чшо жиптели города находились шогда въ шешрѣ, гдѣ и погибли всѣ безъ изыашія; но достовѣрность эшого разсказа кажешся весьма сомнишельною, поштому чшо шамъ опкрышы шолько при остава.

(*). Съ планомъ и видами.

Исторически извѣстно лишь то, что Типъ даровалъ различныя пособія пострадавшимъ отъ разрушенія, а изъ поисковъ въ Помпей видно, что жили, по минованіи постигшаго ихъ бѣдствія, пробирались къ своимъ домамъ и спасали большую часть движимаго имущества.

Такъ погибла Помпея, простой провинціальный городъ Счаплизой Кампаніи, замѣчательный какъ гавань при истокѣ Сарно и какъ любимый пріютъ знатныхъ Римлянъ. Нынѣ онъ лежитъ на разстояніи, по прямому направленію, пяти Испаліанскихъ миль (копныхъ въ одной Нѣмецкой милѣ чешыре) отъ Везувія. По свидѣтельству Римскихъ писателей, древняя Помпея стояла при самомъ морѣ: теперь же удалена отъ него почти на полчаса пуши. Вообще замѣчено, что весь берегъ Неаполитанскаго Залива попергѣлъ значительныя перемѣны, въ слѣдствіе волканическихъ потрясеній земли. За шестнадцать лѣтъ до своего конечнаго разрушенія, Помпея пострадала отъ сильнаго землетрясенія; вредъ, нанесенный имъ, не былъ еще, какъ видно по сію пору, изглаженъ въ 79 году.

Поверхность земли, подъ которою лежалъ погребеннымъ эпошъ городъ, была, въ теченіе столѣтій, щадательно воздѣлываема; виноградъ и разные роды хлѣба съ успѣхомъ произрастали на плодородномъ волканическомъ пеплѣ, коего глубина простиралась до 20 фушовъ. Съ 1738 года, когда былъ открытъ Геркуланумъ, начали помышлять и о Помпее. Такъ какъ знали ея мѣстоположеніе, то Карлъ III, ревностный покровитель

искусствъ и наукъ, повелѣлъ приступить къ открытію; попышка оправдалась дѣломъ. Два обстоятельствова значительно облегчали работу и укрѣпляли Короля въ рѣшимости не щадить трудовъ и издержекъ для произведенія поисковъ. Во-первыхъ, масса земли, покрывшая городъ, состояла изъ смѣси пепла и маленькихъ камешковъ, не представляла большихъ затрудненій копанію, и не требовала для этого многосложныхъ инструментовъ; во-вторыхъ, надъ Помпеею не было построено ни какого города, а стояли только виноградныя сады и нѣсколько загородныхъ домовъ, которыхъ покупка всегда могла быть возможна. Впрочемъ, тогда не имѣли въ виду совершенно открытъ городъ и сдѣлать его для всѣхъ доступнымъ: планъ Короля ограничивался лишь пѣтмъ, чтобы пріобрѣсти однѣ драгоценности искусствъ и выставить ихъ въ музей древностей, въ Поршичи. При эпошъ поступали такъ же, какъ и въ Геркуланумъ: откапывали жилища, брали, что попало подъ руку, и снова засыпали зданія землею. Равнымъ образомъ, мало заботились въ началѣ и о томъ, чтобы копаніе производить послѣдовательно, въ одномъ направленіи; напрошивъ, копали по шамъ, по смѣ, безъ всякаго плана, и только за двадцать лѣтъ предъ симъ остановились на мысли: вести работы вдоль городской стѣны, чтобы узнать величину окружности города. Спустя семнадцать лѣтъ отъ начатія поисковъ перешли покрывать землю то, что уже было открыто; зданія осматривались подъ открытымъ небомъ; размешанныя кучи

пошла холмами лежали въ разныхъ сторонахъ. Приложенный къ сей книжкѣ С. О. планъ представлялъ поиски, произведенные по настоящее время; а числа лишь опредѣляютъ ихъ исторію и служатъ какъ бы мѣриломъ участія въ нихъ правителей.

Городская стѣна имѣетъ въ окружности почти двѣ Италіанскія мили и открыта большею частію въ промежутокъ времени съ 1812 по 1814 годъ. Понинѣ доступны пять восточныхъ и одиннадцать башенъ. Ворота, ведущія въ Геркуланумъ и Нолу, лучше сохранились. Башни имѣли три яруса и были снабжены пошанными выходами, на случай осады. Восточная сторона стѣны, возвышающаяся на 50 футовъ, найдена еще въ столь хорошемъ состояніи, что по ней, равно какъ и по земному валу, удобно можно ходить, тогда какъ западная и южная сторона представляютъ однѣ развалины. Замѣчательно, что въ пѣкопорохъ частяхъ стѣны ясно видны позднѣйшія исправленія, и если позволимъ себѣ высказать предположеніе, то легко допустить, что они сдѣланы жителями Помпеи послѣ землетрясенія въ 63 году. Видъ города походитъ на эллипсъ, котораго большой поперечникъ содержитъ 3500 Парижскихъ футовъ, а малый—2210. Всѣ улицы вымощены такимъ же камнемъ, какъ нынѣ въ Неаполь и окрестныхъ мѣстечкахъ. Работа чрезвычайно плодна: пустоты между камнями наполнены гранитомъ или желѣзомъ. По обѣимъ сторонамъ улицъ шпиршуары; подъ ними встрѣчаются тамъ-сямъ отверстія съ желѣзными решетками.

ми, для стока дождевой воды. По сію пору открыто около двадцати улицъ: лежація вблизи Геркуланскихъ восточныхъ улицъ шпиршны, что только одна кареша можетъ по нимъ проѣхать; но чѣмъ болѣе подходятъ къ главной площади, тѣмъ шире онѣ становятся: впрочемъ, и здѣсь онѣ шпиршны, что двѣ лишь карешы могутъ разѣхаться. Переходы изъ одной улицы въ другую вышланы камнемъ и нѣсколько возвышены надъ мостовою, которая обыкновенно имѣетъ вогнутую фигуру. Почти на всѣхъ перекресткахъ фонтаны, получавшіе воду съ ближнихъ горъ, посредствомъ проводовъ; подлѣ нихъ карпины, а иногда жершвенники, посвященные богамъ-хранителямъ дорогъ. Частные дома имѣютъ одинаковыя отдѣленія и въ одинаковомъ вкусѣ построены; вся разница во внутреннемъ украшеніи и въ тѣхъ присройкахъ, кои выдумывала роскошь. Почти всѣ дома объ одномъ этажѣ; двухъ-этажныхъ очень мало. Нѣтъ нужды напоминать, что землетрясеніе измѣнило положеніе ихъ. Прежній ихъ видъ представленъ въ срединѣ приложеннаго къ сему рисунка; нынѣшній же означенъ внизу. Тотъ, кто самъ не видалъ города, получитъ вѣрное понятіе о немъ, если скажетъ ему, что Помпея подавлена массою земли. Дѣйствительно, часто случается видѣть, что пошолокъ какъ бы приплюснутъ къ полу. Только тѣ строения уцѣлели отъ этого, кои лежали подлѣ склоновъ возвышенностей. На рисункѣ показанъ подъ 46 номеромъ домъ Пансы; опишемъ его внутренность.

Сперва представляется нашему взору неболь-

шая дверь, копорая обыкновенно бывала раскрашена, и нѣсколько лавокъ. Изъ двери входъ въ переднюю, гдѣ привѣшпвуешь приходящаго написанное на стѣнѣ: добро пожаловать. Полъ передней украшенъ мозаикою, а стѣны расписаны. Вторая дверь ведетъ въ приемную, по споронамъ копорой небольшія комнапы для слугъ, или, какъ другіе полагающъ, для содержателей лавокъ. Свѣтъ проходишь въ нихъ или чрезъ дверь, или же чрезъ окошко вверху. Средняя часть приемной, украшенной по большей части колоннами, не покрыта; по этой причинѣ на мраморномъ полу сдѣлано мѣсно для спока дождевой воды. Въ углубленіи приемной комнапа, куда хозяинъ дома уединялся съ шѣмъ, кпо хощьль говоришь съ нимъ о дѣлахъ. Изъ передней части зданія проходъ во внутреннюю, предназначенную для семейной жизни и ея удобствъ. Подлѣ этого прохода маленькая комнапа, гдѣ жилъ слуга, оберегавшій доступъ во внутренность дома. Другъ хозяина, копорому дозволялся эпошь доступъ, входилъ въ большой дворъ, коего середина была не покрыта; столбы, по копорымъ проходъ или галерея назывался периспиліумомъ, поддерживали кровлю, защищавшую ее отъ дождя и солнца. Въ срединѣ находились или садки съ рыбою, или фонтаны, а иногда сплешенныя изъ цвѣшковъ сѣдалища. Комнапы этой части были опредѣлены на пошребности семейства, для работы, сна и для дѣпей. Рабочая комнапа хозяйки и ея невольницъ находилась отдѣльно; подлѣ нея столовая, гдѣ кушали зимою; лѣтомъ же въ периспиліумѣ. Кухня, кла-

довая и другія для хозяйственныхъ нуждъ комнапы занимали внѣшнее пространство этой части. Второй проходъ изъ периспиліума велъ въ садъ, отдѣленный поршикомъ отъ дома; къ нему птянулась еще галерея, бывшая по большей части покрышою. Вся комнапы, не исключая и кухни, имѣли на стѣнахъ разныя украшения; предметы мнѣологическіе и историческіе мѣнялись съ аллегорическими фигурами и сценами природы. Бурбонскій музей въ Неаполь сохраняетъ до 2000 подобныхъ стѣнныхъ украшеній. Особенно замѣчательны ихъ краски, удержавшія понынѣ прежнюю свѣжесть и живость; даже доступъ свободнаго воздуха весьма мало повредилъ имъ, а индѣ и совсѣмъ непримѣнно его вліяніе. Въ новѣйшее время было сдѣлано множество попытокъ подражать симъ краскамъ; но еще никому онѣ не удавались. Самый проспой домикъ представляеть на своихъ стѣнахъ такое изящество живописи, какого не всегда можно было бы ожидать въ провинціальномъ городкѣ. Правда, что комнапы не велики и шѣсноваты; зато онѣ удобны и приоровлены къ пошребностямъ южнаго климата: нѣсколько шаговъ, и пошчасъ подъ открытымъ небомъ. Замѣчательна еще заботливость объ украшеніи половъ, усланныхъ по разноцвѣпнымъ мраморомъ, по мозаикою. На послѣдней изображались звѣзды, животныя, особенно ппицы, иногда же очерки сраженій. Не много домовъ, въ копорыхъ можно найпи слѣды лѣспницъ, для перехода изъ одного этажа въ другой. Предполагающъ, что въ верхнихъ покояхъ жила обыкновенно хозяйка дома со своими прибли-

женными: тамъ она наслаждалась чистымъ воздухомъ и прекрасными видами, все, что только было ей позволено по тогдашнимъ обыкновеніямъ. Что касается до общественныхъ зданій, то важнѣйшія изъ нихъ уже опрышлы, именно: двѣ площади, два шеапра, одинъ амфишеапръ, девять храмовъ, публичныя бани и кладбище. Сіи главныя строенія обязаны своимъ существованіемъ разнымъ народамъ, обладавшимъ городомъ: отсюда происпекаетъ смѣсь во вкусъ архитектуры. Вообще Дорическій орденъ господствующій; Ионическій пошерпѣль многія измѣненія; въ Коринтскомъ замѣтны чрезвычайныя неправильности. Поговоримъ въ часности о нѣкоторыхъ зданіяхъ.

На Геркуланской дорогѣ, по правую сторону, сперва представляется намъ загородный домъ М. Аррія Діомеда, бывшій, по всей вѣроятности, о прехъ эпажахъ. При одной изъ дверей, ведущей въ садъ, найдены два оспава; подлѣ нихъ серебряныя сосуды и нѣсколько монетъ. Въ погребу этого дома опкрыты еще 20 скелешовъ; въ числѣ ихъ два дѣтскихъ. Погребальная дорога, названная предмѣспіемъ Августа Феликса, идетъ къ городскимъ ворошамъ; по обѣимъ ея сторонамъ споятъ гробы съ надписями и украшеніями. Число ихъ невелико; по этому и предполагаютъ, что большое кладбище находится въ другой какой нибудь части города. Зданіе по лѣвую сторону дороги почитаютъ гостиницею; въ портикѣ его найдены пять скелешовъ. Вообще замѣтно, что жители Помпей преимущественно здѣсь искали спасенія.

По правую сторону видѣнъ еще загородный домъ кошорый, не извѣстно почему названъ, Виллою Цицерона. Геркуланскія вороша имѣютъ при входа: средній былъ назначенъ для экипажей и живошныхъ, боковыя для пѣшеходовъ. Стѣны ихъ украшены надписями; по сторонамъ спупени, кошорыми всходили на валь и на стѣны. Миновавъ вороша, встрѣчаете прямую улицу; расположенныя по ней строенія сильно пошерпѣли отъ провама. Въ домъ, названномъ гостиницею Альбина, надъ входомъ въ одну изъ лавокъ, замѣченъ въсѣченный на камнѣ амулетъ, для предошвращенія вліаній дурнаго глаза. Это суевѣріе понынѣ сохранилось у Неаполитанцевъ. Скромный домикъ подлѣ городской стѣны имѣетъ домашнюю моленную. Далѣе строеніе, слывающее, безъ всякаго основанія, подъ именемъ дома Веспалокъ. Въ сосѣднемъ съ нимъ зданіи опкрыты инструменты, употреблявшіеся, какъ полагаютъ, при операціяхъ. Прочіе дома этой части города не замѣчательны. Вблизи зданія, носящаго имя Салустіева жилища, споятъ пекарня, въ кошорой распознаютъ слѣды прехъ ручныхъ мукомольевъ. На противоположной сторонѣ домъ, почитаемый за аптеку: въ немъ найдены многіе сосуды съ сухими лекаршвами. По перекресткамъ фоншаны, получавшіе воду частію изъ Сарно, частію съ ближнихъ горъ. Всего замѣчательнѣе публичныя бани. Къ нимъ ведутъ шестъ входовъ; въ срединѣ непокрытый дворъ, окруженный поршикомъ. Узкій проходъ соединяетъ его съ комнатою, назначенною для раздѣванія. Изъ нея дверь въ холодную баню, съ четырьмя ниша-

ми и большого ванною, въ копорую вода лилась изъ свѣсны. Другая дверь въ теплую баню; по уцѣлѣвшимъ въ ней украшеніямъ можно судить о ея опдѣлкѣ; понынѣ еще хранятся памъ бронзовый очагъ, превосходной работы. Въ сосѣдствѣ съ нею теплая зала, куда проведенъ былъ паръ посредствомъ шрубъ, и гдѣ стояла ванна. За свѣсною этой залы кошелъ, въ копоромъ нагрѣвалась вода, большой водоемъ и людская. На сѣверозападной споронѣ особое зданіе съ опдѣльнымъ входомъ; вѣроятно, оно было назначено для женщинъ. По прѣмъ бокамъ бань лавки, числомъ 19. Въ баняхъ найдено множество лампъ.

Довольно разрушенный сводъ служилъ входомъ къ Форуму, копорый своею величиною, правильностью, поршикомъ и зданіями изумляетъ наблюдателя. Взору его предсавляется сперва храмъ, приписываемый Юпитеру. Полагающъ, что ояъ построенъ незадолго предъ разрушеніемъ. Величественнѣе его храмъ Венеры. На углу Форума стоятъ базилики, обведенныя поршикомъ. Насупротивъ храма Юпитера при куріи, гдѣ происходили народныя собранія и хранилась общественная казна. На восточной споронѣ форума Пантеонъ; здѣсь найдены статуи Ливіи и Друза, многія картины и другія рѣдкости искусствъ. Въ сосѣдствѣ съ нимъ домъ Декуріоновъ и храмъ Квирина; далѣе зданіе построенное, какъ видно изъ надписи на архиправѣ, жрицею Эвмаріею. Съ Форума ведутъ двѣ дороги къ театрамъ: одна мимо курій, другая мимо Халцидика. Подлѣ большого театра цисперны, для спюка воды. Здѣсь же зданіе,

обыкновенно называемое прибуналомъ; но дѣйствительное его назначеніе погда лишь будешь извѣстно, когда разберешь найденную во внуспренности надпись на Оскскомъ языкѣ. Замѣчательный храмъ Изиды былъ разрушенъ землетрясеніемъ, въ 63 году по Р. Х., и попомъ возобновленъ, какъ свидѣльствуетъ надпись, Нумеріемъ Попидіемъ. Причиною его построенія полагающъ сношенія Помпелнцевъ съ Александрійцами по дѣламъ торговли. Въ святилищѣ сего храма опкрыты двѣ знаменитыя паблицы Египетской богини. По множеству найденныхъ здѣсь драгоценностей можно догадаться, что храмъ Изиды былъ богатѣйшимъ въ цѣломъ городѣ. Въ подземныхъ его ходахъ опрыны многіе скелеты. Подлѣ стоить другой храмъ. Винкельманъ приписывалъ его Эскулапу, другіе Пріапу, прѣмъ Юпитеру и Юнонѣ. Неподалеку домъ ваятеля, въ копоромъ найдены полуоконченныя статуи и много инструментовъ. Первые слѣды большого или прагического театра обрѣшены въ 1764, а малаго, или Одеума, въ 1769 году. И теперъ еще можно распознать сцену, оркестръ, ряды сѣдалищъ и выходы. Одеумъ лучше сохранился. Діонъ Кассій упоминаетъ о великолѣпнн большого театра.

Много было споровъ относительно назначенія другаго общественнаго зданія. Первоначально почитали его за казарму, что всего вѣроятнѣе; позднѣе одни думали, что это театральныя портики, другіе, что шумъ была торговая площадь. Мимо его проходила дорога въ Салерно и къ амфитеатру, славному своею архитектурою. Полага-

юшь, что въ немъ могли помѣщаться до 20,000 человекъ. Въ окрестности его множество лавокъ. Далѣе жилища красильщиковъ и храмъ Фортуны.

Уже нѣсколько лѣтъ прошло, какъ не былъ открытъ ни одинъ памятникъ искусствъ. Недавно найдена великолѣпная мозаика, коюрой изображеніе понынѣ еще предметомъ разнорѣчивыхъ толковъ. Несомнѣнно кажется лишь то, что она представляеть одно изъ сраженій Александра Великаго съ Персами, коюрое же именно, не извѣстно. Капальдо Янелли доказываетъ, что тупъ изображена битва при Граникъ. Мозаика открыта въ домъ Фавна; эпонъ домъ долженъ быть названъ, по мнѣнію Нѣмецкихъ художниковъ, *Casa di Goethe*. Изъ новѣйшихъ извѣстій видно, что нынѣ продолжаютъ рыть позади его, въ направленіи къ городской стѣнѣ. Обозрѣвая весь планъ города, легко можно примѣтить, что еще не открыта и третья часть его. На содержаніе рабочихъ, смотришелей при нихъ и возстановленіе разрушеннаго отпускается ежегодно 6000 дукатовъ; чтобы совершенно окончить работу, потребно около 700,000 дукатовъ и, по крайней мѣрѣ, пятьдесятъ лѣтъ.

Изъ Ausland. Н. Ивановъ.

ИСТОЛКОВАНИЕ ПЛАНА ПОМПЕИ.

- A. Неаполь.
 - B. Везувій.
 - C. Помпея.
 - D. Неаполишанскій Заливъ.
 - E. Авернское Озеро.
 - F. Мелипо.
 - G. Нола.
 - H. Пальма.
 - I. Опшаджано.
 - K. Сомма.
 - L. Торре дель-Греко.
 - M. Геркуланумъ.
 - N. Резина.
 - O. Поршичи.
 - P. Черкола.
 - Q. Сантъ-Анастазіо.
 - R. Поджіо.
 - S. Скафаши.
 - T. Каналь ди-Сарно.
 - U. Боско ди шре казе.
 - V. Торре дель-Аннунціата.
 - W. Кастелламаре ди Спабіе.
 - X. Комиліано д'Арко.
 - Y. Кассорія.
-
- I. Храмъ Фортуны.
 - II. Храмъ Геркулеса.
 - III. Домъ Пансы.
 - IV. Рынокъ.
 - V. Домъ Саллустіа.

- VI. Спѣсны и башня.
 - VII. Вилла Діомеда.
 - VIII. Храмъ Юпишера.
 - IX. Разрѣзъ западной части Форума.
 - X. Амфитеатръ.
 - XI. Разрѣзъ восточной части Форума.
 - XII. Вороша 7.
 - XIII. Разрѣзъ большого театра.
 - XIV. Госпиница.
 - XV. Арка. 35.
 - XVI. Неаполь.
 - XVII. Везувій.
 - XVIII. Бани.
 - XIX. Храмъ Юпишера.
 - XX. Пантеонъ.
 - XXI. Храмъ Квирина.
 - XXII. Халцидикумъ.
 - XXIII. Храмъ Венеры.
 - XXIV. Касшелламаре ди Спабіе.
 - XXV. Большой театръ.
1. Амфитеатръ, ошр. 1748, 1815—16.
 2. Вѣроятно скопный рынокъ (forum boarium).
 3. Вилла Юліи Феликсъ, 1754—1755.
 4. Улица (vicus).
 5. Лавки (tabernae).
 6. Передняя (atrium).
 7. Коридоръ (prothyrum).
 8. Водоемъ (impluvium).
 9. Спальня (cubiculum).
 10. Проходы (fauces).
 11. Боковая комнаша (ala).

12. Галерея, сполбовая (peristylum).
13. Зала (oecus).
14. Споловая (triclinium).
15. Портикъ (porticus).
16. Задній выходъ (posticum).
17. Пекарня (pistrinum) и мукомольня (mola).
18. Печь (furnus).
19. Кухня (culina).
20. Садъ и гульбище (hortus cum xysto).
21. Каршинная (tablinum).
21. а. Гостиная (stabulum).
22. Рынокъ (forum mundinarium) 1794.
23. Большой театръ 1764—1792.
24. Скамьи, а. Сцена. b. Оркестръ.
25. Малый театръ 1796.
26. Колодези 1796.
27. Храмъ Геркулеса 1768.
28. Треугольная площадь.
29. Трибуналъ.
30. Улица серебряниковъ.
31. Базилика.
32. Форумъ 1814—1815.
33. Храмъ Квирина 1817.
34. Декуріонашъ.
35. Пантеонъ, или храмъ Августа.
36. Галерея Халцидская (Chalcidicum).
37. Храмъ Юпишера 1817.
38. Улица Форлуны.
39. Тріумфальная арка.
40. Бани 1824.
41. Тюрьма.

42. Амбары.
43. Банная улица.
44. Храмъ Форшуны. 1813.
45. Улица сухихъ плодовъ.
46. Домъ Пансы.
47. Улица Гермовъ.
48. Рашуша (curia).
49. Казначейство (aerarium).
50. Улица гробницъ.
51. Дворъ съ порпикомъ.
52. Лавки.
53. Гробницы.
54. Госпиница.
55. Вилла Діомеда.
56. Вороша на дорогъ въ Геркуланумъ.
57. Вороша, идущія къ Везувію.
58. Вороша, опчаспи опрышья.
59. Вороша въ Нолу.
60. Вороша, ведущія чрезъ Сарно.
61. Вороша въ Касшеламаре.
62. Въшняя спѣна.
63. Въшренняя спѣна.
64. Малые дома и лавки. 1813.
65. Храмъ Венеры. 1817.
66. Загородный домъ Цицерона.
- a. Домъ Триклинія.
- b. Домъ для продажи шеплаго пишья (кофейня)
(thetmopoliumr.)
- c. Домъ Веспалокъ.
- d. Таможня.
- e. Всенародные колодези.
- f. Домъ музыканша.

- g. Домъ Юлія Полибія.
- h. Домъ лекаря.
- i. Домъ Изиды и Озирида, или панцовщиць. 1811.
- k. Домъ Нарцисса. 1788.
- l. Домъ Пупіона. 1788.
- m. Пекарня. 1806.
- n. Домъ Саллустія.
- o. Домъ хлѣбника.
- p. Домъ съ шремя сохранившимися сѣнями.
- q. Дождепріемная (impluvium) дома Пансы.
- r. Домъ драматическаго поэта. 1825.
- s. Домъ суконщиковъ.
- t. Домъ Зефира и Флоры, или Вакханшокъ.
- u. Лирапаг.
- v. Домъ квестора.
- w. Лавки сухихъ плодовъ.
- x. Колодези.
- y. Женскія бани.
- z. Молочныя лавки.
- aa. Домъ и училище гладіашоровъ.
- bb. Домъ Венеры и Марса.
- cc. Большой водоемъ.
- dd. Храмъ Эскулапа.
- ee. Домъ ваяшеля.
- ff. Домъ Мелеагра.
- gg. Домъ Нереидъ.
- hh. Домъ Фавна.

ПОЛИТИКА.

ОБОЗРѢНІЕ ПОВѢЙШИХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ.

РОССІЯ.

Высочайшими Грамотами, Всемилостивѣйше пожалованы: Кавалерами Ордена Св. Александра Невскаго, Командиръ Гвардейскаго Резервнаго Кавалерійскаго Корпуса, Генераль-Лейтенантъ Кноррингъ, и Членъ Военнаго Совѣта, Кіевскій Военный Губернаторъ и Генераль-Губернаторъ Подольскій и Волынскій, Сенаторъ. Генераль-Лейтенантъ Графъ Гурьевъ; ордена Бѣлаго Орла: Ревельскій Военный Губернаторъ, Адмиралъ Графъ Гейденъ, и Двора Его Императорскаго Величества Гофмаршалъ Князь Долгоруковъ; ордена Св. Владиміра 1-й степени, Членъ Генераль-Аудиторіата, Сенаторъ Генераль-Лейтенантъ Княжнинъ; ордена Св. Владиміра 2-й степени, Тайные Совѣтники, Вице Предсѣдатель Судебнаго Сената Финляндіи, Баронъ Меллинъ, и Прокуроръ Сената Финляндіи, Валень; Директоръ Императорскихъ С. Петербургскихъ Театровъ, Тайный Совѣтникъ Геденовъ; ордена Св. Анны 1-й степени: Командиръ Лейбгвардіи Финляндскаго полка, Генераль-Маіоръ Офросимовъ 2-й и Членъ Сената Финляндіи, Ландсгевдингъ Кликъ; Всемилостивѣйше пожалованы знаки ордена Св. Анны 1-й степени, Императорскою Короною украшенные, Члену Совѣта Министра Финансовъ, состоящему въ должности Управляющаго Государственнымъ Заемнымъ Банкомъ, Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Ореусу.

— Всемилостивѣйше пожалованы Кавалерами ордена Св. Станислава 1-й степени: Войсковою Дворянскій Депутатъ, Войска Донскаго Генераль-Маіоръ Рубашкинъ,

и Командиръ Атаманскаго Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича полка, Генераль-Маіоръ Кузнѣцовъ.

— Высочайшимъ Приказомъ, 11-го Декабря, состоящій по Артиллеріи Генераль-Маіоръ Сухозанетъ 2-й, назначенъ Начальникомъ 4-й Артиллерійской дивизіи.

— Высочайшимъ Приказомъ, 6-го Декабря, произведенъ, за отличіе, въ Вице-Адмирала, Командующій Севастопольскимъ Портомъ, Контръ-Адмиралъ Стожевскій, съ утвержденіемъ Командиромъ сего порта.

— По Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, въ 6-й день сего Декабря послѣдовавшему, произведенъ, за отличіе по службѣ, по Корпусу Инженеровъ Путей Сообщенія, Полковникъ Севастьяновъ въ Генераль-Маіоры. (*Русск. Инв.*)

— Въ Высочайшихъ Указахъ, за собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, даннымъ Государственному Совѣту, изображено: 1. Декабря 6 числа, «Сенатору, Генераль-Лейтенанту Принцу Петру Голштейнъ-Ольденбургскому, Всемилостивѣйше повелѣваемъ быть Членомъ Государственнаго Совѣта.» 2. Декабря 8 числа. «Члену Государственнаго Совѣта, Генераль-Лейтенанту Принцу Петру Голштейнъ-Ольденбургскому, повелѣваемъ присутствовать въ Департаментъ Гражданскихъ и Духовныхъ Дѣлъ, съ тѣмъ, чтобы, въ отсутствіе Предсѣдателя сего Департамента, онъ занималъ его мѣсто.»

— Члену Государственнаго Совѣта, Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Графу Григорію Строганову, Всемилостивѣйше повелѣно быть Оберъ-Шенкомъ Высочайшаго Двора.

— Вице-Президентъ Придворной Конюшенной Конторы, Штамейстеръ Беклемишевъ, уволенъ, по прошенію его, за болѣзнію, вовсе отъ службы, со Всемилостивѣйшимъ повелѣніемъ, на основаніи 1,531 статьи 3-го тома

Свода Законовъ , производить ему въ пенсіонъ по три тысячи пяти сотъ четыре рубля въ годъ изъ Государственнаго Казначейства.

— Шталмейстеру Высочайшаго Двора Барону Фридериксу , Всемилостивѣйше повелѣно быть Вице-Президентомъ Придворной Конюшенной Конторы.

— Членъ Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ , Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Баронъ Ганъ , Всемилостивѣйше пожалованъ въ Тайные Совѣтники , съ повелѣніемъ присутствовать ему въ Правительствующемъ Сенатѣ.

— Состоящему въ должности Вице-Президента Гофъ-Интендантской Конторы и въ званіи Каммергера , Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Александру Щербинину , Всемилостивѣйше повелѣно быть и въ должности Гофмейстера при Высочайшемъ Дворѣ.

— Состоящій по Военному Министерству , Статскій Совѣтникъ Марковъ , Всемилостивѣйше пожалованъ въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники.

— Состоящій въ должности Вице-Директора Департамента Разныхъ Податей и Сборовъ , Статскій Совѣтникъ Базилевскій , Всемилостивѣйше утвержденъ Вице-Директоромъ того Департамента.

— На основаніи §§ 33 и 34 Положенія о управленіи дѣлами Армяно-Грегоріанскихъ въ Россіи церквей , и представленія Верховнаго Эчміадзинскаго Патріарха , Католика всѣхъ Армянъ Іоаннеса , Всемилостивѣйше повелѣно быть Членами Эчміадзинскаго Армяно-Грегоріанскаго Синода Архіепископамъ: Барссегу , Іосифу и Лукъ , Епископу Стефану и Архимандритамъ : Іоаннесу Крымскому , Исааку Сатуллиану , Іоаннесу Вагаршапатскому и Іоаннесу Шахатунову.

— На основаніи § 57 Положенія о управленіи дѣлами Армяно-Грегоріанскихъ въ Россіи церквей , и представленія Верховнаго Эчміадзинскаго Патріарха , Католико-

са всѣхъ Армянъ Іоаннеса , Всемилостивѣйше повелѣно быть Начальниками Армяно-Грегоріанскихъ Епархій: Карабахской , управляющему оною , Архіепископу Багдасару , Грузинской , Ахалцыхскому Архіепископу Карапету , и Ширванской , находящемуся въ Гумрахъ Епископу Карскихъ переселенцевъ , Стефану Хожакніанцу.

— Внука Адмирала Графа Мордвинова , дѣвица Марія Столыпина , дочь Вице-Канцлера , Графиня Марія Нессельродъ , и дѣвицы Баронесса Александра Дризентъ , Анна Арбузова , Марія Безобразова и Анна Окулова , Всемилостивѣйше пожалованы во Фрейлины къ Ея Императорскому Величеству.

— Чиновнику Министерства Финансовъ , Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Муханову , Всемилостивѣйше повелѣно быть Членомъ Совѣта Министра Финансовъ.

— Горный Начальникъ Кольвано-Воскресенскихъ Заводовъ , Корпуса Горныхъ Инженеровъ Полковникъ Бегеръ , согласно поданному имъ прошенію , Всемилостивѣйше уволенъ вовсе отъ службы , по разстроенному здоровью , и Высочайше повелѣно: на мѣсто его быть Горнымъ Начальникомъ Кольвано-Воскресенскихъ Заводовъ , Управляющему Сибирскими соловаренными заводами , Корпуса Горныхъ Инженеровъ Полковнику Злобину.

— Горный Начальникъ Екатеринбургскихъ Заводовъ , Корпуса Горныхъ Инженеровъ Подполковникъ Протасовъ , согласно поданному имъ прошенію , Всемилостивѣйше уволенъ вовсе отъ службы , и Высочайше повелѣно быть на мѣсто его Горнымъ Начальникомъ Екатеринбургскихъ Заводовъ , Горному Инженеръ-Подполковнику Чабавскому.

— Коллежскіе Совѣтники: Управляющій Внутреннею хозяйственною частію по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ , Орловъ , бывшій Членъ Комитета о построеніи казармъ Лейбъ-Гвардіи Литовскаго полка , Кусовъ , и

Начальник Отдѣленія Департамента Духовныхъ Дѣлъ Иностранныхъ Исповѣданій, фонъ Поль, Всемилостивѣйше пожалованы въ Статскіе Совѣтники.

— Государственный Совѣтъ, въ Департаментъ Законовъ и въ Общемъ Собраніи, рассмотрѣвъ представленіе Министра Юстиціи о мѣрахъ къ предупрежденію многобрачія, Мнѣніемъ положилъ: постановить по сему предмету, въ дополненіе 662 статьи Свода Законовъ Уголовн. (т. XV) нижеслѣдующія правила: 1) Дѣла о многобрачіи и опредѣленія за оное, по правиламъ церковнымъ, наказанія, подлежатъ, на общемъ основаніи, вѣдомству духовныхъ правительствъ. Но по окончаніи суда духовнаго надъ виновнымъ въ такомъ преступленіи, Святѣйшій Синодъ немедленно и установленнымъ порядкомъ сообщаетъ копію послѣдовавшаго приговора въ Правительствующій Сенатъ, для преданія преступника суду по гражданскимъ уголовнымъ законамъ, за учиненный имъ чрезъ многобрачіе подлогъ. 2) Духовная эпитимія, назначаемая подсудимому за многобрачіе, должна быть исполняема уже на мѣстѣ ссылки преступника, куда онъ поступитъ по приговору суда уголовного. 3) Участъ дѣтей невиннаго мужа или невинной жены, обманомъ вовлеченныхъ въ противозаконный бракъ, можетъ быть предаваема, по усмотрѣнію обстоятельствъ дѣла, Монаршему милосердію. На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: *»Быть по сему.«* Въ С. Петербургѣ, 18-го Ноября 1836 года.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему представленію Господина Министра Народнаго Просвѣщенія, Всемилосивѣйше пожаловать соизволилъ Профессору Медико-Хирургической Академіи и Ординарному Академику Императорской Академіи Наукъ, Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Загорскому, въ воздаяніе пятидесятилѣтней полезной службы его по знанію врача,

золотую табакерку съ вензельнымъ изображеніемъ имени Его Величества, брилліантами украшенію. (А. В.)

ФРАНЦІЯ.

Экспедиція въ Константиноу не имѣла совершеннаго успѣха. По чрезвычайному, не предвидѣнному случаю, она превратилась въ сильную рекогносцировку, въ слѣдствіе которой Маршалъ Клозель былъ принужденъ расположиться укрѣпленнымъ лагеремъ при Гуэльмѣ, въ трехъ переходахъ отъ Константины. Герцогъ Немурскій находится въ вождельномъ здравіи. Экспедиціонная армія не встрѣтила на дорогѣ изъ Боны въ Константиноу, ни непріятеля, ни какого другаго препятствія. Дорогою выходили къ ней на встрѣчу Аравійскія племена, и изъявляли радость о томъ, что Французы идутъ противъ Константины, и овладѣютъ симъ городомъ. Со всѣхъ сторонъ были пригоняемы многочисленныя стада овецъ, козъ и рогатаго скота. Безъ затрудненія прошла армія черезъ Сташъ и Аибскій дефилей. Здѣсь узнали что Ахметъ-Бей выѣхалъ изъ Константины съ своими женами и сокровищами. При Сомѣ, въ пять часовъ утра, выпалъ сильный градъ со снѣгомъ. До тѣхъ поръ, все шло благополучно; но эта ночь была чрезвычайно пагубна для многихъ солдатъ; тысячи изъ нихъ захворали. 21-го числа, армія находилась только въ трехъ переходахъ отъ Константины. Сойдя съ пригорка, на которомъ былъ расположенъ лагерь, армія нашла, что вода въ рѣкѣ Уэдъ-Бенъ-Мезіугъ была значительно высока. Войско было принуждено перейти ее въ бродъ, выше колѣнъ; снѣгъ не переставалъ итти, въ строю оставалось тогда изъ 7000 чел., не болѣе 4000. Наконецъ, около двухъ часовъ, армія прибыла на Мантсурскую возвышенность, и заняла позицію въ 120 саженьяхъ отъ города; земля и люди были покрыты снѣгомъ, и повозки исчезали, завязнувъ въ грязи. Городъ не хотѣлъ поступать противъ насъ непріа-

тельски; однако же чрезъ городскія ворота, которыхъ мы не могли обложить, были впушены въ крѣпость Кабаньи, и они силою приняли на себя защиту. На другой день, Маршалъ приказалъ открыть по городу сильный огонь, чтобъ выломить ворота дель Кантара. На третій день, пальба не прекращалась, и ворота были выломаны, но неудачно. Оставалось только отступить, потому что жизненные припасы, расчисленные на двѣ недѣли, начинали истощаться. Половина повозокъ; завязшихъ въ грязи на Мантсурской возвышенности, была разграблена солдатами, представленными для ихъ охраненія. 28-го Ноября, въ 8 часовъ утра, армія покинула свои позиціи при Мантсурѣ и при Кандіарь-Ати, у южныхъ воротъ; армію преслѣдовали сначала около сотни человекъ, вышедшихъ изъ города; къ нимъ присоединились со всѣхъ сторонъ конники, и ихъ число возрасло до двухъ тысячъ. На слѣдующій день, число ихъ уменьшилось. Мы отступили въ порядкѣ.

— Въ Монитерѣ напечатано подробное донесеніе Маршала Клозеля объ экспедиціи; въ немъ сказано, что Французскую армію Аравитяне преслѣдовали четыре дня сряду, но что она возвратилась въ Бону безъ значительной потери. Маршалъ Клозель еще не показываетъ числа убитыхъ и раненыхъ. Въ концѣ, онъ только извѣщаетъ, что полное донесеніе привезетъ его адъютантъ, Полковникъ Рансе, и словесно сообщитъ дальнѣйшія подробности.

— Генераль Трезель, подвергаясь сильнѣйшему огню, для ободренія войска, былъ раненъ пулею въ горло на пролетѣ. Однако же, говорятъ, что рана не смертельна. Почти во всѣхъ извѣтіяхъ говорятъ, что Французская армія лишилась отъ 800 до 1000 чел. убитыми; число больныхъ и раненыхъ простирается, повидимому, отъ трехъ до четырехъ тысячъ, такъ, что во всей экспедиціон-

ной арміи находилось въ строю, при возвращеніи въ Бону, не болѣе двухъ тысячъ человекъ.

— Въ экспедиціи Константиновской участвовало большое число любопытствующихъ. Между ними находились Герцогъ Караманъ, бывшій Французскимъ Посломъ въ Вѣнѣ, и Герцогъ Мортемаръ. Герцогу Караману болѣе 70-ти лѣтъ отъ роду, и онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые наилучше выдержали усталости похода. Молодой, весьма богатый человекъ Г. Санегонъ, участвовавшій въ экспедиціи, также изъ любопытства, сдѣлался жертвою ненастной погоды.

— Въ Монитерѣ 21-го Декабря, напечатано слѣдующее: «Военный Министръ получилъ сегодня отъ Маршала Клозеля списокъ умершихъ, убитыхъ, раненыхъ и безъ вѣсти пропавшихъ въ экспедицію въ Константинополь офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и солдатъ. Изъ сего списка видно, что офицеровъ убито и безъ вѣсти пропало 10, ранено 16; унтеръ-офицеровъ и солдатъ убито и безъ вѣсти пропало 443, ранено 288.

— Въ Монитерѣ напечатана слѣдующая телеграфическая депеша изъ Тулона, отъ 14-го числа: «Начальникъ морскихъ силъ въ Алжирѣ извѣщаетъ, отъ 14-го числа, что экспедиція, отправленная, 23-го Ноября, изъ Орана, для снабженія Тремесена военными и жизненными припасами, вовсе не встрѣчала препятствій на походѣ. Экспедиціонный отрядъ, составленный изъ 4,000 чел., возвратился въ Оранъ 2-го Декабря, имѣвъ на пути только не большія стычки, кончившіяся въ нашу пользу. Изъ всего отряда убито двое, ранено восьмеро. Къ войскамъ, расположеннымъ при Тафнѣ, непріятель и не подходилъ.»

— Герцогъ Немурскій прибылъ 20-го Декабря въ Парижъ.

— 27-го Декабря происходило открытіе засѣданія Палаты. Оно ознаменовано было новымъ злодѣйскимъ по-

кушеніемъ на жизнь Короля Лудовика Филиппа. Король выѣхалъ, въ часъ по полудни, изъ Тюльерійскаго дворца, въ каретъ, съ тремя своими сыновьями. Герцогъ Орлеанскій сидѣлъ подлѣ него, а Герцоги Немурскій и Жуанвильскій насупротивъ. По обѣимъ сторонамъ дороги стояла національная гвардія. Лишь только карета съѣхала съ мосту Лудовика XVI, выстрѣлили въ нее изъ пистолета. Въ ту самую минуту, Король кланялся національной гвардіи, и хотя злодѣй стоялъ въ шести шагахъ отъ него, но не попалъ. Пулею разбило стекла каретныя, и обломками ихъ ранило въ лице Герцоговъ Орлеанскаго и Немурскаго. Нѣкоторые особы свиты королевской совѣтовали воротиться во дворецъ, но Король приказалъ продолжать путь въ Палату, гдѣ находились уже Королева съ Принцессами, Министры, дипломатическій корпусъ, члены и многочисленная публика. Лишь только тамъ узнали о новомъ покушеніи на жизнь Короля, распространилось общее безпокойство, но оно превратилось въ единодушный восторгъ, когда Король съ Принцами вступилъ въ залу. Король прочиталъ рѣчь объ открытіи Падатъ, и она была принята съ громкими изъявленіями удовольствія. — Убійцу схватили на мѣстѣ преступленія. Онъ молодой человекъ, лѣтъ двадцати; долгое время не хотѣлъ онъ объявлять своего имени. Наконецъ, на очныхъ ставкахъ доказано было, что его зовутъ Жанъ Франсуа Мёнье. Онъ былъ подмастерьемъ у сѣдельника, и помѣшался на чтеніи революціонныхъ книгъ. Онъ преданъ ужь Суду Перовъ. вмѣстѣ съ нимъ арестованы два человека, подозрѣваемые въ соучастіи.

— Изъ городка Авена пишутъ, отъ 17-го Декабря, что тамъ открытъ республиканскій заговоръ. Заговорщики намѣревались схватить Полковника 6-го линійнаго полка, взять хранящіеся у него ключи отъ пороховаго магазина, и затѣмъ поджечь магазинъ, чтобъ разрушить весь

городъ. Подъ стражу взяты нѣсколько офицеровъ и иностранцевъ, въ числѣ которыхъ одинъ Бельгіецъ.

— Изъ Страсбурга пишутъ, отъ 15-го Декабря: »Кольмарскій Королевскій Судъ обнародовалъ рѣшеніе, принятое относительно лицъ, замѣшанныхъ въ заговоръ Принца Лудовика Бонапарте. Во вступленіи между прочимъ сказано: »Во вниманіи къ тому, что начатое надъ Наполеонѣмъ Лудовикомъ Бонапарте производство дѣла не было продолжаемо, что его даже не допрашивалъ комиссаръ, назначенный для того судомъ, невозможно принять касательно его какого либо рѣшенія. Королевскій судъ признаетъ невиновными: Телена, Куарда, Поджи, Госпожу де Брюкъ, Кавеля, Лафона и Желена, и предписываетъ, чтобы тѣ изъ нихъ, которые находятся въ заключеніи, были немедленно освобождены, если кромѣ того не содержатся подъ стражею по какому либо другому обвиненію. Напротивъ того, признаетъ онъ подлежащими суду, Водрей, Лети, Паркена, Кереля, Грикура, Элеонору Бро (Brault), де Брюка, и находящихся въ отсутствіи Дюпенгонара, Петри, Гро, Шиллера, Персиньи и Ломбарда «

АНГЛІЯ.

23-го Декабря Король опять имѣлъ припадокъ подагры, и потому вчера не прогуливался по обыкновенію. Королева простудилась, и ей также запрещено выѣзжать. Впрочемъ, болѣзни Ихъ Величествъ незначительны, потому что вчера былъ данъ въ Брейтонскомъ дворцѣ большой обѣдъ, къ которому Король пригласилъ Министровъ. По окончаніи засѣданія Тайнаго Совѣта Королю откланивался Французскій Посоль, Графъ Себастиани; онъ ѣдетъ на время въ Парижъ.

— Часовой мастеръ Наундорфъ, выдающій себя за Лудовика XVII, прислалъ Австрійскому Послу въ Лондонъ письмо къ Императору Австрійскому; въ этомъ пись-

мъ онъ доказываетъ, что онъ старшій сынъ Лудовика XVI, не признаетъ ни какихъ трактатовъ, которые будутъ заключены съ Герцогомъ Бордосскимъ, и жалуется на Лудовика Филиппа, отказавшаго ему въ правосудіи.

— Въ Morning Chronicle напечатано частное письмо изъ Вашингтона, отъ 24-го Ноября; въ немъ извѣщаютъ объ избраніи Г. фанъ Бурена, большинствомъ около тридцати голосовъ, въ Президенты Соединенныхъ Штатовъ. Новый Президентъ поселился въ правительственномъ дворцѣ, въ которомъ Генераль Джаксонъ лежитъ еще въ тяжкой болѣзни. Въ Нью-Йоркѣ 30-го Ноября еще не знали о выборѣ, хотя уже никто въ томъ не сомнѣвался. Изъ Новаго Орлеана пишутъ, что 15-го Октября отправился въ Техасъ новый отрядъ Мексиканскихъ войскъ, и что въ Мексикѣ жители вообще не расположены къ Сѣверо-Американцамъ.

— 13-го Декабря произошло торжественное открытіе новой желѣзной дороги между Лондономъ и Гринвичемъ, оконченной нынѣ до Лондонскаго Моста. Лордъ-Меръ и шерифы пришли въ процессіи къ мѣсту отъезда, и длинный рядъ экипажей проехалъ въ первый разъ въ Дентфортъ.

— Въ Придворной Газетѣ напечатано, что Англійскій Дворъ наложилъ, по случаю кончины Карла X, трауръ на десять недель.

ИСПАНІЯ.

Испанское Правительство занимается составленіемъ въ Кастиліи двадцатитысячной резервной арміи. Мѣра сія причинена, безъ сомнѣнія, опасеніемъ, что, по взятіи Бильбао, Карлистскія войска начнутъ расхаживать по разнымъ мѣстамъ Испаніи съ большею противъ прежняго отвагою.

— Въ Монитерѣ напечатана слѣдующая телеграфическая депеша изъ Байонны, отъ 19-го Декабря: »Эспар-

теро снялся, 15-го Декабря, съ позицій при Седанѣ, и отступилъ съ артиллеріею и мостомъ къ Португалеттѣ; онъ ожидаетъ прибытія четырехъ новыхъ баталіоновъ. Карлисты снова заняли покинутыя ими позиція, и 16-го числа возстановили батареи противъ Бильбао.»

— Въ Journal des Débats напечатано: »Большое число офицеровъ Англійскаго вспомогательнаго легіона, не желая долѣе переносить лишенія всякаго рода, подали въ отставку. Письма сихъ офицеровъ, печатаемыя въ Англійскихъ журналахъ, наполнены сътованіями и упреками; въ нихъ также жалуется въ сильныхъ выраженіяхъ на Испанское Правительство и на неспособность Генерала Эспартеро, который съ своей стороны жалуется на бѣдствіе Генерала Эванса.

— Испанское Правительство назначило Tenerifскій портъ складочнымъ мѣстомъ каменнаго угля для пароходовъ, идущихъ въ Индію.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Императоръ Австрійскій назначилъ нынѣшняго Австрійскаго Посланника въ Дрезденъ, Графа Коллоредо-Вальзо, Чрезвычайнымъ Посланникомъ и Полномочнымъ Министромъ при Баварскомъ Дворѣ, на мѣсто Графа Шпигеля, вышедшаго въ отставку по разстроенному здоровью. Австрійскимъ Министромъ при Саксонскомъ Дворѣ назначенъ Баронъ Биндеръ фонъ Кригельштейнъ, находившійся донныѣ въ томъ же качествѣ при Швейцарскомъ Союзѣ.

— Въ Бельгійскомъ Монитерѣ, 14-го Декабря, напечатано объ увольненіи Министра Иностранныхъ Дѣлъ и Морскаго-Графа Меленера; должность его поручена на время Министру Внутреннихъ Дѣлъ.

М О Д Ы.

La forme des robes, chapeaux, bonnets, et enfin tout ce qui concerne la toilette des femmes, est, à peu de chose près, stationnaire; la mode établie maintenant jusqu'au printemps ne différera plus que dans la variété des accessoires. Les corsages plats ou à plis formes, montans, sont à peu près les seuls que l'on porte pour robes du matin et redingotes. Les corsages des robes habillées sont assez montans de la poitrine et du dos, très descendans des épaules; la forme drapée à la grecque, ou avec une petite pélerine faisant mantille, sont seules à la mode. Les manches, courtes ou longues, s'ornent de mille façons. Les volans ont encore peu de faveur sur les robes non habillées; mais, en général, celles de soirées sont toutes garnies soit avec des volans, des ruches ou de gros bouillons.

— Les capotes plissées descendant sur les joues et très évasées, sont ce qui se porte le plus le matin; le soir, les petits bords en velours, avec un bouquet de petites plumes sur le côté, ou un turban à la juive en cachemire-gaze lancé au point d'Angleterre, sont des coiffures de bon gout. Les coiffures en cheveux ont aussi une grande latitude; cependant celles à la Sévigné, sont les plus adoptées. Quand'on fait des bandeaux ou des *Berthe*, on les porte descendant jusqu'au bas des joues; sous les petits bords, les *Berthe*, entrelacées de perles sont d'un très joli effet.

— Les grosses épingles prennent une vogue extrême, celles à tête d'or unie s'étaient propagées facilement, attendu la modicité de leur prix; on les fait maintenant en pierres précieuses, représentant de petits oiseaux,

fruits ou fleurs; on place ces épingles sous les chapeaux dans les touffes de cheveux, pour retenir les draperies des corsages; on en place même de toutes petites dans le calice des fleurs en velours qui ornent les robes ou les bonnets. Pour deuil, ces épingles se font en jais.

— Les colliers un peu abandonnés l'hiver dernier, seront beaucoup portés cet hiver en grande toilette; pour les toilettes plus simples et surtout pour les jeunes personnes, les jeannettes et les petits colliers d'or justes sont de bon gout.

Фасонъ платьевъ, шляпокъ, чепчиковъ, и вообще всего, что касается до дамскаго наряда, почти вовсе не перемѣняется; мода установлена нынѣ до весны; измѣненія будутъ только въ разнообразіи принадлежностей. Корсажи высокіе, гладкіе или съ накладными складками преимущественно употребляются для утреннихъ платьевъ, для рединготовъ. Корсажи нарядныхъ платьевъ довольно высоки на груди и на спинѣ, и очень вырѣзаны на плечахъ; фасоны, драпированный *à la grecque*, или съ небольшою пелеринкою, образующую мантиль, одни только въ модѣ. Рукава, короткіе и длинные, убираются тысячею различныхъ образовъ. Воланы еще рѣдки на не-нарядныхъ платьяхъ; но платья для вечернихъ выѣздовъ всѣ вообще украшаются воланами, рюшемъ или большими буфами.

— Шляпки-каноты на косточкахъ, очень открытыя и низко спускающіяся на щеки, много носятъ по утрамъ; для вечернихъ выѣздовъ маленькія бархатныя шляпки, *petits bords*, съ букетомъ изъ небольшихъ перьевъ на боку, и турбаны *à la juive* изъ кашемиръ-гаса, затканнаго золотомъ или изъ кружева, составляютъ прекрасныя головныя уборы; прически также чрезвычайно разнообразны, но прически *à la Ninon* и *à la Sévigné* бо-

лве всѣхъ прочихъ въ употребленіи. Волосы, гладко причесанные спереди, en bandeaux и косы à la Berthe, спаускаются очень низко на щеки; подъ маленькими шляпками, petits bords, косы, переплетенныя бусами, очень красивы. Большія булавки въ чрезвычайномъ употребленіи; такъ какъ булавки съ гладкими золотыми головками, по умѣренной своей цѣнѣ, скоро распространились, то ихъ дѣлаютъ теперь съ головками изъ драгоценныхъ камней, представляющихъ маленькихъ птичекъ, цвѣты или плоды. Эти булавки пришиваются въ пукли подъ шляпки, придерживаютъ драпировку на корсажахъ; самыя маленькія втыкаются даже въ чашечки бархатныхъ цвѣтовъ, украшающихъ платья и чепчики. Для траура, булавки эти дѣлаются изъ чернаго стекляруса.

— Ожерелья, нѣсколько оставленныя въ прошедшемъ году, будутъ очень въ модѣ нынѣшнюю зиму въ большомъ нарядѣ. Для болѣе простыхъ нарядовъ и особливо для молодыхъ дѣвицъ, всего приличнѣе крестики (jeanettes) и узенькія золотыя ожерелья.

(Изъ Petit Courrier des Dames и Journal des Dames et des Modes
30-го Декабря.)

КОНЕЦЪ СТО ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ВТОРОЙ ЧАСТИ

ОГЛАВЛЕНІЕ

Сто осьмидесяти второй части.

страни.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

1. Дитя природы, или одинъ день въ провинціальномъ городѣ 23
2. Монастырь Св. Саввы 55
3. Чаттертопъ 103
4. Марія 249

II. ИСТОРИЯ.

1. Характеръ Сикета V-го 3
2. Помпея 279

III. ПУТЕШЕСТВІЯ.

- Поездка изъ Санктпетербурга въ мѣстечко Константиново, принадлежащее Гр. Ю. А. Г. 203

IV. ДРЕВНОСТИ.

- Горы Утенеса, Литовскаго Князя, основателя Уцьяны 221

V. МЕДИЦИНА.

- Разсужденіе врача 61

VI. МАТЕМАТИКА.

- Математическія лекціи Г. Академика Остроградскаго 143

VII. КРИТИКА

- Всеобщая Естественная Исторія для всѣхъ состояній. Сочиненіе Окена. Переводъ съ Нѣмецкаго. Томъ пятый. Зоологія часть вторая.

сшран.

Тетрадка 1—4, съ таблицею наливняковъ.

Стран. 1—320. 229

VIII. СТИХОТВОРЕНІЯ.

Преложеніе псалма 85

IX. ПОЛИТИКА.

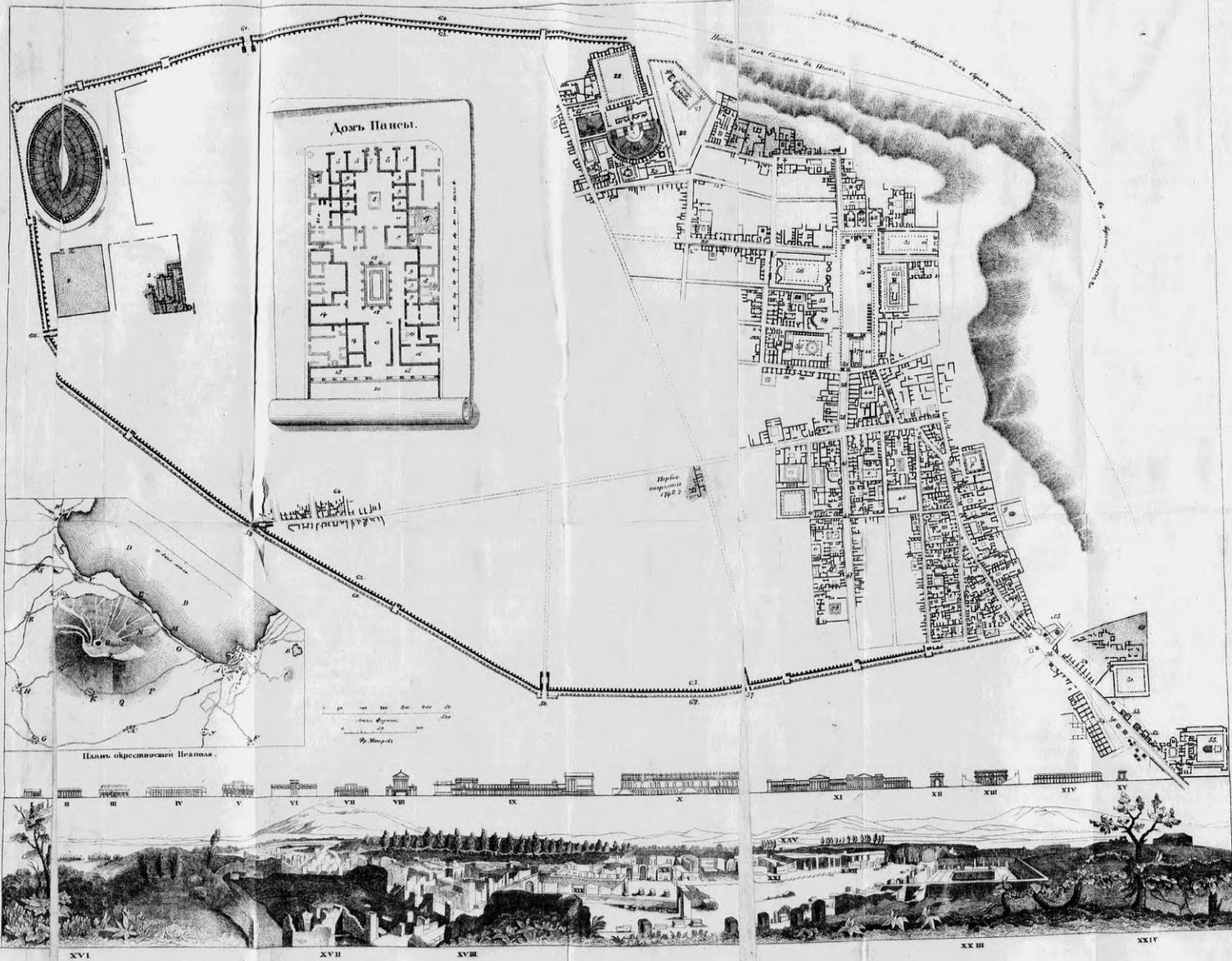
Обозрѣніе новѣйшихъ происшествій 39, 90, 174

и 296

X. МОДЫ 52, 102, 200 и 308.

Къ сему тому принадлежитъ планъ Помпеи.

ПЛАНЪ И ВИДЫ ПОМОЩИ.